Семён АФАНАСЬЕВ

2020

АЛЕКС и АЛЕКС - 3

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Попадание в твой медицинский чип сознания учёного из более развитого мира, оказывается, автоматически проблем не снимает. Где-то даже наоборот: из-за многочисленных различий, проблемы могут только углубиться.

- Семён Афанасьев
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8

Семён Афанасьев
Алекс и Алекс 3

Глава 1

— Слушай, а у нас точно всё под контролем? А то что-то все как на похороны собрались. — Спрашиваю Алекса после того, как мы отходим от Жойс. — Не то чтоб я особо вибрировал, но что-то никто, кроме нас с тобой, не разделяет ни моего оптимизма, ни твоих рациональных пояснений на ниве новаторства.

— Ты радуйся, что у тебя столько небезразличных к тебе людей, — ворчит сосед. — До Квадрата ты был один, как в поле дуб. А сейчас вон, уважаемый человек. В не самых простых кругах.

— Ты меня сейчас пугаешь. Обычно ты не уклоняешься от прямых ответов на конкретные вопросы. — Констатирую.

— По идее, у нас есть резервы по теплосъёму. — Начинает перечислять он. — Я не думаю, что он будет греть в пять раз сильнее Анны.

— Не должен, — соглашаюсь.

— Наработка по снятию у него фокуса у нас тоже в порядке. Плюс резерв по регенерации, в свете последних занятий. Твой Донг, кстати, молодец… Ну и, вспомни столовую. Там что, кто-то ждал, что всё так получится?

— Теперь и половины той форы не будет, — тоскливо вздыхаю. — Ни тебе неожиданности, ни короткой дистанции.

— Да и шут с ними, — беспечно отмахивается Алекс. — Упс, ТРЕВОГА!

И мы с ним моментально соскальзываем в боевой режим.

— Заодно проверимся, — поясняет он.

На дорожку перед нами откуда-то со стороны административного корпуса выныривает секретарша Ли Рени.

_____

Признаться, найти Единичку в этом столпотворении было нелегко. ЮньВэнь даже пришлось какое-то время бродить вокруг нужной площадки по спирали, напрягаясь изо всех сил в режиме сенсора, чтоб засечь отклик его искры.

К счастью, она успела перехватить его до того, как он прошёл в нужный сектор.

Алекс шагал с какой-то белобрысой местной девицей, о чём-то весело болтая и размахивая руками.

Идиот. Как будто не тебя сейчас будут жарить.

— Тормозни. Надо поговорить. — Она вышла на дорогу перед парой, с удовлетворением отметив, что Единичка её почувствовал

заранее.

И даже успел изготовиться.

— Это важно для тебя. В первую очередь. — Продолжила китаянка.

— Да иди ты нахер! — удивлённо моргнул глазами Алекс, делая жест ладонью, как будто смахивал муху. — Не буду я ни о чём с тобой говорить!

Чоу, кое-что прикинув, решила поступить крайне непарламентски. А именно, вырубить его и банально утащить с состязания. Раз никаких аргументов он слушать не захотел.

Она уже делала подшаг вперёд и замахивалась, когда перед ней выросла стена огня.

Хань вскрикнула и отпрыгнула на шаг назад. Пламя тут же погасло.

— Он тебе накостыляет и так, — спокойно заявила на Всеобщем белобрысая спутница молодого дурака, которая и являлась автором ковра из плазмы. — Но я, как его обеспечивающая, прошу тебя по-хорошему: не мешай ему настраиваться! У него очень сложный бой. Вот прямо сейчас.

Анна Хаас, профессионально припомнила секретарь господина Ли.

— Единичка, этот противник тебе не по зубам! — продолжила Чоу на жонг-гуо, отвернувшись от Анны и благоразумно держась на расстоянии. — Пока что. Плюс, они наверняка тебя валить нацелились! Я сейчас о противнике… Оплачу все твои штрафы и заберу тебя учиться к нам! Только откажись от этой дуэли!

— Ты сейчас, помимо прочего, между делом предлагаешь мне отказаться от всей репутации. — Спокойно ответил пацан, который, похоже, и правда не понимал, во что лезет.

Китаянке захотелось удариться головой об стену.

— Репутация трупам ни к чему! — процедила она. — А выживешь — учись! И твори потом, что хочешь! Слова не скажу!

— Иди нахер. Ты мне никто, чтоб мне вообще что-то говорить. Я тебе всё сказал раньше. Не трать моё время и нервы. Или Анна сейчас тебе что-нибудь подожжёт. — Отстранённо, как будто говоря с собакой, произнёс Алекс.

— У меня есть чем ответить твоей Анне. — Глубоко вздохнув, возразила хань.

— Вот и будете тут вдвоём выяснять отношения. А я без обеспечивающего на площадку попрусь. Очень умно с твоей стороны! Слушай, ладно. Ты же не думаешь, что я всерьёз вот с разбегу послушаюсь тебя, и начну жить твоими решениями? А не своим умом?! — логично, в общем-то, удивился Единичка.

— Я хотела перевести тебя на своё место. В перспективе.

Плюс — как положено обучить тебя у нас, когда ты созреешь для этой учёбы. Но сейчас ты можешь нарушить все мои планы одним лишь своим исчезновением из мира живых. — Уверенно объяснила хань, быстро просчитав варианты беседы и решив, что честность иногда — лучшая политика.

— Ну слава богу. — Хихикнул Алекс. — А то я уже подумал, что ты обо мне позаботиться решила. И дружескими, или ещё какими чувствами воспылала.

— Если это для тебя принципиально, чтоб послушаться меня прямо сейчас, можем переспать. — Без тени иронии продолжила давить на пацана ЮньВэнь. — Я серьёзно. Хочешь — давай переспим. Прямо сейчас, как только выйдем отсюда. Только не лезь на эту дуэль! Откажись от неё.

— Ты сейчас поднимаешь мою самооценку прямо-таки на недосягаемую высоту, — фыркнул Единичка.

— У господина Ли есть виды на тебя, — понимая, что терять сейчас особо нечего, китаянка решила приоткрыть ещё одну грань возможных перспектив. — Ты правда можешь вырваться из этого дерьма, в котором живут местные. На тебя строят вполне долгосрочные планы. Почему ты не хочешь слушать старших?

Вообще-то, было категорически неправильным вести разговор именно так, как вела его сейчас она. Но из этой дуэли его надо было вытаскивать любыми средствами, если какие-то планы в его адрес ещё имели место быть. Потому что — и это она понимала — окончания поединка он может банально не пережить.

— Спасибо за откровенность. Но нет. Я уважаю твою преданность работе, но планы на меня могут быть только у меня. Планы других людей в мой адрес — очень грубая ошибка. — Ненадолго остановившись, он повернулся к ней, чтоб сказать это.

Она по инерции сделала шаг навстречу, но он предостерегающе поднял руку. А эта белобрысая девка рядом с ним опять в доли секунды соткала из воздуха огненное покрывало:

— Сейчас ударю всерьёз. — Предупредила Хаас, зажигая на второй руке несколько «игл».

Блин, и правда, сожжёт к чёрту. Дури у неё хватает. Чертыхнувшись, ЮньВэнь сплюнула на землю и, с силой оттолкнув попавшего под руку учащегося, направилась в сторону гостевых трибун.

— Ладно, может, хоть помощь оказать получится. — Излишне громко сказала она сама себе, стараясь, чтоб её услышал и Единичка. — Идиотам везёт. Глядишь, выпутается.

Господину Ли она пока решила ни о чём не докладывать: погибни Алекс через полчаса, Рени однозначно будет орать по этому поводу.

А сделай она предварительный звонок прямо сейчас, он проорётся дважды: тогда, и сейчас. Итого, будет два скандала и два взыскания.

Лучше дождаться результата и тогда набрать его один-единственный раз. Тем более что, мало ли… Вдруг Алекс всё-таки как-то выпутается?

Хотя-я, что может противопоставить выпускнику-огню второй ранг ханьской искры, ЮньВэнь не могла придумать, как ни старалась сообразить. Кстати, да, он ведь уже не Единичка. Считай, Двоечка. Что ровным счётом ничего не меняет в общем раскладе.

На своём уровне она бы, пожалуй, понимала, что делать. И как. Но не в условиях местного гандикапа, которым являлись правила дуэлей в Корпусе. Правила здешних лаоваев, как специально, прописывались будто специально для того, чтоб предоставить местным искрам максимальную фору со старта.

_____

Предстоящий поединок был не столько интересным, сколько изрядно анонсированным.

Сам Мэл, как букмекер со стажем, не особо сомневался в результате.

— На что ставим? — ради проформы спросил он Билла, одного из участников.

Тот пришёл ставить на самого себя, сопровождаемый двоюродной сестрой Люцией и её женихом, Тэдом Энзи.

— На мою победу. — Уверенно ответил Билл, протягивая пачку перетянутых резинкой банкнот.

— Ставки двадцать с лишним к одному, — счёл необходимым предупредить Мэл. — Все прекрасно понимают, что ты его зажаришь до того, как он успеет чихнуть.

— Ну, я бы шапкозакидательски не настраивался. — Ради проформы возразил главный фаворит. — Хотя, да. С точки зрения чистой науки и методики, я тоже не понимаю, на что он надеется. Тут двадцать пять тысяч.

— Получишь свою тысчонку в итоге, — пожал плечами букмекер. — Выигрыша. Давай сюда комм, сброшу талон.

Повинуясь какому-то необъяснимому шестому чувству, Мэл ровно через пять секунд окликнул Билла повторно, указав глазами в сторону.

— Хочу сделать ставку сам, — откровенно заявил он не то чтоб близкому товарищу, но однозначно — хорошему знакомому. — Я по тебе вижу, что ты что-то знаешь. После столовой есть те, кто верит в малолетку.

— Ставь на меня и не бойся за ставку. — Билли, оглянувшись по сторонам, похлопал себя по солнечному сплетению.

— Тс-с-с. — Мгновенно сориентировался букмекер. — Не хочу даже слушать…

— Да тебе могу и сказать, — подвигал левым плечом выпускник. — Не первый раз знакомы.

— Не надо. Ты уже помог. Спасибо. Плюс один процент от меня. — На этой мажорной ноте Мэл вернулся на своё место, где его уже ожидали следующие клиенты.

К его великому удивлению, через три человека деньги ему протянул будущий самоубийца. Алекс Алекс, припомнил Мэл.

— Пять тысяч на мою победу, — новенький наличных не имел, потому воспользовался второй опцией, переводом денег на счёт.

— Принято. — Дежурно покивал букмекер, на автомате отправляя ему полагающийся по процедуре талон.

В следующий момент пацан сделал кое-что, в схемы не укладывающееся, но Мэл настолько не сомневался в своём умении прогнозировать, что про себя только похихикал: давай, страхуйся, малолетний дурак. Всё равно не поможет. Против лома нет приёма.

Несмотря на предписанные процедуры, букмекер вполне обоснованно решил: отдавать ставку Алекса будет некому.

Ладно, если бы был просто Алекс против Билла — тут ещё можно было бы высосать из пальца возможности и неожиданности.

Но новичок-соискатель без искры, да против Билла с артефактом — тут без вариантов.

Ровно через минуту, когда Алекс со-товарищи отошёл, Мэл тут же переставил его деньги, но уже от своего имени. Да, заработает он всего лишь пару сотен, но эта пара сотен была гарантированным выигрышем. Хоть и с низким рейтингом.

Самоубийца приволок пять тысяч, ставка на самого себя (что не возбраняется), при ставках двадцать четыре к одному. Ну идиот, что скажешь. Ладно, надо работать дальше.

———

Сделав свою ставку, я чувствую, что происходящее мне не нравится. Поскольку букмекер смотрит на меня, как на пустое место, определённые детали в его взгляде заставляют меня кое-что предпринять.

Плюс, масла в огонь подливает Алекс:

— Зафиксируй сделку по максимуму! — почти что орёт он по внутренней связи.

На моё счастье, локатор Алекса вылавливает в толпе моего

недавнего знакомого. Сейчас он щеголяет всё в той же нашей форме, но на его рукаве закреплены, как я понимаю, какие-то знаки различия *его* армии. Что интересно, кажется, с их национальной символикой — сам я в его культуре не силён, а Алексу сейчас не до моих вопросов.

Сосед, по его собственным словам, занят лихорадочным приведением моего организма в максимально ресурсное состояние.

— Моше, могу попросить об одолжении? — окликаю нового товарища, делая ему знак подойти ко мне.

— Смотря о чём. — Весело отвечает он, приближаясь вплотную и с интересом разглядывая букмекера.

В двух словах поясняю, что только что сделал ставку, и пересылаю ему на комм свой электронный талон.

Егуди, моментально вникнув в вопрос, кивает мне и, вертя головой по сторонам, громко орёт на всю окрестность:

— Эй, кто-нибудь! Заверьте доверенность?! У кого платёжная история больше двадцатки тысяч?!

Видимо, в этих делах он понимает намного лучше меня. Потому что вначале по внутренней связи аплодирует и присвистывает Алекс, а затем Фельзенштейна из толпы спрашивают:

— Учащиеся или нижние чины?

— И так, и так, — вообще без паузы реагирует он.

Ещё через полторы минуты Моше, махнув мне и букмекеру рукой, удаляется на трибуны, имея около десятка электронных подписей, собранных на моём талоне (среди этих штампов есть личный оттиск самого букмекера и даже одного майора. Последний с егуди почему-то долго сверлили друг друга взглядами, как будто хотели что-то сказать, но не решались).

А ещё через пару минут я, выбросив из головы всё лишнее, на всякий случай слушаю последний инструктаж от Хаас, которая что-то там заметила с высоты своего опыта.

Глава 2

— Ч-чёрт, за этой болтовнёй с Чоу я совсем не успел охладиться, — вспоминаю, как назло, уже перед самым началом аттракциона. — Точнее, из головы вылетело.

На самом деле, Алекс напоминал мне об этом. Но в тот момент я от него отмахнулся; а сейчас он слишком занят моим организмом, и больше не напомнил.

— В каком смысле, охладиться? — удивляется Хаас, внимательно наблюдающая за противоположной стороной арены и не смотрящая на меня. — Я чего-то о тебе не знаю?

— Вода, — хлопаю себя по флягам в разгрузочном жилете. — Её надо было охладить.

— И чем оно тебе поможет? — деликатно и насмешливо поднимает бровь Анна. — Впрочем, ладно… Открывай по одной штуке и давай сюда. Заморозить не заморожу, но до ноля охлажу.

— Большего и не требуется. — Удивлённый неожиданно открывшейся возможностью, моментально делаю всё, как она говорит.

Фляги, переданные мне Жойс, помимо прочего, имеют функцию термоса. К сожалению, из дополнительных функций, они только греют (от встроенного термоэлемента). Охлаждать содержимое не могут.

Анна делает какие-то пассы над открытой флягой в течение пяти-семи секунд, после чего молча указывает глазами на следующую.

Для пробы, отхлёбываю перед тем, как засунуть первую обратно в кармашек жилета.

— И правда, ледяная! — делюсь впечатлениями. — Прямо обжигает! В хорошем смысле, от холода.

— Чуть ниже ноля, — механически кивает мне Хаас, занимаясь следующей посудиной. — Вода, похоже, здорово минерализована. Потому получилось. Где-то ещё не минус один, но уже и не ноль. На границе кристаллизации.

— Там добавлено немного солей, так и заказывал, — подтверждаю. — Слушай, а как ты вот это вот… — неопределённо кручу пальцем над головой. — Ты же огонь? А как ты охлаждать можешь? Что за способность?

— Дурак? — абсолютно отрешённо спрашивает она в ответ. — Тебе сейчас думать не о чем? Или уже ладно… к чёрту… Может, ты и прав… Термодинамика, мой глупый и искренний друг. Думающий совсем не о том, о чём надо. Вернее, это ты

назвал это всё термодинамикой, а у нас в ходу другие названия.

— Каким образом твоя генерация плазмы тебе даёт возможность охлаждать? — пытаюсь разобраться в физике процесса, как говорит Алекс.

— Использование искры обычно заточено в очень узких прикладных интересах. Этот каст, охлаждение, теоретически тоже доступен любому из нас. Просто не все, у кого есть огонь, его тренируют: мороки куча, а практической пользы в драке ноль. За то время, что требуется для овладения охлаждением, можно что-то гораздо более полезное для военной карьеры выучить. — Грустно и по-прежнему отрешённо улыбается Хаас. — Редко кто тратит кучу времени на то, что не получится использовать в прикладных утилитарных целях. Военной карьеры.

— А ты?

— Что я?

— А ты его как освоила, это каст? Ну, или правильнее, зачем?

— Две причины. Для начала, семья. У нас считается, что образование и набор навыков должны быть максимально гармоничными. Умеешь кипятить — умей и охлаждать. Скажем, у нас в семье родители и тренер вбивают в детей всё, что только возможно. Во-вторых, охлаждение — это обратная сторона контроля и комфорта. Чем круче ранг твоей семьи, тем более замысловатыми кастами ты владеешь. Включая самые экзотические, как этот. Вопрос престижа, — она заканчивает пояснение и протягивает мне последнюю флягу. — Тоже не минус один, но всё же чуть пониже ноля.

— Каким образом ты так тонко чувствуешь температуру? — слегка настораживаюсь. — У тебя что, ханьская медицинская искра? Как ты так точно в градусах наощупь ориентируешься?

Анна в ответ смеётся, кажется, пытаясь скрыть волнение. Затем всё же отвечает:

— Ханьской искры не существует. Ну, скажем, с точки зрения моей семьи не существует… а чувствую очень просто. Для меня критичной в объекте, особенно в органике, при обратном модуле является точка кристаллизации жидкости.

— Температура замерзания? — уточняю на всякий случай, потому что у одарённых привычными словами часто называют другие вещи.

— Ага. Вот её, эту точку, я чувствую очень тонко. До десятых долей градуса. Завязано на искру: температура объекта уже не меняется, а энергии продолжаю тратить, как в пропасть. По воде, ноль и около него в обе стороны я чувствую очень хорошо. Блин, о чём мы говорим! — На совсем минорной ноте завершает она, шмыгая носом.

— Не парься, всё будет хорошо. Засекай время. Буду занят не более трёх минут. — Говорю ей, перескакивая через барьерчик по сигналу зуммера.

А в следующий момент меня, парня на противоположной стороне и всю нашу с ним площадку отделяет от трибун мощный энергетический щит.

— Стационарный какой-то прибор, — комментирует Алекс плотность барьера. — Такая моща вкачана, что явно не переноска. Пробить, в принципе, можно; но сходу даже я не могу придумать, как. Второй сигнал, побежали.

_____

Как нам с Алексом и думалось, первыми с той стороны площадки летят обычные иглы. Ну, как обычные; попрохладнее, чем у Хаас.

Элемент многократно отработан, потому смещаюсь вперёд и вправо, пропуская первую порцию мимо себя.

— Не ведись! — коротко рявкает Алекс. — Мониторю его, он что-то задумал! Контроль!

По внутренней связи, диалоги с собственным чипом длятся в тысячи раз быстрее, чем заняло бы устное вербальное общение.

Пока Алекс подсвечивает на нашем с ним виртуальном макете оптимальную трассу, я уже несусь по ней, что есть мочи. Уворачиваясь от следующих летящих в меня серий.

Мой единственный шанс, в принципе, понятен, исходя из сравнения наших тактических характеристик: мне надо прорваться к нему вплотную, во что бы то ни стало.

Ему, соответственно, нельзя дать мне этого сделать ни в коем случае.

Иглы, брошенные им в первых трёх сериях, имели какую-то смешную температуру и максимум могли бы обжечь мне кожу.

Пообщавшись с Хаас, в том числе в режиме тренировки на полигоне, я отлично знаю: он может много лучше.

— Интересно, зачем он подпускает ближе. — Отвечаю Алексу на бегу, благо, никаких усилий это вообще не требует.

— Сам нервничаю. — Обрывает меня сосед.

Площадка для дуэли выбрана Анной по моему указанию и усыпана сплошь песком, гравием и пылью. Всего мне нужно пробежать каких-то сорок метров, даже чуть меньше. Если по прямой.

Проблема в том, что по прямой бежать нельзя.

Чтоб снизить эффект термоудара при прямых попаданиях (которые, к сожалению, неизбежны), мы с Алексом разработали специальную змейку — смену курсов галсами, выводящую

бегущего меня из концентрированных фокусов противника. Главное — не сбавлять темп после пропущенного попадания. Как бы ни было больно.

Хаас, кстати, после отработки мною этого перемещения потом на целый час задумалась. И, спросив разрешения, отправила видеозапись нашего с ней полигона куда-то в семью, родне.

— Объём! — снова рявкает Алекс.

Я, резко затормозив, пинком поднимаю с земли кучу пыли, частично закрывающей меня.

Как ни смешно это звучит, но мелкодисперсная пыль передо мной в разы снижает интенсивность проходящего по мне теплового излучения в исполнении местных одарённых. Алекс засыпал меня формулами на эту тему, но я не вник до конца. В качестве полноценной защиты не годится, но чтоб переждать пару секунд в более щадящем для организма режиме — самое то.

А ресурс организма мы с ним ведём сейчас вдвоём и измеряем до сотых долей процента.

— Они видели каким-то образом твои тренировки, — констатирует сосед.

— По его тактике понятно. — Подтверждаю хмуро.

Поставленный на моём пути с упреждением заслон (по принципу очень горячего духового шкафа из плазмы) рассчитан именно на то, что я влечу в него на всём скаку.

Хаас помогла мне тщательно проработать всю имеющую отношение к делу теорию. И я теперь знаю, что применение такого каста конкретно Биллом говорит о его предварительной подготовке «под противника»: объёмные техники не есть их фамильная сильная черта. Более того, разучивал он их явно впопыхах и недавно, судя по некоторым деталям.

Потому что не дать мне к нему подобраться вплотную в его исполнении может только что-то подобное.

— Чёрт, он тратит слишком много энергии. — Сообщает Алекс нюанс, от меня ускользнувший. — А расход резерва на нём вообще никак не отражается. Как будто он от батарейки, — а дальше мой сосед грязно ругается первый раз на моей памяти. — Так, начинает всё вокруг греть, на весь объём! Откуда у него энергия?! Будем стоять — сгорим. — Буднично заканчивает он. — Вода и вперёд.

Как ни потешно это было при планировании, но сейчас, остановившись и смеша окружающих, выпиваю залпом первую флягу (благо, армейская снаряга снабжена специальными мембранами, забрасывающими содержимое в тебя за доли секунды — специфика сферы применения).

После этого, сверившись с Алексом, зигзагом прохожу горящий квадрат насквозь, продолжая сокращать дистанцию.

— Половина дистанции, — рапортует Алекс, когда мы вываливаемся из горящего куба. — Минус кило двести веса. Преимущественно за счёт испарения воды. Сгоревшая кожа не в счёт, проценты. Тормозни. Вода! Должен быть резерв.

От меня валит пар, как от кипящей кастрюли. Благодаря индивидуальным особенностям, я имею возможность пропустить сравнительно большой объём воды через организм за крайне короткое время, для охлаждения. Правда, внутренние повреждения имеют место.

— Ресурс шестьдесят семь процентов, — раздаётся от Алекса, когда я быстрее чем за секунду приканчиваю и вторую флягу, отбрасывая её на песок.

Что хорошо в данной ситуации, противнику на смену каста и фокуса тоже нужно время. Несмотря на не известно как раздутый им буквально за одну ночь резерв, техника у него похуже Хаасовской. Перенос цели он делает с задержкой, скорость исполнения каждого элемента у него тоже отстаёт от привычной мне. Скажем прямо: рядом с Анной он — просто неуклюжий бык. С очень большим резервом, чего не должно быть, по идее.

К сожалению, создаваемые им температуры периодически запредельны даже для меня. Другое дело что он, со своим слабым (опять же, в сравнении с Хаас) контролем, не может такой каст держать долго. В его работе возникает что-то типа паузы между ударами, если переложить на категории драки. Вот эти паузы — полностью мои.

Следующие двадцать метров похожи на предыдущие: он ставит заслоны в виде кубов плазмы, не попадая по мне фокусом (мелкие, но уже обширные, ожоги не в счёт — в том числе, на внутренних органах, по принципу микроволновки). Дополнительно, он изо всех сил греет при этом окружающее меня пространство и выдавливает таким образом из состояния покоя.

Я же, опустошая очередную флягу, прохожу очередной куб.

Похоже на короеда, прогрызающего себе путь в древесине. Только, в отличие от короеда, у меня осталось чуть меньше сорока процентов физиологического ресурса.

Со стороны, кажется, это похоже на обваренный и ошпаренный кусок мяса, который пытается прорваться к заветному концу площадки. Хорошо, что интерференции он сожжённых нервных окончаний и фрагментов тканей организма можно заблокировать на уровне чипа.

— СТОП! ВОДА! — в очередной раз командует Алекс, сбивая меня с шага и заставляя остановиться.

— Успели бы добежать, — отвечаю, послушно исполняя команду. — Он выдохся, вон, генерирует медленнее.

— Сбавь темп. Он не выдохся. — Хмуро говорит сосед. — По роже видно же. Вон, предвкушает. Что-то задумал. Он радовался, когда ты ускорился.

На мгновение отвлекаюсь от виртуальной трассировки, транслируемой Алексом во внутреннем пространстве. Поднимаю глаза на противника. К сожалению, навести фокус сходу не получается, а дольше щуриться против куба плазмы не позволяет время.

— Мне не до его рожи. — Говорю, борясь со слабостью.

В следующее мгновение, повинуясь мгновенно подсветившейся перед глазами указке (видимо, Алекс обнаружил какую-то брешь), резко стартую, как теннисист под удар соперника. И делаю зигзаг, оказавшись к противнику почти вплотную.

Чтоб влететь головой в расставленную персонально на меня ловушку: теперь плазменная духовка сконцентрирована исключительно вокруг моей головы.

А зрение — вообще очень механически непрочная система.

Сосуды моих глаз взрываются и я слепну примерно в течение полутора сотых секунды.

_____

Спасибо, что есть друзья. Как и предупреждали, нанести критические поражения этому козлу быстро и в боевой обстановке оказывается невозможно. Скажем, если бы его привязали, или ещё как-то обездвижили, тогда за секунду всё было бы кончено.

Но этот малолетний козлёныш, как специально, вертится, словно вошь на гребешке.

Как вариант на будущее, ещё можно специально отработать поражение именно такой увёртливой мишени. Но это, судя по всему, штучная отдельная задача. Никто не будет гатить время месяцами, чтоб научиться справляться с одним-единственным дегенеративным противником.

В принципе, минут за пять Билл бы его допинал и поджарил по частям — видно даже отсюда обугленные фрагменты кожи и мышц.

Беда в том, что этому мудаку достаточно одного удара, чтоб справиться с Биллом. Уже было; повторять не надо.

Слава богу, подсмотренные тренировки с Хаас очень многое сказали о том, чего от новичка ждать. Выпускник на мгновение ужаснулся, представив, что было бы, выйди он на этот поединок с обычным настроем.

Ч-чёрт, пожалуй, такого противника надо опасаться. Что за времена? Уже вон и простаки, оглоблю им в дышло, мутят что-то своё и отрабатывают какие-то элементы, которым даже он без концентратора ничего бы не противопоставил.

Хотя-я, нет; этот-то не совсем простак. Видимо, ханьская медицина — не байки, а тоже искра. Нормальный человек бы так не бежал, мышцы б отказали давно.

Хорошо, что Энзи подсказали. Короткая дистанция — самая нервная. Ну, для Билла, по крайней мере. Но гарантированно за нужный промежуток времени у типа выводятся из строя только глаза. Остальное, видимо, как-то прикрыто этой долбаной ханьской искрой.

Есть! Слепой! Ну, иди сюда, мой дорогой!

Билл, не удержавшись, помахал ладонью в сторону трибун, где сидели родственница и друзья. Уж неподвижная-то мишень, да в пяти шагах…

Совсем другое дело!

_____

Ослепнув, испугаться не успеваю.

Буквально через доли секунды вокруг меня вспыхивает приглушёнными тонами всё та же картинка, но уже в чёрно-белом формате и без далёкой перспективы. Чувствую себя попавшим в виртуальную игру, где видно только в радиусе нескольких метров.

— Бой! — как будто сам не свой, орёт Алекс.

До меня моментально доходит: он, пользуясь иными ресурсами и органами чувств, смоделировал изображение специально для меня. Сейчас оно транслируется им же, только в виде нервных импульсов на глазной нерв.

— Спасибо. — Коротко благодарю. — Чёрно-белое тоже неплохо. — Видимо, каких-то гормонов в крови переизбыток, потому что от дурацкой подколки соседа не удерживаюсь.

— Иди на… — грубо отвечает Алекс второй раз за последние минуты, и за всё наше с ним знакомство, по совместительству.

Противник, считая, что победил, машет в этот момент ладонью в сторону трибун.

Обходя меня по полукругу, он явно смакует момент.

— Отложенное удовольствие есть растянутое удовольствие, — говорю, не поворачивая головы.

Зачем? Отличие трансляции Алекса от моего нормального зрения в том, что видны все триста шестьдесят градусов. Хотя и недалеко, и без цветов.

— Дорастягивался, — весело сообщает Билл, уподобляясь

акуле и заходя на второй круг, обходя меня.

— Вообще-то, звук мне нужен был, чтоб ты отозвался. И чтоб уточнить позиции, — сообщаю под нажимом Алекса, который отчего-то требует именно такого диалога.

Ладно, мне не жалко. Окажись я сейчас вообще без глаз… не буду додумывать эту мысль.

— Окей. Можешь атаковать, — улыбается Билл, стоя у меня за спиной и чуть сбоку.

Естественно, его лица в деталях чип мне сейчас не показывает, только контур (экономия вычислительных мощностей, приходит подстрочник от Алекса). Но я и по одному тону здоровяка готов спорить, что он ухмыляется.

— Подойди поближе, — отвечаю в противоположную от него сторону.

Алекс в этот момент нервно сообщает, что не может понять качества опоры под ногой. И что надо попытаться сократить дистанцию, чтоб снять риски промаха при броске. Он опасается, что песок в этом месте мог сплавиться фрагментами и качество толчка может подвести.

— Мне и отсюда хорошо видно. — Несмотря на собственную фразу, Билли делает скачок на левую ногу и затем тут же вправо.

— *Пора!* — кажется, у Алекса вошло в дурацкую привычку орать за последние пару минут.

Разворачиваюсь с шагом в сторону соперника.

Алекс транслирует медленно поднимаемые руки противника, врубив обратный отсчёт до ожидаемого времени каста (всё-таки, хорошо иметь собственный вычислительный комплекс).

Поскольку качество покрытия неизвестно, а ошибка при толчке и последующем шаге может стать критичной, просто делаю рондат (с нынешним тонусом мышц, я его сделаю, даже стоя по колено в глине).

— Недолёт! — похоже, сосед вообще отучился говорить спокойно. Орёт и орёт.

Продолжая сокращать дистанцию, из рондата ухожу в заднее сальто. Другого способа быстро и точно перемещаться вслепую сейчас нет.

В итоге, кажется, даже чиркаю Билла рукавом.

Картинка Алекса полностью соответствует моим ощущениям. Потому в следующий момент прихватываю Билли за рукав, сильно дёргаю на себя и заваливаюсь по спирали вместе с ним на песок.

Оказываясь сверху. И без затей сворачивая ему голову.

Что интересно, каст с его рук продолжает греть воздух, несясь мимо меня, даже какие-то доли секунды после того, как я слышу

хруст его шейных позвонков.

А потом воображаемая картинка пред моими глазами теряет чёткость, расплывается; и Алекс говорит уставшим тоном, как будто разгружал баржу с зерном весь день:

— Пока угроз не вижу. Изображение на минимуме.

— Да вообще без проблем, — хмыкаю, нащупывая на всякий случай артерию на шее противника.

— Да что ты там ищешь! — отчего-то сердится Алекс. — Труп это! Вон, даже мозговая деятельность у ноля…

— Ну, мне в твоём ракурсе не видать, — замечаю. — Слушай, а чего ты так разошёлся? — спрашиваю его, укладываясь на спину.

Со стороны трибун доносятся неясные шумы (видимо, сняли защиту).

— Ругаешься, орёшь, — продолжаю. — Ты же, как тот Бак: всегда повторяешь, что интеллигентный человек — это ещё и культура речи. Какая муха тебя сегодня укусила?

— Иди в сраку. — Некуртуазно сбривает меня Алекс, и я слышу, что он к юмору не расположен. — Испугался я очень. Я что, не человек?

А затем ко мне подлетают сразу несколько то ли сочувствующих, то ли наоборот (в количестве которых путается даже Алекс, транслируя слипающиеся и разделяющиеся силуэты. Чётко он определил только Камилу, Жойс, Анну и Моше с Баком).

Глава 3

Камила тут же падает рядом со мной на колени (дистанция вплотную, Алекс как-то вычисляет это по потокам воздуха и дыханию, плюс, видимо, по температуре — саму Карвальо он мне показывает отчётливо).

Рядом с Камилой, с секундной задержкой, точно в том же положении оказывается и Жойс.

— *Так, у тебя кровоизлияния в глазах.* — Сообщает мне Карвальо то, что я знаю и без неё.

— *Жив?* — Спрашивает следом Жойс.

— *Живее всех живых*, — салютую в направлении последней. — *Ещё меня ублажать сегодня будешь! Хорошо, что этого языка никто не понимает, хе-хе.*

— Я бы не был столь категоричен, — раздаётся сверху голос Бака, правда, на Всеобщем. — Вы там вообще как?

Лёжа, вытягиваюсь, копируя стойку «смирно» под нажимом Алекса (которого отчего-то на ровном месте обуяла страсть к армейскому этикету). Из-за напора соседа по внутренней связи, озвучиваю ответ в том же стиле:

— Господин подполковник! Соискатель Алекс учебно-тренировочное упражнение окончил! Доложить результаты в полном объёме не имею технической возможности, ввиду полной потери зрения при выполнении упражнения! Оставшийся физиологический ресурс организма — около двадцати семи процентов! Доклад окончил.

— Доклад принял, — тоном профессора-интеллигента отвечает куратор. — И упражнение не совсем тренировочное. Но я чуть иное имел ввиду… Ладно… капитан Карвальо, как он?

— Навскидку — как под трактор попал, — хмуро отвечает Камила. — Внутри большой микроволновки.

Алекс в этот момент транслирует мне её картинку со шприцем в руках, делающую уколы в каждый мой глаз по очереди, по три штуки.

— Сейчас должно зрение появится, — продолжает Карвальо. — Минуты три-пять.

— Нано-смесь? — утоняет Бак.

— Так точно…

— Бл#дь, хоть бы не аллергия! — Алекс неожиданно всполошился после этих слов. — Хорошо, что озвучили! Так, я на письменном канале. Извини, нужен ресурс. Проконтролировать, что там происходит…

Что-то он вообще пошёл вразнос. Матерится, как бездомный из трущоб.

Ещё какое-то время вообще ничего не происходит, если не считать полуофициального разговора Анны и представителей Билли. Они спорят о каких-то форматах и прецедентах, при этом Хаас в порыве чувств мало что не брызжет слюной (микроскопические капельки долетают и до меня — Алекс в подписи пояснил).

А ещё через несколько секунд картинка перед моими глазами, появившись внезапно и будучи поначалу сиренево-лиловой, буквально в течение следующей минуты приобретает привычные очертания и цвета.

— Ура. Я теперь вас вижу, — улыбаюсь Камиле и Жойс.

Бак стоит чуть в стороне и о чём-то общается через комм, не активируя голограммы собеседника.

— Каким образом неодарённый мог настолько критично победить выпускника? — какой-то старикашка, родственник Билли, наседает на Анну (точнее, пытается). — Мы инициируем разбирательство!

— Ваше право. — Спокойно и где-то издевательски заботливо отвечает Хаас. — Но тела я вам всё равно не отдам.

— Это удар ниже пояса. — Низким грудным голосом говорит полноватая женщина.

— *Тётка по линии матери, скорее всего,* — комментирует Алекс, вернувшийся с присмотра за препаратом в моих глазах.

— Неужели вы будете настолько… — она не говорит чего-то вслух, — что не дадите даже похоронить?..

— К чему эти нажимы на жалость? — на лице Анны впервые проступают какие-то эмоции вроде удивления. — У нас с вами было соглашение. В рамках этого соглашения, все активы проигравшей стороны переходят победителю. У вас вызывает сомнение, кто победитель? Или тело одарённого — не актив?

— Надо ещё разобраться, что там за соглашение! — выкрикивает какой-то молодой и, кажется, явно неумный паренёк моих лет, похожий лицом на Билли.

— Моя фамилия Хаас, мальчик. — Ответная улыбка Анны похожа на змеиную. — И это соглашение составлялось между мной и вашим законным уполномоченным представителем по вопросу дуэли. Ты хочешь меня поучить составлению соглашений?

На самом деле, она вряд ли старше пацана, но звучит красиво.

Хлопаю в ладоши из положения «лёжа».

— Не шевелись! — моментально вскидывается Карвальо.

Жойс, от которой здорово пахнет алкоголем, одной рукой мощно впечатывает меня в песок, нажимая на грудь, а указательный палец второй руки прикладывает к губам. Слабо улыбаясь.

— *Кажется, кто-то уже наклюкался за три минуты,* — меняю шёпотом язык, чтоб никто нас не понимал.

— *И ничего не за три,* — обижается она. — *Я полчаса назад на трибунах начала!*

Анна почему-то нервничает всё больше, а старик что-то бормочет себе под нос. Затем он поднимает голову и громко говорит, не обращаясь ни к кому:

— Мы обжалуем результат этой дуэли!

— Какой неумный у вас член семьи, — брезгливо роняет Хаас полной женщине, стоящей рядом с дедом. — Иногда, видимо, к кому-то старость приходит без мудрости, одна.

От препарата Камилы (а может, и ещё от чего) у меня возникает ощущение лёгкости и полёта. Потому тут же озвучиваю то, что приходит в голову (не заботясь о приличиях):

— Валяй! Дед, а как ты на том свете что-то обжаловать решил? Или ты с того света его забрать планируешь, по итогам своей апелляции? Ну или ладно, обжалуй, где хочешь… Я его сегодня по-любому закопаю, моё право. Если будешь успешен, сможешь претендовать на тело. Выкопаешь его обратно для эксгумации?

— Да я его сейчас!.. — рвётся из рук двух охранников тот самый парень, похожий на брата. — Это был мой брат, ты, животное! — буквально выплёвывает он в мою сторону, подтверждая верность догадки. — Я тебя прямо здесь…!

— Он под наркотиками! Не соображает! — кивает Камила на меня, глядя при этом почему-то на Бака с Анной. — И его надо срочно в стационар. Без деталей.

— Телегу вызвала? — спрашивает подполковник что-то, мне в данном контексте непонятное.

И правда, состояние по ощущениям похоже на опьянение. Алекс, кстати, тоже идиотски хихикает в этот момент.

Вместо ответа Баку, Карвальо молча поднимает в воздух универсальный брелок вызова медиков, с которым и я хожу на трассу.

— Откуда у вас столько братьев у всех, — ворчу, не шевелясь (поскольку придавлен ладонью Жойс). — А ты, брат убитого, потише на поворотах. Или своим же хуем подавишься. Прямо сейчас. Вот только встану… — начинаю ворочаться, забыв о руке Жойс.

Встать предсказуемо не получается.

Почему-то тут же виснет полная тишина.

— Гхм… Кхм, Алекс… — куратор смотрит на меня каким-то странным взглядом, под истерический смех Алекса по внутренней связи. — Утончённость ваших манер может сравниться только с вашим… даже не знаю, с чем.

Следующие перепалки между присутствующими я слышу, словно в тумане, не вникая в их смысл. Сознание более-менее возвращается ко мне только когда кто-то из Штавдакеров начинает почему-то наседать на Бака:

— … каким образом первую половину секунды тепловой урон по вашему протеже вообще не проходит?! В принципе?! Как вы можете утверждеть, что это не артефактная природа?!

— Соискатель *делал* заявление о наличии у него ханьского подвида искры, абсолютно бесполезного в наших условиях. Упоминание об этом есть и в его личном деле. Предполагаю, объяснение находится где-то в этой области, — куратор равнодушно пожимает плечами в ответ. — Насколько я знаю, обеспечивающая Хаас это вам передала вообще целиком, без купюр. Да я прямо сейчас и проверю… — Бак зачем-то зарывается в свой планшет.

По крайней мере, и размытое зрение говорит мне об этом, и Алекс транслирует именно такую картинку.

— Вот же, приложение к файлу, как раз об этих особенностях, — куратор поворачивает комм экраном к остальным.

— Ну и толпа, — ворчу под тяжёлой, как гиря, ладонью Жойс.

— *Потерпи. Ещё две минуты.* — Выпаливают они с Камилой одновременно.

— Бл#… — ругается отец убитого (по крайней мере, именно так его определяет Алекс).

— И не говори, — поддакиваю я ему из положения «лёжа», под фырканье Хаас.

— Эти приписки никто никогда не читает, — отец Билла виновато поворачивается к какому-то старику, уже иному с лица.

— *Родной дед и, видимо, глава их клана*, — сообщает Алекс по внутренней связи.

— Вы хотите поучить меня оформлять личные дела моего контингента? — Бак вежливо и вопросительно поднимает бровь, переводя взгляд с отца Билли на деда, и при этом не мигая.

— Претензий к оформлению нет. — Опускает взгляд старик.

— Ещё бы они у вас были, — оставляет за собой последнее слово подполковник.

— А вот у меня они теперь есть. — Это прорезается Хаас, которая, наконец, зачем-то закончила стаскивать с трупа одежду.

— Эй, ты чего, извращенка?! — удивляюсь одновременно и происходящему, и какой-то странной расцветке кругов перед глазами.

— *Коротышка, помолчи. Ты сейчас под наркотой.* — Говорит мне Камила.

А Жойс накрывает мой рот своей ладонью.

— *Слушай, ничего себе, ты сильная!* — Говорю из-под её ладони, указывая глазами на её же вторую руку, удерживающую меня на земле почти без труда. — *Раньше как-то не замечал!*

— *Раньше мы с тобой другим занимались,* — Слабо улыбается Жойс. — *Ладно, просто помолчи пока! Ну пожалуйста.*

Анна тем временем указывает на что-то, прилепленное к груди трупа, затем поднимает это высоко вверх, под всеобщее гробовое молчание:

— Каким образом на нём во время дуэли оказался *концентратор*?!

Её голос отчего-то звучит громко, как колокол. По толпе катится гул. Бак вообще удивлённо присвистывает и делает незаметный шаг поближе ко мне.

Все взгляды в этот момент, кажется, упираются в того мужика, который обеспечивал Билли на нашей с ним дуэли.

— От имени семьи Хаас, требую независимого арбитра от кланов. — С демонстративным спокойствием произносит Анна в полной тишине, продолжая удерживать невзрачную безделушку над головой.

— Давайте всё уладим на уровне кланов! — к Анне целеустремлённо направляются ещё какие-то родичи Билли (судя по однотипным лицам) и, кажется, мать Виктора и Питера Штавдакеров.

Причём их голоса звучат хоть и вразнобой, но крайне требовательно и уверенно. Видимо, это и называется командирской интонацией: человек настолько уверен в своём праве что-то указывать другим, что лохи вначале выполнят, и только потом одумаются.

— Круги перед глазами крутятся, — жалуюсь вслух на Всеобщем под диктовку Алекса.

— *Самое настоящее давление на твою Анну*, — комментирует тем временем сосед. — *Вернее, его незавуалированная попытка. Вот из-за этого прибора мы с тобой чуть богу душу и не отдали.*

— *У нас с тобой две души.* — Возражаю ему.

— Попытка обмана моей семьи на дуэли, которую мы обеспечиваем. Дискредитация статуса обеспечивающего. — Холодно встречает подошедшую к оппонентам подмогу Хаас, поднимая ладонь в останавливающем жесте. — Стойте, где

стоите. Не нужно приближаться ко мне ближе. Вы совсем заигрались, шавки… Hau ab, du Töle Hochzeit Fickschocks gehen sich! — дальше она бормочет что-то ещё, но уже для большинства неразборчиво.

— *Ругательства на родном языке,* — просвещает меня Алекс. — *Что-то из германской группы, я не силён. Понимаю общий смысл, но конкретного языка назвать не могу.*

— *Мат можешь не переводить.* — Разрешаю. — *Я его сегодня наслушался. От тебя в том числе.*

— Господин подполковник, вы бы не могли оказать содействие моей обеспечивающей? — обращаюсь к Баку, поскольку толпа вокруг хоть и бурлит, но никакого движения в сторону справедливости не видно.

А родственники Штавдакеров, Энзи и мёртвого Билли о чём-то многозначительно переглядываются между собой (явно не собираясь уходить).

— Не моя компетенция, — криво, углом рта отвечает громко Бак. — *Там свои счёты, не нам с вами лезть*. — Добавляет он уже потише и на кастильяно. — *Ваша подруга, кажется, специально их провоцирует. Поверьте, ей ничего не угрожает.*

— *Это* **я** *его подруга!* — вспыхивает Жойс на Portuguese, поворачиваясь к подполковнику, но Бак её почему-то игнорирует.

— *Вы знаете этот язык?!* — удивляюсь следом за девушкой, и тоже на Portuguese.

— *Я знаю, что вы меня на Español поймёте. Но я вас уже, если общаться устно, только наполовину.* — Деликатно намекает он. — *Это труба в одну сторону. И, предвосхищая ваш вопрос: вы же не думаете, что ваш куратор, занимающийся с вами одной работой, не в курсе языка вашего общения с начмедом и с капитаном Карвальо?..*

Ей богу, он сейчас ухмыляется. Хотя это и очень плохо определяется по проекции, транслируемой Алексом, поскольку круги перед глазами вспыхивают с новой силой.

Глава 4

— Что будем делать? — Хайке Штавдакер смотрела перед собой, словно в пустоту.

Она где-то с пониманием отнеслась к имевшему место инциденту. Потеря кланом Энзи и репутации, и человека стала неожиданностью для обеих семей (Билли можно было смело считать достаточно близким родственником семейству сенатора, поскольку Тэд однозначно женится на Люции).

— Мне очень досадно, что отец вначале впряг вашу Саяру в наши проблемы. Затем организовалась вот эта его договорённость с Питером. — Помолчав, ответил сенатор. — Я сейчас даже не знаю, что вам сказать. Не подумайте, что пытаюсь снять сейчас с себя ответственность! Просто какой-то полный крах на ровном месте. И ни тени понимания, куда тут можно двигаться.

— Если б не Хаас, — с досадой закусила губу женщина.

— Если бы не эта жидовня, — неожиданно эмоционально отозвался Энзи, тут же обеспокоенно оглянувшись по сторонам.

— Друг друга стоили, — вздохнула Хайке. — Тот случай, когда и виноватого нет, и полный развал со всех сторон. А какой был хороший запасной вариант…

Они прогуливались по аллеям, старательно петляя по парку и избегая тех дорожек, на которых были другие люди.

— Вы тоже не подумайте, что я сейчас, на правах старшей в семье, задним числом, пересмотрю договорённости Питера. — Грустно продолжила Штавдакер. — Он вполне самостоятелен. Его решения — наши решения. Блин, до чего же неловко поднимать материальную тему в такой момент… Лютер, давайте откровенно. Наша потеря — это исключительно концентратор. Да, девайс где-то уникальный, и второго такого взять пока негде. Но, с другой стороны, техника — это всего лишь техника, пусть даже такая. Ваши потери, как по мне, намного больше. Наш с вами союз, пусть лишь в одной теме и негласный, это всё же союз. А не секундное рукопожатие базарных торговцев. Моё вам ответственное заявление: я не предъявляю претензий по поводу утраты концентратора, ибо тут и в самом деле форс-мажор.

— Спасибо. — Прочувствовано проговорил сенатор. — Откровенно говоря, я даже не знал, что предлагать вам в качестве компенсации.

— Мне кажется, вам сейчас надо не компенсацию нам предлагать, — хохотнула женщина. — А думать, как со всем этим быть.

— Решаю проблемы по степени их важности. — Холодно ответил Лютер. — Союзники по альянсу, пусть даже такому, для меня важнее остального.

— Спасибо, — серьёзно кивнула Хайке. — Приятно. Ввиду изменившейся обстановки, вот вам моя позиция. О девайсе забываем. Его не было.

— Даже не надеетесь вернуть? — удивился сенатор.

— Даже не буду не то что пытаться, а вообще думать в ту сторону. — Уверенно ответила Штавдакер. — Именно потому, что я женщина, я очень хорошо чувствую, когда надо ставить стоп-лосс и выходить из сделки. О концентраторе мы забываем. Вместе с этим, мы забываем и о том, что Штавдакеры что-то знали о ваших планах, окей?

Мужчина механически кивнул.

*— Оставаясь с вами де-факто, мы категорически против упоминания вами нас в любом из контекстов, связанных с происшедшим. — Продолжила женщина. — Опять же. Не сочтите за бегство крыс с корабля, но у нас с пацаном своя… свадьба, — она хотела сказать «война», но в последний момент сдержалась. — И мы будем именно **эту** проблему решать своими способами. Уж не взыщите, Лютер! — Хайке, приобняла спутника за плечо, не обращая внимания на удивлённо раскрывшиеся глаза того. — Но сегодняшний день лично мне отлично показал: жить надо своим умом. А не слушаясь соседей, даже самых распрекрасных.*

— Да если б я только знал, к чему это всё приведёт! — явно через силу процедил сенатор. — Бл#ь, ну кто мог подумать, что неодарённый дебил из трущоб может на раз-два уделать выпускника-огонь!

— Я могла. — Продолжая держать свою руку на плече спутника, женщина мягким толчком направила его к ближайшей лавочке. — Не на раз-два, совсем не на раз-два. Но Виктор хоть был и водой, однако тоже был не самым слабым…

— Извините, — выпустил воздух и сгорбился Энзи. — Да, вы правы…

— Мне кажется, за пеленой нашего с вами личного горя, нам необходимо не упустить из виду кое-что, с чем пока столкнулись только мы с вами. Но что затронет всех без исключения, если пустить на самотёк. — Продолжила Штавдакер уже на лавочке.

— Будем откровенны. Личного горя у меня ровно ноль, — фыркнул мужчина в ответ. — Билли, конечно, товарищ Тэда, но это горе Тэда. Переживёт, говоря прагматично.

— О Люции вы не упоминаете? Он ей брат.

— Жён может быть много, — механически отмахнулся сенатор. — У Тэда в особенности. За всеми жёнами, их родни не

упомнишь… ПРОСТИТЕ!

— Ваша деликатность, Энзи, может сравниться только с моим декольте! — неожиданно весело рассмеялась Хайке.

— А что, нормальное у вас декольте, — огрызнулся Лютер. — Меня, например, вполне впечатляет. И всегда впечатляло. Ещё раз простите…

— Мы поговорим об этом сразу, как только закончим с делами. — Мягко улыбнулась Хайке, невольно выпрямляя спину. — В общем, раз вы особо не страдаете, то мозги у вас не парализованы. Скажите, это был частный случай или закономерность? Исключительно с вашей субъективной точки зрения?

Энзи задумался.

С одной стороны, делиться ещё зыбкими и аморфными предположениями не хотелось. С другой стороны, им только что не предъявили для компенсации достаточно серьёзную фамильную вещь, одолженную ими же на время и бездарно просранную по собственной вине.

Долбаный отец, и кто тебя только просил лезть со своими рационализациями.

Опять же, декольте, напомнил сам себе Лютер и незаметно покосился вправо. Формы Хайке Штавдакер лично его впечатляли. Да, ей было уже в районе сорока, но с другой стороны…

— Закономерность. — Уверенно сказал он после недолгих колебаний. — Другой дело, что моей высоты лба пока не хватает на то, чтоб осмыслить её в полной мере.

— Поделитесь тем, что вам известно? — моментально вцепилась в тему Хайке, попутно придвигаясь ближе и зябко прижимаясь этим самым декольте к сенатору.

А вроде и не холодно, весело подумал он про себя. А вслух сказал:

— Федералы нарабатывают массивы тем, связанных с неодарёнными. — Неожиданно для себя, Лютер забросил руку на дальнее плечо женщины и приобнял её. — Нам с вами, я о кланах вообще, на местном уровне не известны ни количества, ни направления этих массивов. Только видим по косвенным деталям, что они есть.

— Ну, и я заподозрила это же самое, — задумчиво свела брови вместе женщина, не делая попыток отстраниться.

— Ещё нашего Тэда, как и вашу Саяру, откачивали исключительно хань. Потому что наша медицина только разводила руками. Мы б могли остаться без глаза, — разоткровенничался он. — Это вторая новость подобного рода за последнее время.

— Ваш отец сказал нам, у нас с Саярой всё могло быть ещё хуже, — кивнула Штавдакер.

— Вот же старый козёл, — не стал сдерживаться мужчина. — Я об отце, если что. Когда он уже язык в жопу втягивать научится, тот свет не за горами…

Хайке оглушительно захохотала, чуть вибрируя деликатными частями тела на руке Энзи.

— Идём дальше, — не смутился тот. — Неодарённый укокошивает Билла, который мало того, что выпускник не самой последней боевой специализации. Так ещё и имеет подогнанный, адаптированный, интегрированный полностью с вашей помощью концентратор.

— В режиме дуэли, — подхватывает женщины задумчиво. — По определению, в идеальных для искры огня полигонных условиях.

— Не в идеальных. Бензином вокруг всё полито не было. — Вздыхает Лютер. — Но в принципе, да. Где-то как-то так.

— И какой вывод?

— А вывод вы мне скажите. На основании этой самой вашей хвалёной интуиции. — Не стал важничать сенатор, который от близости и тепла приятной лично ему женщины уже думал о чуть иных вещах.

— Вы сейчас обо мне, как о женщине? Или как о Штавдакер? — поиграла глазами Хайке, улыбаясь.

— И, и.

— Федералы оттачивают инструменты, которые можно применить только против нас. — Не стала затягивать с очевидным ответом Штавдакер. — Причём, в разных плоскостях: это и тренировки этого сраного мальчишки на макете местности, в целом копирующем элементы наших защитных систем, я сейчас о кланах. И два из двух физиологические поражения одарённым от ханьской искры. Причём, поражения эти нашей медициной даже не купируются, не то что не устраняются. Сюда плюсуем их технологии, в прямом противостоянии, одарённого, отличной генетикой! — она подняла палец, — против пустышки-простака.

— Не сильно ли много обобщений? И не слишком ли смело?

— Ну почему слишком… Виктор, Саяра, ваш Тэд, Билли. Это только то, что коснулось лично нас с вами. А вы можете уверенно утверждать, что с другими одарёнными в Корпусе не происходило чего-то подобного?

— Вариант. — Озадаченно кивнул сенатор. — Честно говоря, мне просто не хватало внутренней уверенности сформулировать всё таким образом. Ведь действительно похоже на заигрывания федералов с простаками…

— С далеко идущей перспективой. Которая нам с вами не

понравится. — Кивнула Хайке. — Что-то ветер поднимается, мне на улице неуютно… Ко мне или к вам? Со мной сейчас живёт только Питер. Он до вечера будет занят тут. Потом на дежурство. После этого ещё какие-то служебные дела. До завтрашнего вечера его не будет.

— К вам, — быстро сориентировался Лютер Энзи.

_____

За некоторое время до этого.

Дуэльная площадка Корпуса.

В транспортёр с красным крестом на борту с земли поднимают одного из участников недавней дуэли.

— Жойс, ты с нами? — бросает капитан Карвальо такой же высокой сержанту-кафузу, не оборачиваясь.

— А можно? — с сомнением спрашивает та, косясь на небольшие размеры поданной техники. — Могу, в принципе, и бегом. От вас не сильно отстану.

— Не надо. Влезем, и не такое бывало.

Когда пострадавшего, наконец, эвакуируют с площадки в сторону медсектора, к Анне Хаас, стоящей с коммом наперевес над трупом, подступают сразу несколько представителей из разных семей.

Какое-то время с этого участка сектора доносится лишь невнятная перепалка. Затем, распихивая одарённых и клановых, к девочке присоединяется высокий парень семитского типа, в очках, лет до тридцати, с непонятными иностранными нашивками на рукавах местной формы:

— По поручению участника! По поручению участника! Вы должны были получить уведомление! — обращается он сразу к девочке, пробравшись сквозь толпу.

— Да, — вежливо кивает та, тут же поворачиваясь обратно сразу к троим представителям семейства Энзи. — Нет. Ни о каком соглашении не может быть и речи.

Питер Штавдакер, находящийся тут же и до этого времени молчавший, поднимает руку, призывая всех к молчанию. Затем говорит Анне:

— Вам не кажется, что вы набираете слишком большие риски, пытаясь плыть против течения? Я сейчас даже не о нашем с вами внутреннем конфликте. Я о вашем нежелании идти навстречу своим. Вы правда считаете, что интересы безродного быдла вам ближе, чем компания равных?

Анна спокойно молчит, глядя мимо.

— Нам нужно всего лишь тело. И всё, что на нём. Размер компенсации можете потом обсудить… — Одновременно с этими

словами Питер делает шаг вперёд.

Хаас моментально активирует на ладони каст:

— Ещё один только шаг вперёд!..

— Здесь слишком много народу, — буднично отвечает Штавдакер, оглядываясь по сторонам и получая несколько кивков от окружающих мужчин.

Анна заметно напрягается и начинает взволнованно озираться.

Высокий парень со странными нашивками успокаивающе кладёт одну руку ей на плечо, а второй упирает в лоб Питеру невесть откуда взявшийся ствол:

— У меня хватит патронов на самых активных. Вас тут семеро основных; и ещё полтора десятка статистов, которые только заслоняют участок от свидетелей и разбегутся после первого же выстрела.

— ТЫ вообще кто?! — подаётся назад от пистолета в чужих руках Штавдакер. — Ты вообще понимаешь, куда лезешь?

— Меня зовут Моше Фельзенштейн. И я очень хорошо знаю, что делать, когда группа штатских начинает окружать армейских на городском ландшафте, — во все тридцать два улыбается высокий, не опуская оружия. — Особенно когда этих голосящих «мирных» сопровождает местный муниципальный полицейский, из того же народа.

— Исчезни, — цедит Питер, не мигая глядя в глаза незнакомцу.

— Угу. Щас. — Не отводит взгляда тот.

Спуская курок.

От звука выстрела, все присутствующие вздрагивают. Кое-кто даже чуть приседает.

— Ой. — Улыбается Моше. — Пальчик устал. Сейчас и рука устанет, опустится ниже.

Штавдакер, над головой которого почти вплотную пролетела пуля, ошарашенно моргает и ничего не говорит.

— Я Энзи, — подаёт голос старик сбоку. — И этого так не оставлю!

— Да-да-да. А потом появляются старики, старухи, дети, женщины, — заботливо кивает Моше, упирая ствол уже в лоб старику.

— Я найду способ с вами рассчитаться, — холодно цедит отец сенатора. — Поверьте.

— Ага, в следующей жизни. Или в другой юрисдикции, — фыркает израильтянин. — Я не из твоей песочницы, старый. Вначале заполнишь прошение федералам. А у нас, кстати, с вами и экстрадиции нет. Могу вас, семерых, перестрелять на месте

вообще без каких-либо для себя последствий. Веришь? Ну, разве что, дома разжалуют и сошлют обратно в пустыню…

— Зачем тебе это всё? — Энзи-старший серьёзно и пытливо всматривается в глаза собеседника, но блики стёкол очков не дают ничего разглядеть.

Звучит второй выстрел. От испуга, Энзи-старший невольно издаёт физиологический звук кишечником.

Ещё какое-то время стороны меряются взглядами, не переходя, впрочем, к активным действиям.

Глава 5

Самое интересное, что в медсекторе мне резко становится лучше. Удивлённый такому повороту событий, я быстренько прогоняю несколько тестов на ясность мышления, которым меня научил Алекс: вначале представляю самого себя в зеркале, протягивающего мне же кусочек сыра. Затем медленно перезаливаю цвет волос отражения последовательно на синий, жёлтый и фиолетовый.

Затем меняю сыр на камень, а себя — на Бака. Плюс ещё кое-что из той же серии.

В целом, несмотря на некоторое *дрожание* картинки, мозг работает нормально. А значит, и остальным ощущениям можно доверять.

— *Очнулся?* — прорезается Алекс. — *Справишься дальше без меня до завтра?*

— *Вполне,* — заявляю достаточно уверенно, прислушиваясь к себе повторно. — *Совсем иные ощущения.*

— *У вас тут регенераторы шикарные. И Камила — классный специалист. Плюс, она твой обмен веществ, видимо, выучила, как свои пять пальцев,* — ехидничает сосед.

— *А сколько прошло времени? И куда собрался ты?*

— *Сорок минут в капсуле и две минуты везли сюда. А я до завтра отдохну. Тут режим один прописал наконец; в общем, если понадоблюсь — пиши.* — С этими словами Алекс умолкает и подвешивает во внутреннем пространстве неподвижный улыбающийся смайлик, поднявший руку то ли в приветствии, то ли в прощании.

— *Жми на эту иконку, если что-то срочное!* — Приходит в текстовом формате.

А ещё через минуту приводы камеры начинают жужжать и автоматический транспортёр вытаскивает меня из бокса.

— Ку-ку. — Снаружи обнаруживается нетвёрдо стоящая на ногах Жойс с металлической флягой в руках. — Живой, — не спрашивает, а утверждает она. — Камила, он живой! — кричит она в сторону открытой двери.

— Да кто бы сомневался, — отвечает ей Карвальо, выходя к нам. — Коротышка, ты что, как-то освоил использование ханьской искры? — увидев моё выражение лица, она поднимает руку, не давая мне вклиниться. — Спрашиваю не просто так. За последнее время, ты — один из моих самых частых пациентов. По статистике, каждое твоё следующее посещение обычно связано с

более серьёзным поражением. Я сейчас спрашиваю тебя не как ваша с Жойс подруга, а как специалист.

— Что тебе даст мой ответ? — уточняю, чуть помедлив с ответом.

— Я буду разрабатывать и держать наготове алгоритмы исключительно под тебя. — Уверенно говорит она.

И говорит правду. Кое-какие инструменты, прописанные в чипе Алексом, в виде иконок подвешены на виртуальной панели нашего с ним общего внутреннего пространства. Именно они, помимо прочего, дают возможность оценивать достоверность текста собеседника.

— Да не секрет, в общем-то. Искра у меня есть. Чоу поначалу говорила, что единичка с половиной, но сейчас уже повыше.

— Мне ничего не говорит ваша классификация, — нетерпеливо перебивает меня Камила. — Скажи что-нибудь по-нашему?! Например, с какой скоростью ты можешь нарастить сатурацию?! Э-э-э…м-м-м… насыщенный кислородом гемоглобин? Относительно общего гемоглобина в крови? — поправляется она. — Вот у тебя час назад, при сорокапроцентном термическом поражении лёгких, было…

Следующие пятнадцать минут она выжимает из меня соки, заставляя отвечать на такую ересь, что я поначалу даже слов этих не понимаю.

К счастью, Алекс оказывается на связи и в доступности. По моей просьбе, из письменного режима он моментально перетекает в наш с ним нормальный; и дальше отвечает на вопросы врача чуть ли не быстрее, чем она их задаёт. Мне остаётся только транслировать ей его ответы.

— *Толковая девчонка,* — пишет он параллельно, разделяя каналы коммуникации.

Тоже наше с ним недавнее изобретение. Если он говорит за меня с кем-то, уже бывали прецеденты, когда я его комментарий в собственный адрес воспринимал, как часть своего ответа собеседнику. После чего бывало смешно и неловко…

Сейчас он такие комментарии пишет.

— *Интересно, как она собирается подстраиваться под мою искру,* — отбиваю ответ ему. — *Похоже на революционную затею. Если я хоть что-то понимаю в этой жизни и в биологии.*

— *Мне тоже интересно,* — Смайлик, пожимающий плечами. — *Спроси?*

— А как тебе это всё поможет? — спрашиваю её в лоб после того, как экспресс допрос с медицинским уклоном оканчивается.

— Вызову Чоу, у нас с ней неплохие отношения, — легкомысленно отмахивается Камила, не отрываясь от своего

планшета. — И буду думать над конвертацией элементов. Знаешь, я вот смотрю на это всё… — она задумчиво поднимает глаза, глядя сквозь меня и не обращая внимания на Жойс. — Мне почему-то кажется, должен быть процесс перекодирования. Как при переходе с языка на язык! Надо только правильно подобрать эквиваленты.

— Подбор этих эквивалентов и есть составление самого первого в мире словаря по новому языку, — озвучиваю ей текст Алекса. — Которого никто толком не знает. Теоретически, вполне возможно. На практике — каторжный труд. Особенно с учётом того, что у нас ханьская искра за искру не считается; и в самой научной работе тебе никто помогать не будет.

— Не страшно, — снова машет рукой она, явно продолжая плавать в каких-то своих размышлениях.

— А ещё Чоу — мой враг. — Добавляю.

— А у меня с ней вполне нормальные отношения. — Удивляется Камила. — Коротышка, сейчас кое-что скажу, ты только не обижайся… У меня может быть моя жизнь? Или я должна делать какие-то поправки на тебя? — она насмешливо наклоняет голову к плечу.

— Тогда не говори, что это для моего блага, — обижаюсь на неё. — Ты даже не в курсе! Чоу меня реально пыталась не пустить на дуэль, надавив чуть не силой. Сюда в Корпус тоже затащила в бессознательном состоянии! И кое-что ещё, о чём говорить не буду.

— Если откажешься сотрудничать ты, пока буду только теоретизировать. Вместе с ней, даст бог. — Идёт в контры лучшая подруга Жойс и, по совместительству, мой местный медицинский благодетель. — Тут же тема не личная, а шире! Бли-и-ин, вот ты тормоз на теле прогресса!.. — Её явно посещает ещё какая-то идея, после которой она начинает переводить загадочный взгляд с меня на Жойс.

— На меня не смотри. Мне до лампочки, — Жойс расфокусировано смотрит сквозь Камилу и машет в воздухе полупустой флягой. — Я уже на взлёте… Кстати, а где у вас тут поспать?

Сгрузив Жойс в самой дальней палате, мы с доктором Карвальо возвращаемся в приёмный покой.

— Понимаешь, это реальный прорыв. — Глаза Камилы горят, а пульс зашкаливает. — Это была бы действительно революция. Но мне просто в голову не приходило раньше!

— И другим врачам, ага. — Покладисто и демонстративно соглашаюсь с каждым словом. — И вообще, всей нашей медицине тоже ничего никуда не приходило.

— Ни у кого не было такого практического материала, как ты, — возражает она. — Ну смотри! Твоя последняя конверсия! Вот взять расщепление белка…

_____

Когда ещё через четверть часа мне звонит Хаас и, практически матом, срочно требует меня к себе, я воспринимаю её вызов, как подарок.

— Камила, извини. — Развожу руками. — Жойс, я так понимаю, будет сопеть ещё долго?

— Ты уйдёшь — я ей вообще капельницу воткну, — мстительно обещает Карвальо. — Пусть пострадает чуток. А спать сколько будет, ну, не знаю… часов шесть, точно.

— А как она будет страдать, если сон? — не улавливаю влёт, что имеет ввиду наша коварная подруга доктор.

— А рецепторы ей почищу. Как проснётся — пусть покорчится. — Продолжает вынашивать жуткие планы Камила. — А чего хотел то?

— Шутишь?! Она моя девушка, а не твоя!

— А-а, тьху ты… — она откидывается на спинку офисного кресла и прикрывает глаза. — Тогда да. Если ты в этом смысле… Прислать её к тебе в номер, как продерёт глаза?

— А есть варианты? — удивляюсь искренне.

— Увы. — Задумчиво констатирует Камила, качая головой. — Вариантов-то как раз и нет. Как сие не парадоксально.

— Ну тогда отправляй её ко мне. — Подвожу промежуточный итог от двери.

— Сам придёшь и проводишь даму, дурак, — отбривает меня Камила. — Итак, какое твоё последнее слово по совместной медицине?

— Исключительно ради тебя. — Киваю через силу. — И с одним условием. Чтоб я Чоу и близко не видел. Но если она какие-то вопросы, задания или упражнения передаёт через тебя — окей. Будем смотреть, что можно сделать.

Она мгновенно вспархивает со стула, парой длинных шагов приближается к двери и целует меня в лоб:

— Умница.

А затем разворачивает меня лицом к двери и чувствительно шлёпает по заднице.

Загадочно.

_____

На площадке застаю злющую, как чёрт, Хаас в сопровождении Моше.

— Ничего себе, тебя принарядили! — удивлённо присвистывает он, обходя меня вокруг. — А где форму новую успел отмутить?

— В медсекторе же свой принтер есть, как раз на такие случаи. — Просвещаю его. — Камила меня знает, как облупленного. Распечатала новый комплект, пока я в капсуле валялся.

— Красиво жить не запретишь, — соглашается Фельзенштейн, уважительно кивая. — Но я больше о твоём здоровье спрашивал. Как ты себе всё так быстро исправил?

— Будешь много знать, плохо будешь спать. — Перефразирую одну из поговорок языка Жойс. — У нас медицина хорошая. И с точки зрения оборудования, и специалисты лучшие.

— Или он — мутант, — хмуро роняет Анна, влезая между нами. — Я тебя тут чёрт знает сколько жду! — упрекает она уже меня.

— Ты так говоришь, как будто я в баре сидел. — Деликатно напоминаю ей о некоторых недавних обстоятельствах.

Ненавижу апеллировать к недееспособности, но ещё совсем недавно толку от меня было ровно столько же, сколько и от огурца на грядке.

— Извини, — моментально сдувается она. — Вон представитель кланового арбитража. — Кивок вправо, где, опираясь спиной на каменный барьер, стоит самых средних кондиций мужик лет сорока и внимательно наблюдает за нами. — Только тебя и ждём. Мне нужно, чтоб ты поговорил с ним.

— Вот тут не понял, — сейчас делаю шаг назад уже я. — У нас же с тобой были договорённости, что я в это вообще не погружаюсь? О чём мне с ним говорить?!

— Никто не знал, что на дуэли будет концентратор, — загибает пальцы Анна. — Никто не знал, что Штавдакеры, Энзи и Честеры замажутся скопом. Причём настолько, что попытаются взять приступом даже меня, тут, при всех.

— СТОП! Кто такие Честеры?

— Билл же! Его фамилия — Честер. Ну ты даёшь… — Анна растерянно оглядывается на Моше, как будто в поисках поддержки. — Кстати, спасибо ему! — она хлопает по руке нашего нового товарища из Мединат Исраэль. — Если бы не он… В общем, выжить ты вообще был не должен. А предъявить претензии может только участник дуэли, вернее, инициировать их. Мне нужен твой формальный рассказ ему, что всё было так, как было.

— Знаешь, у меня просто не лежит к этому душа. —

Прислушиваюсь к своей интуиции и решаю говорить чистую правду. — Не могу понять, в чём дело. Но предчувствие говорит однозначно: мне с ним лучше не разговаривать. Есть какие-то варианты этого избежать?

— Только отказаться. Лично ему в глаза. Это моя просьба, — поясняет она. — Просто переведи стрелки на меня, но лично. От его решения много чего будет зависеть уже сегодня, а мне бы не хотелось терять возможность врезать и по Штавдакерам, и по Энзи. Тем более что они более чем неправы.

Мужик у барьера, видимо, устав наблюдать за нами, отлипает в этот момент от опоры и направляется к нам.

— Алекс Алекс? — впивается он в меня рыбьими глазами, к тому же, не мигая.

— Он самый.

— Я — Ральф, межклановый арбитр, все мои данные есть в семье Хаас, — он очень коротко кивает в сторону Анны. — У меня к вам есть вопросы…

— Извините. Вы, видимо, в курсе, что я сейчас не совсем в состоянии вести беседы?

— На вид не скажешь, — слегка удивляется он. — Ходите, разговариваете, не шатаетесь даже.

— Это исключительно моя личная заслуга, а не часть объективной реальности.

— Вы не член какого-то из кланов?

— Нет, и никогда не был.

— Искрой никакой не владеете?

— Медицина, хань, второй уровень. — Алекс, присмотревшись к этому мужику, по внутренней связи отчего-то инициативно берёт бразды управления разговором в свои руки.

— Это не искра, — пренебрежительно отмахивается он. — Она бы вам не дала возможности… эм-м-м… Вы позволите быть с вами откровенным?

— Извольте.

— Полноценный бой неодарённого с выпускником. Малолетка-соискатель, если верить записи и свидетелям, каким-то образом держит все виды термоудара первую половину секунды или даже секунду. Там, где кожа обычного человека начинает обугливаться мгновенно, на вас это почему-то не работает. Или — работает с почти секундной задержкой. А затем, ровно за эту секунду неясно откуда берущейся форы, вы успеваете выскочить с места каста и целиться в вас надо по новой. Судя по записи вашей тренировки с Анной Хаас, мощность каста, проходящего по вам, вообще не имеет значения. Об этом же говорит и запись боя. Первую половину секунды тепловой урон по

вам не проходит в принципе; вторую половину — со значительной потерей эффективности. И в итоге, свернув шею противнику, вы ещё и обвиняете его в использовании артефакта. — Он насмешливо смотрит на меня. — Я ничего не упустил в нашей постановке вопроса?

— Может, я сейчас что-то не то скажу, — оглядываюсь по сторонам, с удовлетворением замечая полное отсутствие внимания к нам окружающих. — Но ты, мужик, не обижайся.

Наступаю ему на ботинок и продолжаю:

— Я сюда попал из чуть иного заведения, и там правила простые. Ты мне сейчас предъявляешь, как будто это я в чём-то виноват. Мне очень жаль, если наш с тобой разговор чем-то повредит Анне, но… ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?! Я не клановый, никогда им не был. На дуэль согласился исключительно по личным причинам, которые раздевать догола перед тобой не обязан. Мне ваш клановый арбитраж интересен так же, как в жопе зубы. КАКОВА ЦЕЛЬ НАШЕГО РАЗГОВОРА?!

Алекс настаивает почему-то именно на таком ведении беседы.

Тип абсолютно не меняется в лице и даже не нервничает, снисходительно кивая мне:

— Я удовлетворён. Вы не могли использовать никаких артефактов, теперь это вижу чётко…

— Не лгите. Не лгите в присутствии Хаас. — Алекс изнутри сейчас почему-то считает, что именно в этот момент надо идти на обострение и резать правду-матку. Либо то, что мы с ним таковой считаем. — Вы сейчас, играя недалёкого дебила-служаку, решаете совсем иную задачу.

Хаас заинтересованно поднимает бровь. Фельзенштейн зачем-то извлекает свой ствол и почёсывает им себя подмышкой.

— Какую же? — этот козёл ещё и улыбается.

— Вы сейчас, по заказу какого-то клана, не могу определить точно, пытаетесь ответить на такой вопрос: моя победа — случайность? Или следствие чего-то более основательного, чем невероятное совпадение маловероятных уникальных слагаемых?

Анна в этом месте начинает сверлить этого мужика взглядом исподлобья и протягивает руку:

— Концентратор!

Тип, называемый почему-то арбитром, вообще без видимых эмоций засовывает руку в карман и отдаёт Анне ту самую бляху, которую она сняла с груди убитого.

— Кажется, арбитража между кланами в вашей развесёлой земле больше нет, — оптимистично влезает в беседу Моше.

Почему-то именно после этих слов Ральфа перекашивает.

— В точку, — удивлённо говорю товарищу. — Смотри, он сейчас первый раз за всю беседу искренне разозлился.

— Это у меня национальное, — смеётся одними губами Фельзенштейн, холодно глядя на Ральфа. — Я умею попадать в нужные точки, вы их называете болевыми. Арбитраж имеет смысл только при двух условиях. И первое из них — неангажированность арбитра и отсутствие у него личной заинтересованности, неважно какого рода.

— Кто такой? — цедит Ральф в сторону Моше.

— Прохожий, — пожимает плечами израильтянин. — Сделаем так. Поскольку я — единственный совершеннолетний с этой стороны, нам нужен кто-то ещё. Анна, звони отцу?

Хаас тягуче смотрит на Фельзенштейна, как будто пытаясь что-то сказать взглядом.

— Да никуда он не денется! — наш новый товарищ приобнимает арбитра за плечо, второй рукой утыкая ему в бок пистолет. — Обещаю!

Хаас моментально исполняет требуемое, причём с явным облегчением. Говорит она всё на том самом языке, который с пятого на десятое понимает даже Алекс.

Глава 6

— Мне знаешь, что непонятно? — пока ждём людей, посланных отцом Анны, пользуюсь возможностью пообщаться с Алексом. — Почему они тут все отрицают ханьскую искру? Я же не понаслышке знаю, что она есть. Более того, она отлично работает! Взять хоть и закалку тела. Без неё, сегодняшнее моё состояние было бы на годы работы. А тут…

— Не передёргивай, — перебивает меня сосед. — Во-первых, ты неплохо занимался спортом и раньше…

— Но не акцентированной закалкой организма!

— Неважно. Сегодняшнее твоё состояние — это лишь на тридцать процентов искра. На семьдесят — это всё же наша с тобой совместная работа.

— Упс. Я чего-то так к тебе привык, что воспринимаю и тебя, и чип, как часть себя, — смеюсь. — Но мы уходим в сторону. Такое впечатление, будто у всех одна и та же защитная реакция психики, которая заела. Но так же не бывает? Не бывает же одного невроза на всех? Или бывает? — добавляю, поскольку Алекс изображает смайлик, задумчиво трущий нос.

— За старания и попытки применить свежие знания — пять. — Теперь смеётся он. — За анализ — ноль. Хотя, видимо, ты тут и не виноват. У тебя просто сумма знаний, как по мне, маловата.

— А ты, что ли, можешь всё точно объяснить? Именно об этом случае?

— Не уверен, — честно признаётся он. — Но у меня, на основании личного опыта в других местах, есть стройная гипотеза.

— Поделишься? — он снова делает паузу, потому приходится его пинать.

— Соврал, — спохватывается сосед. — Это не совсем личный опыт! Это просто история, но наша, а не ваша. Блин, тут будет долго и занудно. Ты уверен, что хочешь именно сейчас?

— Ломаешься, как… не буду выражаться. А чем заняться? Моше вон, этого сторожит. Хаас ему помогает. — Скашиваю взгляд в сторону двоих товарищей и одного арбитра.

— Тогда первый вопрос. Какие есть общие цели, процессы, интересы… что угодно общее — между одарёнными и такими, как ты?

— Государство, видимо. Сходу больше ничего не вспоминается. — Он застаёт меня врасплох. — Видимо, всё же

только государство. — Повторяю, подумав.

— Ладно, тут я не с того начал… — сдаёт назад сосед. — Блин, как бы попроще объяснить-то. Твоя болезнь! Вот чувствую, а напало косноязычие — и объяснить не могу!

— Пугаешь. — Коротко обозначаю свои текущие ощущения.

— Расслабься. Это не навсегда. Просто перенапрягся сегодня, ещё и ты опять работать выдернул. Отдохну — пройдёт… Ладно, давай с конца. Ваш социум, если упрощённо, состоит из элиты и плебеев, чтоб не сказать «из быдла». Согласен?

— Насчёт быдла — не согласен с формулировкой. С расслоением общества — да.

— Отношения простаков с одарёнными вы все, без исключения, воспринимаете исключительно как игру с нулевой суммой. — Озадачивает меня Алекс и делает паузу.

Видимо, давая проникнуться.

— Что это за фрукт? — предсказуемо возвращаю ему вопрос, поскольку не понимаю целого понятия.

— Игра с нулевой суммой — это если ты обязательно проигрываешь, когда я выигрываю. — Поясняет он. — Сторон может быть больше двух. Главное — в отношениях обязательно есть проигравший. Сумма общих усилий — ноль. Я выиграл — ты проиграл, и наоборот.

В ответ задумываюсь вслух:

— Мне кажется, у нас в отношениях с правительством, муниципалами и одарёнными мы и есть те самые постоянно проигрывающие. Хорошо сказано, — признаю после некоторых размышлений. — Классная формулировка. А ведь да. Мы как бы и не враги с ними — с одной стороны. С другой стороны, если мы общаемся, то именно так друг к другу и относимся: они выигрывают, значит, мы обязательно проиграем. И наоборот: если выигрываю я — вот так им и надо.

— Это самая примитивная форма взаимодействия. — Продолжает своим любимым тоном лектора сосед. — В принципе, я мог бы доказать теорему и другим путём, но так будет даже короче. Главное: это правило работает в обе стороны. Одарённые, в свою очернедь, отношения с вами воспринимают тоже как эту же игру. Ну а теперь вопрос на засыпку. Из постулатов мастера Донга, что впечатлило тебя больше всего?

— Тот момент, где он сказал, что неодарённых не существует. Есть просто три типа неудачников: те, кто не встретил учителя; те, кто не нашёл свой путь либо те, кто просто замер на месте и не стал двигаться вперёд.

— Точно, — смайлик Алекса серьёзно кивает во внутреннем пространстве. — Теперь скажи, что будет, если этот момент

широко растиражировать?

— Кто-то будет с пеной у рта доказывать, что это не так. Кто-то будет смеяться. Кто-то начнёт искать учителя. Если не найдёт — будет как я, корячиться сам какое-то время. Но потом учителя всё равно найдёт, если верить тому же Донгу.

— С последним бы не торопился, но в целом так… А теперь скажи мне. Возможен ли прогресс в любом из направлений ханьской искры, — он поднимает указательный палец в проекции, — *без* понимания этого момента?

— Нет. Тут даже думать не надо.

— А одарённым надо, чтоб каждый из так называемых *солдат* заимел в своём ранце тот самый пресловутый *маршальский жезл*?

— Нет. Я сейчас подумал… мы же на положении животных. Помнишь, ещё Хаас про горячую воду и туалет поясняла? В самом начале нашего с ней знакомства? — в этом месте меня осеняет и прорывает одновременно. — Из неодарённых, на нормальное место в жизни, без потолка роста, могут рассчитывать только врачи и…

— Тс-с-с! Не агитируй! Я сам за эту же мысль, — смеясь, перебивает меня сосед. — Это и есть мой тебе ответ. На чём зиждется элитарность положения одарённых?

— Лично мне кажется, что исключительно на замшелых традициях. Давно прошедших времён, — ворчу. — Когда, в плане выживания особи в природе, эта их искра имела принципиальное значение.

— Согласен. Лично мне сегодня иного тоже не представляется, — кивает смайлик Алекса. — Ну тогда логичен вопрос: а зачем одарённым нужны простаки, которые могут оспорить это самое их изначальное, физиологическое, закреплённое в вашей генетической памяти, право на элитарность? Так-то, они и не умнее вас, и не работоспособнее, и по всем другим показателям не сильно превосходят.

— Ну, о хань я б так не говорил, — не спешу соглашаться.

Алекс регулярно, с целью тренировки, допускает ложные утверждения либо делает погрешности в рассуждениях. Когда я, зевнув такой момент, ухожу в анализе не туда, он тычет меня носом в ошибку и искренне злорадствует. Его постулат: в нашем мире, я должен абсолютно всё пропускать через себя и критично оценивать каждую крупинку информации.

— Хань с их искрой, в отличие от большинства людей, имеет возможность физиологического усиления нужных параметров организма, в том числе мозга, — напоминаю.

— Бинго! — проекция Алекса хлопает в ладоши. — Ну и зачем вашим одарённым такая потенциальная бомба? В

фундаменте их исторически сложившегося положения в обществе? Или можно сформулировать иначе. Нафига нынешней правящей столетиями *элите* нужна ваша сраная *социальная конкуренция*? За то положение в обществе и отношениях, которое принадлежит им уже много поколений? И принадлежит по одному лишь праву рождения?

— А ведь да… — до меня начинает доходить вся ситуация в объёме. — Я, кстати, недавно понял! В Корпусе, мой самый большой бонус от тебя и от ханьской искры — это совсем не кулак. Это именно что мозги… В жизни ведь наш антагонизм очень редко носит силовой характер с одарёнными, детские драки не в счёт! В основном, рулят противоречия экономического, социального, политического плана!

— А как же твой личный опыт в Корпусе? — ехидно пытается подловить меня сосед. — У тебя же чистейшей воды регулярные силовые антагонизмы с одарёнными? — он невежливо хихикает в этом месте.

— А это исключение дважды. Я изначально тут оказался благодаря целой сумме случайностей. Но я это не сразу понял, — спохватываюсь. — Дошло только тут. Понимаешь, ну не может человек бить морды, как и получать по морде, вечно! Рано или поздно, этот период жизни же окончится! И тогда в нашей социальной конкуренции, как ты говоришь, рулить будет не тот, у кого кулак толще. А тот, у кого совсем иная сумма знаний.

Меня почему-то захватывает необъяснимо хорошее настроение в этом месте. Как будто понял что-то очень важное для себя.

Алекс это, видимо, сходу определяет, потому что моментально начинает ворчать:

— Эй, полегче! Хватит радоваться! Я тебе дофамин прикрутил, эйфория сейчас неуместна!

— Точно, — вздыхаю, поскольку он тут же исполняет задуманное.

И мой состав крови меняется. Эйфория тоже куда-то испаряется.

— Хаас — революционерка по местным меркам. — Начинает монотонно перечислять Алекс, выставив в общее пространство руку с загибающимися пальцами. — Вопрос ещё, насколько она будет идти до конца в отношениях с тобой, за счёт конфликта с остальными из своего круга… Второе. До меня тоже только сейчас дошло. Ответь мне ты на вопрос, как местный. Если ты, в рамках пребывания тут, на примерах типа дуэли и Виктора, регулярно будешь демонстрировать: простак против одарённых катит… Что будет дальше? С точки зрения социальной

конкуренции?

— Другие могут подумать, что это начало нового социального явления. — Меня прошибает холодный пот. — Ничего себе…

— Я тоже хорош. Старый дурак… — с похоронными интонациями посыпает голову пеплом сосед. — Я чего-то так увлёкся нашей раскачкой и нашим планом из Квадрата, что занимался только твоим телом. Я тебе, кстати, поэтому выработку дофамина сейчас и снизил принудительно… Не мне же одному волосы на себе рвать…

— Ладно. — Говорю после половины минуты глубокого дыхания по мастеру Донгу. — Кажется, настала моя пора тебя поддерживать.

— Видимо, да. — Сосед не спорит и отвечает коротко.

Что обычно свидетельствует о его нешуточном душевном смятении.

— Не скажу ничего нового. У Фархата на этот счёт есть универсальная формула: давайте просто жить дальше.

— Да-а-а, — вздыхает Алекс. — Фархат — ещё тот человечище, — добавляет он невпопад.

_____

Четвёрка здоровяков, рысящих к нам и оглядывающихся при этом по сторонам, прибывает как нельзя вовремя.

Смена обстановки вырывает нас с Алексом из состояния синхронизированной меланхолии.

Для начала, Анна о чём-то эмоционально говорит с ними на родном языке, после чего они, благодарно кивнув Фельзенштейну, принимают под белы руки арбитра.

— Поехали? — Хаас напряжённо и вопросительно смотрит на меня.

— Куда и зачем?

— У меня ситуация вышла из-под контроля. — Сознаётся она, опуская взгляд. — Приглашаю в гости. Давай поговорим с моим отцом втроём?

_____

Не знаю, каким образом семья Анны имеет влияние на Корпус, но их микроавтобус подъезжает через минуту прямо сюда.

По дороге, она не выпускает из рук комма, общаясь, видимо, со своим родителем (голограмм она не включает, изображения нет).

Когда нас всех доставляют на большую виллу, отстоящую от

города миль на десять, арбитр Ральф отчего-то мгновенно превращается в абсолютно нормального мужика.

Происходит это, правда, в просторном холле и в присутствии отца Анны, но моего удивления от его смены имиджа это не убавляет.

_____

Ланс Хаас был слегка рассержен. У него были собственные дела, которые пришлось резко отложить и бросить. Подписавшись в обеспечивающие самой рядовой дуэли в Корпусе, дочь поймала на удочку своей любознательности рыбу, с которой не смогла в итоге справиться самостоятельно.

Откровенно говоря, в эпатаже арбитра (как она его описывала, захлёбываясь негодованием и косясь на какого-то иностранца с юга, подпирающего старину Ральфа вполне серьёзным стволом в бок) наверняка были свои причины.

Просто излагать их он не был готов при тех, кто влияния на возможные проблемы оказать не мог.

Иначе говоря, при детях, когда с противоположной стороны оппонировали взрослые. Анне банально не хватало личного опыта, чтоб оценить обстановку самостоятельно.

А для чего ещё нужны отцы, вздохнул Ланс, отправляя стандартный вэн и кое-кого из физподержки по просьбе дочери.

Оказавшись в холле его дома, Ральф тут же превратился в нормального человека (коим всегда и был), судя по отвисшим челюстям дочери и прибывшего с ней парня.

— Ланс, я извиняюсь за спектакль в Корпусе, но давай поговорим наедине? — Старый университетский приятель, вежливо поклонившись Анне и — более церемонно — её спутнику, увлёк старшего Хаас под руку в кабинет на втором этаже.

_____

— И что это было? — ошарашено спрашиваю у Анны, когда мы с ней остаёмся вдвоём в огромном зале размером с четверть футбольного поля.

Арбитр Ральф только что, коротко (но вежливо) извинившись, подхватил её родителя под руку и уволок куда-то наверх.

Сопровождавшие нас мордовороты вообще в дом не входили, оставшись на улице.

— Они знакомы с отцом, — хмуро отвечает Хаас. — Но я и сама не понимаю, в чём дело. На площадке я подумала то же, что и твой Моше. А сейчас вообще не знаю, что дальше думать.

— У вас тут кормят? — меняю тему на более насущную, поскольку теперь, в любом случае, придётся ждать окончания

разговора между старшими.

— А ты хочешь? — она хватается за идею с явным облегчением.

— Да. После дуэли не жравши, сил тратил кучу. — Напоминаю. — Массы одной килограммов… много потерял. В медсекторе восстановили кое-что, но это всё надо вернуть. — Хлопаю себя по животу (который, кажется, прилип к позвонку).

_____

Её отец и горе-арбитр появляются на лестнице, когда мы с ней доедаем на двоих второе огромное блюдо с бутербродами, под второй кофейник натурального кофе (ничего так на вкус, но я большой разницы с растворимым положняком Корпуса не чувствую. Впрочем, в Корпусе кофе тоже вкусный).

Арбитр, что интересно, походя кивает нам; а на пороге витиевато и длинно прощается с отцом Анны. Потом вообще исчезает.

— Здесь или в кабинете? — потирая руки, Хаас-старший переводит взгляд с дочери на меня, после чего выхватывает у неё из-под руки последний бутерброд. — Не уфпел поесть! И Ральфу забыл пфедложить! — поясняет он с набитым ртом.

— Здесь. — Припечатывает Анна. — Потому что мы тоже не наелись…

Глава 7

— Давайте вначале объясню вам, что произошло, — говорит отец Анны, одновременно кивая ей и принимая чашку с кофе. — А потом вместе подумаем, что дальше.

— Когда взрослые начинают говорить так, это обычно значит, что они хотят продвинуть какое-то своё решение. — Сообщаю без эмоций. — Просто для информации Анне. Извините, что перебил.

— В принципе, мой анализ где-то совпадает с Ральфом, — Пропускает мимо ушей мою ремарку Хаас-старший. — Потому… какого чёрта, Анна, если все голодны, давайте пересядем!

Данный зал тоже имеет свою кухню, наподобие моей студии в Корпусе. И продолжает он уже за столом у стены, на который Анна что-то сноровисто подаёт из двух холодильников и пары настенных шкафов.

— Прошу, — глава местной семьи указывает взглядом на стол и откусывает от первой попавшейся под руку вафли. — Кстати, я Грег. Итак… Ральф — старый и опытный арбитр, который никогда и ничего не делает просто так. Анна, ты здорово растерялась и обиделась на него там, на площадке?

— Посчитала предателем в первый момент, — сухо отвечает моя подруга. — Я знаю, что он с тобой знаком, и даже учился вместе. А то, как он себя повёл, выходит не просто за рамки правил арбитража, а вообще… Это уже за рамками нормальных человеческих отношений. Если бы не тот израильтянин, ещё не известно, как бы всё в итоге повернулось.

— Значит, всё нормально, и какая-то фора у нас ещё есть, — удовлетворённо прищуривается Грег. — Ральф сказал тебе, что он успел опросить абсолютно все вовлечённые стороны?

— Да, он говорил со всеми по очереди, — неохотно признаёт Анна. — Нас оставил на закуску, последними.

— Девочка моя. Обычно тот, кого арбитр опрашивает последним, и является стороной, интересы которой он видит приоритетными. — Улыбается её отец; подхватывая целую плитку шоколада и, не разламывая, начинает есть её целиком. — С каким бы выражением лица он твои интересы не защищал. Слова и интонации — это очень важно. Но не менее важны и детали между строк.

— Боюсь показаться невежливым, но особой защиты своих или ваших интересов я пока не увидел, — подаю голос со своего места.

— Не знала. В такой роли выступала впервые. — Сухо кивает

родителю моя обеспечивающая и занимает стул напротив него (и справа от меня). — Он мог бы как-то дать понять.

— Во-первых, защитой наших интересов является сам факт его прихода сюда, — возражает Грег. — Во-вторых, если бы он дал понять там что-либо откровенно, это ударило бы по нему в первую очередь. В будущем, каким оно видится лично мне. Особенно если он будет на нашей стороне и дальше. — отец Анны снисходительно и чуть отстранённо улыбается дочери.

— Господа, а о чём вообще речь? — говорю я, поскольку сама Хаас молчит. — Дуэль уже завершена. Слава богу, завершена в нашу пользу: моё временное нездоровье не в счёт. Да, имело место нарушение противной стороны; но оно оказалось не особо критичным в итоге. Хотя, попотеть и пришлось, да… Из-за чего сейчас сыр-бор?! Почему он не мог надавать по ушам жуликам на месте, не уходя с площадки?

— Кажется, вы оба не понимаете, но каждый из вас не понимает по-своему, — задумчиво бормочет Хаас-старший.

— А что тут понимать? — искренне недоумеваю. — Что ни реши это ваш арбитр в связи с претензией Анны, труп с того света он уже не поднимет. И никто не поднимет. К чему эти сотрясания воздуха?

— Как говорят в одном муниципальном учреждении его не особо грамотные сотрудники, этот труп был далеко не сирота, — отчего-то хохочет Грег. — И у трупа тоже есть свои близкие и родственники.

— Пусть приходят, — снова пожимаю плечами. — Говоря прагматично, опыт общения уже накоплен. Вода, энергия, огонь, только воздуха не хватает… Вернее, хватает, — припоминаю мужской туалет возле оранжереи, где познакомился с Анной. — Но воздух вообще себя вообще никак не проявил. Рухнул первым.

— Вот именно это Ральф и имел ввиду. — Уже серьёзно кивает отец моей подруги. — Будучи арбитром, он отлично видит, куда будет дуть ветер через сутки. Именно потому, что он опрашивает всех, и отлично знает всех, он может прогнозировать, от кого чего ждать. Никто пока не осознал последствий, поскольку общее внимание больше приковано к скандалу. Но не это же главное. — Грег почему-то укоризненно смотрит на Анну. — Ну подумай ещё чуть-чуть! Ты правда не понимаешь?

— Я сейчас думаю, как Алекс, — поджимает губы Хаас-младшая. — Дело сделано. С концентратором они пойманы на горячем. Всего-то и надо, что провести дознание, установить виновных и степень их вины, плюс вынести решение. Арбитр на это всё имеет и полномочия, и необходимые инструменты. Если бы речь шла о степени вины и перечне виновных, я бы понимала

предмет дискуссии. А так, — она неопределённо вертит кистью руки перед собой, — это всё и есть пустое сотрясание воздуха. Похоже на увёртки и откорячки. Присоединяюсь к Алексу.

— Не могу не порадоваться вашему единодушию, — отец семейства снова широко улыбается. — В данном случае совпало слишком много уникальных моментов, чтоб действовать по обычному шаблону. Это не мои слова, а Ральфа. Во-первых, концентратор, что уже вопиющее нарушение само по себе. Разбирательства по этому поводу могут длиться не одну неделю, поскольку резонанс. Важны будут малейшие детали. Во-вторых, неожиданная победа неодарённого в дуэли, где ставки были двадцать к одному..

— Двадцать четыре и пять к одному. И я не неодарённый. Ханьская искра, второй ранг, — напоминаю со своего места. — То, что вы все её игнорируете, как явление в природе, никак не отменяет её эффективности для меня. Силикатный кирпич я разбиваю в воздухе голым кулаком, не замахиваясь. И подлечивать себя могу по ходу боя.

— Лично я, с высоты опыта и кругозора, не считаю ханьскую искру равной пустышке. — Грег наконец начинает смотреть на меня серьёзно. — Но об этом мы поговорим чуть позже, к тому и веду… За всеми деревьями, никто не увидел леса: рассыпается баланс отношений. Твоя победа, — он кивает мне, — на гласной дуэли, при куче свидетелей, показывает: простаки могут побеждать голыми руками. И побеждать сравнительно легко.

— Вообще-то, если мыслить с такой позиции, то были и другие победы. И над разными одарёнными, и в различных обстоятельствах. — Задумчиво подключается Анна. — Просто до *этой* дуэли оно как-то не выносилось на общее обозрение. А что с балансом отношений? Из-за чего сыр-бор то?!

— Было слишком мало времени на анализ, — спокойно отвечает ей отец. — Но в данном случае, я полностью полагаюсь на мнение Ральфа. Наличие такой возможности, — кивок в мою сторону, — обесценивает сложившиеся отношения между одарёнными. Пока это, повторюсь, просто не всем видно. Особенно сторонам, вовлечённым в конфликт непосредственно.

— Вот тут не уверена. Сама видела, как Лютер Энзи уходил с Хайке Штавдакер. Судя по их лицам, они не просто так вместе шли… Значит, теперь кланы будут искать новые точки опоры? — сходу развивает мысль моя подруга, которая что-то такое ухватила из слов отца. — Попутно, все будут пытаться ослабить конкурентов? Раз такие возможности и такой хаос бывают не всегда? Мне очень не нравится слово, которым это всё называется, — она смотрит на отца совсем иными глазами.

— Нет, не война, — качает головой Грег. — Войны не будет. Но переделом лоскутного одеяла назвать можно точно. Со всеми вытекающими. Как минимум, многие будут пытаться со своих сторон пролезть к федералам, чтоб провентилировать направления ветров сверху. Насколько наше юное дарование одно в своей уникальности? — опять кивок в моём направлении. — Или же это уже социальное явление и вполне осязаемая перспектива?

— А к чему была эта сцена на площадке в исполнении арбитра? — спрашиваю я. — Почему бы ему всё нормально нам не объяснить? Моше, например, вообще из Израиля. И он пацан резкий: вначале мог выстрелить, потом разбираться. С учётом его неподсудности вообще никакой из местных юрисдикций.

— Ваш Моше — ещё один уникальный элемент мозаики, — тихонько посмеивается отец Анны. — Как говорится, ложка новой и незнакомой приправы. Вот это всё в сумме и отвлекает внимание всех от главного. Плюс, если Ральф прав, а я к тому и склоняюсь, сейчас его уже никто не обвинит в предвзятости к вам. И к нам. Все видели, что вы с ним ссорились и спорили достаточно грубо. Далее его под угрозой вообще утащили к нам. В глазах общественного мнения, он бился, аки лев, и сделал всё, что мог. В альянс с нами прилюдно не вступал.

— Никого ж не было рядом? И от кого вообще надо что скрывать? Если мы правы?

— Я вас умоляю… — Грег морщится, как от неспелого лимона. — На площадке есть технические средства наблюдения. Этого более чем достаточно по первому пункту.

— К ним же доступ строго ограничен? — удивлённо поднимаю брови. — К записям, в смысле.

В этом месте Хаасы смотрят на меня, как на идиота.

— Да ну, кому я нужен, — почему-то не могу согласиться с внезапно изменившийся ролью незаметной серой мыши, которая топает своей дорогой и никому не нужна.

— Теперь — всем и никому. Всем — как повод вдумчиво разобраться с происшедшим. И сделать выводы лично для себя, на будущее. Никому — в роли стабильного побивателя одарённых, — задумчиво поясняет Хаас-старший. — Большинство рано или поздно придёт к тому, что надо любой ценой попытаться доказать случайность твоей победы. Сказать, что это значит лично для тебя?

— Да я уже и сам сообразил, — бормочу. — По дороге сюда.

— В этой связи, как у отца Анны, у меня не может не быть закономерного вопроса. Что ты думаешь дальше обо всём этом?

Как ни парадоксально, но Алекс изнутри подсвечивает его

настрой как «доброжелательность вкупе с любопытством».

— Анна, как твоя партнёр по дуэли, тоже может оказаться рядом с тобой в острый момент, — уточняет он.

— Видимо, сама проблема для вас, как для клана, не слишком серьёзная? — бросаю пробный шар.

— Да я бы не сказала, — ворчит сама Анна сбоку. — Если даже меня в сортире подловили тогда, то о тебе вообще и речи нет.

— Меня подловить сложнее, — качаю головой. — Ну и, конкретно в сортире им всем сразу труба.

— Почему? — неподдельно удивляется Грег.

— Дистанция, — поясняю. — У ханьской искры есть проработанная и наработанная теория оппонирования вам, нашим одарённым.

— Да ну? — Хаас-старший недоверчиво откидывается назад, улыбаясь уголком рта.

— Ну да. Не идеальная, где-то незавершённая, как по мне. Но — продуманная, систематизированная и опирающаяся на методики структурированных тренировок. Это я вам как начинающий инструктор говорю, — солидно киваю в ответ.

— Что за инструктор? — оживляется глава этой семьи.

— Да по акробатике, сертификат Федерации, — отмахиваюсь. — Но тем не менее. Понять роль системы в процессе и в методике подготовки у меня багажа хватает. А ханьская теория — это прежде всего система. Пусть и не бесспорная.

— Получается, всё предыдущее тоже было неслучайно? Тэд Энзи, Виктор Штавдакер? Теперь вот — эта дуэль? — Отец Анны становится похожим на взявшего след фокстерьера.

— Всё предыдущее было досадной случайностью. К которой я, в силу специализации, тоже случайно оказался подготовлен. Не знаю, в курсе ли вы, у меня имплантирован чип, А-СЕМЬ, — упираю себе палец в висок. — С его помощью, скорость обращения к информации у меня повыше, чем у других. В Корпус я не стремился; можно сказать, запихнули силой, — отчего-то тянет на откровенность. — Когда нравы там оказались, м-м-м, далёкими от гуманизма, пришлось срочно вытаскивать то, что из моего личного багажа соответствует ситуации. Не сильно запутанно поясняю?

По мере моей последней тирады, глаза Грега постепенно расфокусировались.

— В целом понятно, — выныривает из размышлений он. — Ты намекаешь, что в потенциале ты ещё сильнее?

— Шутите? Или просто ничего не знаете о хань?

— Второе. — Вежливо кивает он.

— В общем, по их меркам, я нахожусь в начале Пути, и это слово пишется с большой буквы. Плюс, у меня действительно редкое, даже по их меркам, сочетание индивидуальных параметров. — Передаю в точности слова Донга, не углубляясь в детали. — Ответ «да». Если буду направлено развиваться в эту сторону, буду ещё посильнее. Хотя бы и за счёт физиологического роста организма, — хлопаю себя по животу. — Доктор*а* в медсекторе говорят, мне расти ещё до двадцати лет, минимум; а то и побольше.

— Анна, — отец церемонно поворачивается к дочери. — Я очень рад, что ты наконец начала общаться с *серьёзными* людьми. Пожалуйста, скажи, что будете делать против целой коалиции? Я уже понял, что Алекс пойдёт напролом и до конца, но он не до конца ориентируется в наших реалиях. Курс в вашем тандеме прокладывать тебе. Итак, твой ответ?

— Let tomorrow take care of itself, — нагло копирует Хаас-младшая мою фразу.

Ну, почти мою.

— Вы знаете, а у меня есть что сказать сейчас, — останавливаю её жестом, потому что Грег явно наливается возмущением после такого ответа дочери. — Грег, как бы вы охарактеризовали отношения между нами и вами? Между клановыми и неодарёнными?

— Вам не понравится моё резюме! — весело хохочет он. — Вы же и сами всё понимаете. — Он наклоняет голову к плечу.

— Да. И один мой очень неглупый товарищ сформулировал в цифрах, — киваю. — Он вообще всё любит формулировать в цифрах… Он сказал, что наши с вами отношения, я о разных социальных группах сейчас, это игра с нулевой суммой. Если какая-то сторона в отношениях что-то выигрывает, вторая обязательно должна проиграть, — поясняю специально для Анны, которая открыла рот в попытке задать вопрос.

— Неплохое определение, — в голосе её отца слышится едва уловимая нотка уважения.

— Вот я бы видел себе развитие событий следующим образом. Кто-то будет считать мои мордобои в Корпусе личной притиркой к среде, так говорит мой куратор, — откидываюсь назад и забрасываю ногу на ногу, поскольку уже наелся. — Кто-то считает происходящее банальным эпатажем дворняги, которой особо нечего терять. Что тоже недалеко от истины… А кто-то жалеет меня, думая, что мне просто не повезло по целому ряду параметров.

— Это кто там такой жалостливый? — вспыхивает

любопытством Анна.

— Медсектор же, — отвечаю в её сторону. — В полном составе.

— А-а-а…

— Но лично я бы предложил Анне прямо сейчас то, что считаю революцией лично я. — Надеюсь у меня получилось привлечь внимание и создать фокус на теме.

Хаасы внимательно следят за ходом моей мысли, причём сама Анна даже перестаёт в этот момент жевать.

— Анна предложила мне быть друзьями. Без скабрезностей, без двойных смыслов и без оглядки на социальную разницу. — Продолжаю. — В первый момент я достаточно скептически отнёсся к этому заявлению, но прямо сейчас думаю иначе. Я бы предложил продемонстрировать окружающим, что дружба и отношения между клановым и таким, как я, могут не быть игрой с нулевой суммой.

— А чем тогда оно всё будет? — задумчиво интересуется Грег.

— Есть мнение, что дружба — это процесс, в котором могут выигрывать обе стороны, — в очередной раз пожимаю плечами. — Просто у вас, одарённых, в силу физиологии, даже искренняя любовь в браке — большая редкость. Мне кажется, вы вообще редко позволяете себе положительные эмоции.

— Наши браки заключаются преимущественно на этапе планирования потомства, — соглашаясь, кивает отец Анны. — Потому да, о чувствах в браке речи часто нет. Что от них толку, если дети родятся простаками? — поясняет он широко открывшей глаза Анне.

— А вы с мамой?! — не соглашается она, закашлявшись и выплёвывая на блюдце что-то непрожёванное.

— А мы и есть то самое редкое исключение, — роняет ей Грег, уходя в себя. — Алекс, я услышал вас. Буду откровенен. Под влиянием эмоций, меня тянет сейчас на пафосные и громкие заявления. Но я пока попридержу и слова, и мысли, поскольку хочу все решения принимать хладнокровно и взвешенно. Кстати! Ваше судебное дело, которое ведём мы, в порядке. В том смысле, что сумма штрафа будет пересмотрена, там понятно, что делать… Не сочтите вмешательством в ваши дела, но я должен хорошо обдумать нашу с вами сегодняшнюю проблему со всех сторон. Это никак не влияет на ваши личные отношения с Анной, — он рассеянно скользит по дочери взглядом, — но я пока не готов выразить вам позицию всей семьи.

— Вы не обидитесь, если я отвечу, что ехал сюда не к вам? А исключительно по просьбе Анны, которой было некомфортно

одной? И которая очень выручила меня сегодня много раз, ценой личного риска и комфорта, — улыбаюсь как можно вежливее. — Не назначая ценников, не торгуясь и ничего не прося взамен. Просто пришла — и встала рядом. И стояла рядом до тех пор, пока это было нужно, я образно. Извините, мне уже пора, надо ещё выигрыш с тотализатора забрать, — действительно вспоминаю о самом важном для меня деле сегодня.

Ещё и Жойс надо к себе отвести, но обо этом сейчас не буду.

— Я распоряжусь, чтоб вас доставили. — Кивает Хаас-старший, поднимаясь. — Анна, можешь уделить мне ещё полчаса?..

_____

Там же, через минуту.

— Может, вообще попросту позвать его к нам в клан? — Грег Хаас, пользуясь отсутствием посторонних, быстро извлекает из настенного шкафа бутылку и наливает себе какую-то жидкость прямо в кофейную чашку, до краёв.

— Ну ба-а-атя, — Анна укоризненно смотрит на отца. — Мать же тебе потом всю задницу отобьёт?! Как только ты на неё выдохнешь.

— Как ты разговариваешь с отцом?! — смеётся глава семьи и залпом выпивает половину содержимого чашки. — Уф-ф-ф… Смотри. Одно дело — давить безродную дворнягу. Совсем другое дело — пытаться прессовать кого-то из Хаас, пусть даже принятого, а не кровного. Особенно с учётом того, что вас там двое. А ты и зад любому подпалить можешь в ответ, в прямом смысле.

Девочка пытается что-то сказать, но отец предостерегающе поднимает руку:

— Не ищу никакой выгоды для клана! Мы пока ещё не настолько ослабели, чтоб искать точки опоры среди простаков. Пусть даже ярких, отдаю ему должное!

Его лицо чуть покраснело. Он лихо опрокидывает в рот вторую половину содержимого чашки и снова морщится. Дальше Грег Хаас прислушивается к себе пару мгновений, после чего удовлетворённо кивает. Дочь иронично смотрит на него:

— Бать, его секретарша Ли Рени на своё место звала, при мне. Сразу перед дуэлью, — насмешливо рассказывает девочка. — Разговор был при мне, я её от него ещё отгоняла перед дуэлью.

— Ничего себе… — Грег отрешённо откидывается назад. — Мда-а, — мужчина озадаченно трёт затылок. — Хорошо, что не стал торопиться с предложениями. Выглядел бы очень некрасиво. Прямо при тебе, говоришь?

— Угу. Они, правда, по-китайски говорили, — сообщает дочь, протягивая руку к бутылке и наливая в свой кофе несколько капель оттуда. — Но он потом объяснил, в чём дело было.

— Может, ты что-то поняла не так?

— А у меня видеофиксатор уже работал, мы же на дуэль шли. Есть запись беседы. Лови, проверяй, — девочка достаёт комм и в несколько касаний отправляет файл отцу. — Переводчика с китайского найдёшь?

Отец включает воспроизведение, несколько раз просматривает запись, ловя оттенки витающих в воздухе эмоций и не понимая текста.

— Потом спрошу перевод, — рассеянно говорит он. — Видимо, так и есть. Слушай… Такой интимный вопрос, ты только не нервничай. А тогда, в сортире, — отец многозначительно смотрит на дочь. — Он что, даже не набивался к тебе поближе?

— Вообще нет, — фыркает раскрасневшаяся Анна. — Наоборот: повёл себя так, что поссориться должны были.

— А как ты заподозрила, что на Честере концентратор?

— Мы тренировались с Алексом. — Задумчиво отвечает девочка, припоминая детали. — И у него первые полсекунды или дольше урон нулевой. Как я ни напрягайся. Плюс, мой фокус шире, чем у любого из Честеров.

— Ещё бы… — отец снова тянется к бутылке.

— А тут он и гореть начинал сразу, — завершает пояснение Анна. — И повреждения были больше. Ну а на закуску, он уже свернул Биллу шею, когда каст всё ещё продолжался. Там недолго, с полсекунды было, но явно после клинической смерти. Я тогда и поняла окончательно, что *надо искать.*

В этот момент у Грега в кармане звонит комм. Мазнув взглядом по экрану, он подбирается и делает дочери знак помолчать. После чего отвечает на вызов:

— Что надо? — его интонации вежливы, но крайне прохладны.

— Сегодня между нашими семьями имело место недопонимание. — Без ответных приветствий отвечает голограмма Лютера Энзи. — Право, мне очень жаль, что дети не могут найти общего языка…

— У меня нет никаких претензий или вопросов к Энзи, — перебивает Грег. — Стороной дуэли были Честеры, как и обеспечивающей стороной. Давайте ближе к делу, без суесловия. Здесь вам не сенат, — не удерживается от шпильки Хаас-старший.

— В данном случае, я говорю о Честерах, как о будущей части нашей семьи. — Спокойно парирует сенатор. — Дата свадьбы Тэда и Люции уже назначена. Хорошо, давайте начистоту и откровенно. Вам не кажется, что ваша дочь выбрала не ту сторону? И если она

будет поддерживать парию и дальше, всё может зайти слишком далеко?

— Всё зашло далеко тогда, когда ваша сторона принялась мухлевать против нас на дуэли. — Твёрдо отвечает Грег. — Скажу проще: вы по горло обосрались, причём прилюдно. А сейчас пытаетесь пригрозить мне плохими запахами, шагая нараскоряку, с дерьмом в штанах. При этом, пытаетесь шевелить булками так, чтоб ваше же говно вас же задевало при ходьбе поменьше.

Анна, впечатлённая образностью речи отца, бесшумно смеётся и невесомо хлопает в ладоши, не издавая при этом ни звука.

— Гхм… — сенатор чуть краснеет, из-за чего становится понятным, что он не один на том конце. — Давайте к делу. Вашему протеже попала в руки достаточно уникальная вещь, которая…

Анна хлопает себя ладонью по лбу и достаёт из кармана овальную бляху. Вертит её разными сторонами перед отцом, кладёт на стол и задумчиво двигает пальцем вперёд-назад.

Через пару минут беседы Хаас-старший, сославшись на дела, отключается, к явному неудовольствию собеседника.

— Откуда?! — он смотрит на игрушку дочери широко раскрытыми глазами.

— Алекс мне отдал. Подарил. Говорит, повесь в комнате на стенку, если так не нужен, — улыбается девочка. — Говорит, пусть будет как память.

— Однако. — Веско роняет мужчина, задумчиво качая головой. — Мне кажется, он не до конца понимает стоимость этой вещи. Как финансовую, так и нематериальную.

— Не считай других глупее себя! — возмущается в ответ дочь. — Всё он прекрасно понимает. Во-первых, ему оно без надобности. Во-вторых, говорит, это ответный жест за наше участие в его судебном деле.

— Если б я знал сразу, я б на Энзи даже этой минуты не потратил, — признаётся Грег. — Концентратора из семьи я не выпущу.

— Батя, это мой концентратор. — Смеётся Анна. — Ты меня, конечно, извини; но не надо за меня ничего решать.

— Да не важно, у кого из нас эта штука! — горячится отец, придвигая бляху к себе и глядя на неё взглядом коллекционера. — Главное, что он теперь у Хаас. И это абсолютно законно…

_____

Там же, через минуту.

— … да согласен я, что есть объективные процессы. Противоречия действительно слишком велики, чтоб их не

замечать. Логически я и сам понимаю, что такое не может длиться вечно. Перекос в обществе в нашу сторону рано или поздно будет выравниваться самим ходом вещей. — Грег Хаас задумчиво смотрит на овальную бляху, которую его дочь вертит между пальцами.

— Разве это не уникальные возможности для тех, кто первым начнёт перестраиваться? — спрашивает Анна. — Если мы стоим на пороге новой эпохи, почему бы не сделать шаг вперёд первыми?

— Риски, — вздыхает отец. — А ты оказываешься на самом острие. Его сейчас только ленивый не будет пробовать на прочность.

— Бать, жить в будущем ведь всё равно мне, а не тебе, — невозмутимо возражает дочь. — Цинично говоря, через какое-то время тебя со мной уже не будет.

— Хорошо бы попозже, — смеётся отец.

— Согласна… но я о другом. Чем раньше я начну жить своей головой, тем жизнеспособнее буду потом. Согласен?

— Да, — вздыхает мужчина.

— Ну так что за сомнения? Алекс вообще меня многому умному научил. Тренироваться, вон, надо всегда, когда есть возможность это делать с подстраховкой. А не нестись наобум на чистовике, — девочка назидательно поднимает палец, явно копируя товарища.

— Кто бы спорил. — Хмыкает отец, по которому заметно, что он немного пьян.

*— Сейчас меня, или нас, можешь подстраховать ты. Пока ты жив и в расцвете сил. Но если перестройка общества от этой самой нулевой суммы к чему-то иному начинается на наших глазах, именно **с е й ч а с**, — дочь выделяет последнее слово, — то глупо, понимая происходящее, пытаться отсидеться.*

— Особенно если исторический прогресс неизбежен, — вздыхает Грег, потом встряхивается и улыбается. — Колись. Он тебе нравится?

— Да, но не так, как ты думаешь. Он мне как раз и понравился тем, что тогда, в сортире, вообще на меня пялиться не стал.

_____

— Какого х#я?

Возможно, мне не стоит так вести себя в присутствии офицеров и преподавателей. Но сил сдерживать эмоции просто не находится.

— Погоди, дай я, — Моше кладёт руку мне на плечо и задвигает меня к себе за спину. — Давай сначала, — обращается он к букмекеру. — Вот талон. Это твоя подпись?

— Да. — Неохотно выдавливает из себя толстяк, явно бледнеющий и потеющий одновременно.

— Правомерность сделки подтверждаешь? — Фельзенштейн, не отводя взгляда, спокойно смотрит на собеседника.

— Я не оспари…

— ДА ИЛИ НЕТ? Отвечать одним словом! — неожиданно рявкает израильтянин.

— Да… Ребят, ну давайте…

— ТАК КАКОГО ХУЯ?! — повторяет меня Моше, но уже значительно громче.

Толпа интересующихся, отстоящая метров на пять от открытых дверей конторы, явно ловит каждое доносящееся отсюда слово. Есть среди любопытствующих и офицеры, одного я даже видел с Баком.

— Я перебросил его деньги на ставку от своего имени, — через силу говорит гнусный тип по имени Мэл, который вот в эту минуту отказывается отдать мне мой выигрыш.

— *Как хорошо, что подстраховались,* — говорю по внутренней связи Алексу. — *И так нервы треплет, а было бы вообще…*

— *Погоди радоваться,* — хмуро отзывается сосед. — *В вашем развесёлом городе говорить «хоп» нужно однозначно после того, как выскочишь.*

— Мне сейчас развернуться, пожать тебе руку, сказать «ну ничё!», — картинно шмыгает носом на публику Фельзенштейн. — И уйти, да? Оставив тебе сто двадцать штук? Я правильно понимаю твою позицию?

— Нет, — вздыхает Мэл, пробуждая во мне тягу к каннибализму. — Но я не знаю, что делать.

_____

Звонок дяде Ли и правда вообще не понадобился. Хорошо, что не стала торопиться с самым первым докладом, перед дуэлью.

Как ни парадоксально, но Единичка сумел выкрутиться.

ЮньВэнь присела на корточки, с балкона второго этажа близстоящего административного здания наблюдая за происходящим. В эту сторону никто вообще не смотрел, потому что рядом происходило зрелище поинтереснее.

Алекс поставил на себя деньги в местном отделении сетевой букмекерской конторы, это она увидела в планшете ещё перед схваткой (ну не могут же столь прибыльные бизнесы, да на территории Корпуса, существовать и дышать без ведома управляющей компании, право слово).

Не в меру предпришмчивый букмекер, решив что-то для себя заранее, переставил деньги Единички уже от своего имени. Эту

часть оборота Чоу обнаружила после пары минут сверки денежных потоков конторы.

Если бы Единичка погиб, мизер оказался бы неловленным и идиот по имени Мэл стал бы монет да двести пятьдесят богаче. Вернув пять тысяч Алекса обратно на транзитный субсчёт.

Но сейчас неожиданно победивший фаворита второй дуэлянт стоял перед букмекерской конторой собственной персоной, и организация (в лице сотрудника Мэла) сделать ничего не могла.

Без звонка начальству, но это, похоже, понимал только тот высокий здоровяк в очках, из какой-то чужой армии, судя по нашивкам.

Ладно. Иногда надо просто делать первый шаг длинного пути. Возможно, и свои ошибки надо исправлять. Точнее, корректировать собственный путь к намеченной цели, сказала себе хань, спрыгивая с балкона второго этажа и направляясь к спорящим.

_____

Я уже всерьёз собираюсь если и не получить свои деньги, то хотя бы отвести на этой твари душу. А потом — будь что будет. Сто двадцать две с лишним штуки — это и долги по суду, и новая квартира, и вообще новая жизнь… Может, даже не только для меня одного.

Тем более, я за эти деньги в прямом смысле кровь проливал.

А эта жирная тварь, похоронив меня заранее…

Глубже дышать. Злость не советчик, полностью согласен с Алексом (который внутри корчит рожи смайликами и изображает вселенскую скорбь).

Я не слежу за разговором Моше и Мэла, поскольку слишком зол, чтоб мыслить здраво. На каком-то этапе, из-за моей спины молнией вылетает рука секретарши Рени, этой суки Чоу, и выхватывает мой комм из руки Моше.

Мы с Алексом слегка выдохлись за сегодня, поэтому реагируем с запозданием (да, оказывается, он тоже может уставать. Для меня эта новость стала самой удивительной за сегодня).

Я пытаюсь цапнуть её за руку, но не успеваю — она отдёргивает руку с коммом быстрее.

Без разговоров, бью кулаком в корпус. По идее она должна скрутиться вбок, и тогда…

Вместо шага назад-вбок с поворотом, эта сука топает вперёд. И прилипает ко мне, повиснув на моих плечах. При этом, своими руками она прижимает мои к моему же телу, как бы обнимая. А подбородком давит мне на лоб, чтоб я её и головой ударить не смог.

Пустить в ход ноги не успеваю, поскольку в это момент над моей головой раздаётся её голос на Всеобщем:

— ОЛИМП? У вас фрод по зарегистрированной ставке. Это Чоу ЮньВэнь, секретарь господина Ли… Да, я звоню с комма, от которого ставка… Нет, дайте сразу менеджера, это не ваш уровень, сумма слишком большая.

Дальше она, как ни в чём не бывало, под удивлённым взглядом Моше щебечет об условиях субподряда и о чём-то ещё, попутно решая мой вопрос ровно двумя нажатиями на кнопку: отправив мой талон и отправив моё фото рядом с собой.

К тому времени, когда она протягивает мне мой комм через пару минут, на нём уже горит в верхней строке сообщений полученная сумма: ***121 275***.

— Один процент удерживается конторой, — насмешливо комментирует она, глядя на моё вытянувшееся лицо. — Читай талон внимательнее.

— Не благодарю. — Молча забираю комм и поворачиваюсь к ней спиной.

— Кажется, я только что видел неудачную попытку втягивания, — раздаётся сзади голос Моше. — Которая планировалась, как начало вербовки.

Оборачиваюсь, чтоб объясниться, позвать с собой и поблагодарить за помощь, но этого не требуется: оказывается, он говорил не мне, а Чоу.

Которая улыбается ему сейчас во все тридцать два. И я буду не я, если в её глазах не горит оттенок восхищения.

Ну ничего себе…

Когда я отхожу уже метров на пять, они как раз заканчивают обсуждать достоинства местного офицерского бара. Чтоб направиться туда.

Мой невысказанный вопрос виснет в воздухе: я хотел честно поделиться с Моше выигрышем, тем более, есть за что.

Но при Чоу обсуждать ничего не намерен. Тем более, говоря строго, разрулила всё в одно касание она, а не он.

— *Это же манипуляция?* — с надеждой спрашиваю Алекса.

— *Она самая.* — Хлопает ресницами смайлик. — *Но это никак не отменяет её результата. Ни по скорости достижения, ни по модулю значения, ни по направлению вектора.*

Глава 8

— Блин. И что теперь с этим делать? — ворчу во внутреннем пространстве по инерции. *— Я категорически не собирался вообще с ней ни в какие альянсы интегрироваться. Уже не говоря о том, чтобы что-то вместе делать.*

— Тебе нужно, чтоб я что-то ответил именно в данном случае? — вопросительно и устало поднимает брови смайлик.

— Боже упаси. Бормочу про себя. Я чудесно и сам понимаю, что надо делать.

— Наш израильский товарищ, несмотря на незавуалированный и вполне определённый интерес к Чоу, добросовестно и честно озвучил ровно то, что и я думаю по этому поводу. — Алекс всё же пускается в комментарии. *— Да. Она всего-навсего пытается развернуть вектор ваших с ней эмоциональных связей. У девочки явно кто-то в неплохих преподавателях раньше был, кстати.*

— Ты сейчас о чём?

— Есть мнение, что при манипуляции модульное значение отношений важнее, чем их знак, — смеётся Алекс.

— А теперь то же самое, но нормальным языком растолкуй. А то, как обычно: все слова по отдельности понятны, а в сумме ноль.

— Она может влиять на тебя, и даже в определённых элементах управлять тобой, ровно в двух случаях. — Покладисто поясняет сосед. *— Когда ты очень положительно относишься к ней, например, как к Камиле. Или наоборот — когда воспринимаешь её крайне отрицательно.*

— Ага, в последнем случае у неё просто идеальное управление мною получится. — Тут уже я не собираюсь сдерживать смеха. *— Прямо побегу выполнять всё, о чём она попросит. С пробуксовкой и с высоким подниманием бедра.*

— Н-у-у-у, зачем так линейно, — иконка превращается в изображение бородатого престарелого ханьца. *— Допустим, та же ситуация, что и с Анной. Сортир, трое дебилов. Только вместо Хаас была бы Чоу. Твои действия, прямо сейчас? На тебе чуток норадреналина в кровь, и ещё кое-чего, для чистоты эксперимента…*

Судорожно вдыхаю воздух. Пульс учащается.

— Ну и как тут не материться. — Отвечаю бородатому китайцу через долгие полминуты. *— Около восьми десятых секунды я бы решал, что делать. Это если бы все пребывали в состоянии покоя. В смысле, если угрожающей безопасности или здоровью агрессии в её адрес на момент контакта бы не было.*

— А потом? — ехидничает сосед.

— Делал бы ровно то же самое, что и с Анной. Как оказывается. Сам от себя не ожидал. Ты умный.

— Вот и я о том же. — Импозантный и чуть утрированный китаец снова превращается в обезличенный жёлтый кругляш. *— А теперь вернись-ка на ноль-восемь секунды назад и сам себе ответь, что было бы, если б ей в этот момент ещё какой-то ущерб наносился. МНЕ НЕ ОТВЕЧАЙ!* — перехватывает он моё намерение. *— Я как раз отлично знаю ответы на свои вопросы. Как правило.*

— Бл##ь. Это же просто кощунство какое-то. Пойду присяду на минутку. — В раздрае чувств плюхаюсь на ближайшую скамейку. *— Слушай, а как так-то?!*

— Тебе прямо всю цепочку объяснить? — не унимает своего ехидства голос Алекса. *— Или просто посочувствовать? Это и есть базовые механизмы саморегуляции биологического вида. Эволюционно закреплённые программы выживания на уровне базовой прошивки, если угодно. Во-первых, самка детородного возраста. Это очень мощный императив. Во-вторых, она тебе много раз говорила, что на личном уровне она тебе нисколько не враг, просто бизнес. При этом, там, где могла, она всегда действовала тебе в плюс. Ну, как лично она этот плюс понимает.*

— Вот же… Получается, надо внимательнее смотреть по сторонам и не вестись, когда попаду в ситуацию с Чоу, аналогичную Анниной. — Быстренько делаю вывод и поднимаюсь со скамейки. *— Ладно, пойдём Жойс забирать. А то уже спать охота.*

— Глубина вашего анализа, Алекс, может соперничать только с утончённостью ваших манер, — узнаваемо пародирует стиль Бака Алекс. *— Я о твоём нетривиальном выводе из посыла, который был совсем о другом. Я совсем не то хотел тебе сказать! Имел ввиду, что для манипуляции важны сами эмоции, их модуль. Никак не знак или вектор, если говорить конкретно о тебе.*

— Пояснишь?

— Не сейчас. Проснусь — тогда. Если срочное, дави на иконку.

И сосед испаряется, подвешивая всё тот же символ с красной полосой поперёк.

———

— Тебя можно поздравить? — заведующий кафедрой (называвшийся в данном заведении именно так, на гражданский манер) сегодня был необычайно весел и бодр после проходившего тет-а-тет общения со своим собственным руководством.

— С чем поздравлять будешь? — флегматично спрашивает

Бак, не отрываясь от клавиатуры.

— С выигрышем на своём соискателе, — удивляется начальник. — Или ты сегодня ещё где-то выигрывал?!

— Меня поздравлять не с чем, — ровно отвечает подполковник. — Соискатель — это соискатель. У меня их порой и до десятка доходит единовременно. Его успех — только его успех. Я к результату никаким боком. Хотя-я-я, ты где-то в одном прав. Отчасти приятно. Хотя бы оттого, что одна тема не срывается, и намечается ещё одна. — Бак поднимает наконец глаза на своего шефа и задумчиво перебирает в воздухе кончиками пальцев. — Даже не одна. Намечается полноценный вариант на две темы. Но это пока неточно.

— Как это ты ни причём? — моментально утрачивает половину оптимизма заведующий кафедрой. — Это не ты его готовил, что ли?! Вот же… — мужчина вполголоса ругается.

— Нет, не я. — Удивлённо подаётся назад подполковник. — Я только обеспечиваю условия для самоподготовки. А тянуть из болота бегемота — давно этим не занимаюсь. Ни с ним, ни с кем иным.

— С-сука, обидно. — продолжает досадовать шеф. — Я думал, ты руку приложил. Уже картины себе разрисовал… Мысленно.

— Добрая половина бегемотов, как показывает опыт, норовит в это же болото при первой возможности бултыхнуться обратно. — Флегматично отвечает Бак. — Не мечите бисер, как говорится, перед известными копытными… Кто хочет, сам откуда угодно выберется. Достаточно лишь не мешать. А если человек вперёд двигаться не хочет, ты его никакими силами не заставишь. Это и есть то, что называется внутренней личной мотивацией. У мальчика она более чем в порядке, вот и результат налицо.

— Ну давай, почитай мне лекцию… Ладно, я просто так спросил, — успокаивается начальник. — Думал, может, у тебя что-то наработано готовое, специально для неодарённого против одарённых. Это была бы бомба. — Заведующий кафедрой мечтательно жмурится.

— Если бы. — Подполковник на мгновение изображает гротескное и мечтательное выражение лица. — Я бы тогда точно знал, что ты вместе с твоей кафедрой мне и нахрен не нужен. Погоны тебе в морду швырнул бы прямо сейчас. И ровно через секунду был бы на пенсии, потому что точно знал бы, что делать дальше. Свой первый миллион получил бы завтра с утра, — он демонстративно смотрит на часы, изображая картинный оптимизм. — Часов на восемь бы первую встречу назначил. Чтоб сегодня никто в дом не припёрся; у нас с женой одно мероприятие намечено. А деньги ночью всё равно складывать некуда — банки-то

закрыты.

— Эх ты, — философски двигает бровями начальник. — А ещё патриот…

— Я своё отпатриотствовал, — философски вздыхает Бак. — Или отпатриотничал? Отпатриотил? Как правильно? Я — старый больной клоун, который мечтает исключительно о тривиальном. Лавры потрясателя вселенной мне ни разу не интересны. А то, о чём говоришь ты, тянет и на большее. — Подполковник меняет выражение лица и говорит уже вполне серьёзно. — Ты что, не понимаешь? Если только обозначить такую программу, даже намёками… в учебном или соискательском плане, или ещё где… у нас завтра с тобой прямо здесь!..

— Тс-с-с-с-с, молчи, — заведующий кафедрой машет рукой и морщится. — Не говори ничего! Понятно и так. Но помечтать же можно. А то как будто отголоски системы в его действиях сквозили! — не удерживается он от продолжения. — И двигался парнишка интересно! И на тактический ответ времени не тратил — шпандорил, как на автомате! Слушай, я тебя жизни не учу, — начальник присаживается на край стола Бака, оглядывается по сторонам и начинает говорить тише, чтоб не слышали другие присутствующие. — Ты и сам грамотный. Но ты правда не видишь в его действиях ***с и с т е м ы****? Я-то специально не алгоритмизировал, но у него скорость тактического ответа превосходит скорость подготовки атаки противника!.. — полковник почти кричит шёпотом. — ТЫ во что веришь больше? В гениев-самородков или в подготовку?! Представляешь, что из этого можно было бы попытаться слепить?! — начальник многозначительно раскрывает глаза, что-то изображает мимикой и шумно дышит.*

— Что двигался хорошо, так он немало тренируется. — С видом вселенской скуки, Бак отодвигает свою гарнитуру по столу от зада начальника. — Культура движений у него поставлена ещё до нас, он спортсмен же. Ты хоть в дело его глянь?! Если тебя такой энтузиазм одолел. Он инструктор по акробатике, сертификат Федерации! Ещё в кино снимается каскадёром, значит, и там кастинг нормально прошёл. С прикладными навыками, стало быть, порядок.

— Да уж. — Заведующий кафедрой вздыхает. — Видимо, и правда неплохо бегает и двигается. Туда б с улицы не попал.

— А вообще, я и сам порой ловлю себя на том, что думаю: и правда, иногда похоже на систему. — Неохотно признаётся подполковник шефу.

По случайному совпадению, именно в этот момент из помещения кафедры выходит последняя пара преподавателей. Двое

офицеров остаются наедине.

— Особенно с учётом результативности его, гхм, контактов. — Уже гораздо серьёзным тоном продолжает куратор.

От его флегматичности и вальяжности не остаётся и следа.

— Ты вообще такие темы когда поднимаешь, хотя б жди, пока народ разойдётся! — укоряет он шефа. — Или ты решил объявление на всю округу повесить? «Федералы против региональной элиты!»?

— Увлёкся перспективной идеей, — ничуть не смущается полковник. — Под контактами ты его регулярные драки с учащимися имеешь виду? — кажется, шеф ловит намёки товарища с полуслова.

— Угу. Стабильность результата — признак мастерства, — фыркает Бак в ответ. — Постоянно кто-то оказывается в больнице, пусть и вместе с ним. Или вот в морге, как сейчас… Ладно, давай серьёзно. Как бы, да: закрадывается мысль о системе. Но в такие моменты я тут же, моментально, со скоростью звука беру себя в руки обратно. Никакой системы там, увы, нет просто потому, что её быть не может. Или у тебя, как у самого главного научного руководителя, иное мнение? — подполковник насмешливо смотрит на начальника. — Решил двигаться своим политическим курсом, не глядя на предлагаемый сверху?

— Ну почему не может быть системы?! Ну а вдруг?! — шеф рефлекторно осёдлывает своего любимого конька, превращаясь в беседе в научного оппонента. — Ну мало ли, где он раньше мог чего нахвататься?! Потом вот переосмыслил, переложил на текущие реалии и применяет ситуативно…

— Лео, разве что в тюрьме! — Невежливо перебивает заведующего кафедрой куратор. — Только в тюряге он мог, как ты говоришь, разного нахвататься! Откуда он попал к нам в самый что ни на есть первый день своего освобождения! Но в тюрягах, насколько я знаю, чуть другие, кхм, «системы» в ходу. Нам они без надобности. И тебя тамошние достижения вряд ли заинтересуют, — подполковник жизнерадостно смеётся над собственными словами.

— Отсмеялся? Можешь говорить серьёзно? — после паузы говорит начальник, покачавшись на столе и начиная барабанить пальцами по его крышке. — Я на тебя часто давлю?

— Нет. Вообще никогда не давишь. Нам работается вместе нормально. — Вежливо отвечает куратор, ожидая продолжения. — По крайней мере, с моей стороны претензий нет. Надеюсь, это взаимно.

— Когда ты говоришь, что чувствуешь, куда идти в работе, я тебе никогда не возражаю. Соглашаюсь с любым результатом.

Справедливости ради, семь раз из десяти лучше тебя никто результата на твоей теме не получит. Думаю, ты заметил, — шеф дожидается кивка от подчинённого и продолжает. — Но сейчас у меня такое чувство, как у тебя бывает, когда ты «чувствуешь». — Заведующий кафедрой задумчиво смотрит в окно. — Не может быть, мне кажется, такого сочетания подходящих кирпичиков. Я сейчас об отдельных элементах схватки, которые в сумме похожи на стройный алгоритм.

— Я не понимаю этого алгоритма, — неохотно признаётся Бак. — Или надо признаться себе, что он в чистой науке глубже меня. Но я пока не готов к таким заявлениям в собственный адрес… Или есть что-то, что лежит настолько на поверхности, что никто просто не думает в эту сторону, считая шлаком. Ты точно уверен, что нам следует покопать в эту сторону? — куратор пристально смотрит на начальника. — Ты понимаешь, что это очень серьёзная мина под сложившийся порядок вещей? И под устоявшиеся социальные институты?

— Да.

— ТЫ уверен, что мы с тобой тут протянем дольше одного дня? Если муниципалы начнут трезвонить, что федералы натаскивают быдло и пустышек на работу строго по одарённым? — жёстко спрашивает подполковник. — Нам с тобой, на старости лет, очень надо в анналы истории, в качестве первопроходцев? Может, лучше спокойно доживём до пенсии?

Полковник встаёт со стола и какое-то время молча прогуливается по помещению кафедры. Бак внимательно сопровождает его взглядом, демонстративно забросив ноги на стол и скрестив руки на груди.

— Тебе нравится твоя нынешняя жизнь? — задаёт неожиданный вопрос заведующий кафедрой. — Ежедневная рутина, одно и то же, эта семья, от которой уже нудно порой…

— Лео, у меня нормальные отношения с женой, — куратор красноречиво играет бровями. — И меня в жизни всё устраивает! Потому что я помню и другие времена, когда жрать месяцами хотелось. Не тут, чуть в иных местах. С детьми, конечно, посложнее… Но проблема поколений не сегодня началась, и не на нас она окончится. Так что, этот выстрел мимо.

— А меня не устраивает. — Заведующий кафедрой стоит перед большим окном, спиной к Баку, покачиваясь с носков на пятки. — Мне надоели и эта рутина, и это болото. Нас с тобой каждый день окружает болото! Я об отношениях, о тупых командах, об идиотских процессах…

— Я понял обоснование, развивай основную идею, — насмешливо роняет куратор.

— Там, к о г д а н а м ж р а т ь х о т е л о с ь, всё было как-то прозрачнее и честнее, что ли! — Полковник тяжело выдыхает и секунду молчит. — Если бы нам удалось хотя бы начерно алгоритмизировать сегодняшнюю схватку! Хотя бы вчерне, как прототип прототипа алгоритма!.. Я бы с чистой совестью пошёл на пенсию в тот же день, выращивать возле дома эти ёбаные помидоры и не выёбываться дальше.

— Лавры корпоративного победителя тебе явно не дают спокойно помереть в старости. — Теперь вздыхает уже Бак. — Впрочем, может, ты где-то и прав… Извини, я не хочу обсуждать наши дела с Луизой ни с кем третьим, даже с тобой.

— Возьмёмся за тему? — переход от состояния апатии к возбуждению не занимает у заведующего кафедрой и секунды.

Он мгновенно разворачивается и требовательно смотрит на Бака.

— Как скажете, босс, — куратор небрежно изображает воинское приветствие, не снимая туфлей со стола. — Хотя скорость, с которой вы радикально корректируете рабочий план, иногда меня удивляет до полного изумления. Тогда к твоим «гениальным» наблюдениям делай поправку на то, что мы сегодня увидели далеко не всё.

— Что имеется ввиду? — полковник внимательно фокусируется на собеседнике.

— Если у него в арсенале два или три варианта тактического ответа, или даже больше трёх, он выбирает и демонстрирует в ситуации только один. — Поясняет подполковник. — Ты с ним не общался лично, в отличие от меня. Мальчик наредкость основательный и продуманный. Не могу доказать, потому что он идеально изображает тупого отморозка, но очень хорошо чувствую: он бы не согласился на дуэль на заведомо проигрышных условиях, если бы не был уверен. Это первое, вот второе. У него тактические ситуации на полигоне, хоть и при форсировании трассы, продуманы минимум с одним запасным вариантом. Это я уже тебе как его куратор говорю. Ты думаешь, что в данном случае у него таких вариантов не было?

— Тебе виднее. Я потому и спрашиваю — сам его лично не знаю же.

— Третье, и главное. Он очень хочет рассчитаться за мать. Пока копает через наш юридический департамент, но недавно подружился с Хаас и уже её семейство сейчас будет его паровозить.

— С чего так уверен?

— Наводил справки по случаю, — неопределённо отвечает Бак. — Луиза с Хаасами по работе общается периодически.

Соискатель яркий.

— Ты что, и с женой это всё обсуждаешь? — искренне удивляется полковник, на мгновение забывая тему беседы.

— Таким образом, я не верю, что он ставил на себя последние пять тысяч, не будучи уверенным в выигрыше, — игнорирует последний вопрос шефа куратор.

— Почему? Если синдром камикадзе, то вполне мог ва-банк? — по привычке оппонирует Лео.

— Не его тип решения, — уверенно качает головой подполковник. — Он бы эти деньги первому попавшемуся нарку вручил перед схваткой, чтоб хотя бы судью расписали. По дороге домой, в подворотнею или ещё как. В даркнете куча проверенных исполнителей на такие работы, правда, в нижней части города.

— Ты смотри, как преподавательский состав отлично знает оперативную обстановку по части местной полиции, — будто бы нейтрально замечает начальник, сжимая губы в узкую полоску.

— А я всегда изучаю обстановку на три шага в стороны. Вдумчиво и тщательно. И не жалею на это времени. — Ничуть не смущается Бак. — У меня и проколов оттого меньше последние двадцать пять лет.

— Кстати, чуть не упустил, — явно изображает забывчивость начальник. — Будешь смеяться, но у меня уже по двум каналам успели вежливо и деликатно попытаться прощупать: сегодняшнее всё, — он неопределённо ведёт ладонью, — это случайно? Или результат в рамках направленных усилий нашей кафедры?

— Понятно и предсказуемо, — куратор по-прежнему невозмутим и олимпийски спокоен. — Страх — великий мотиватор. И не я один слежу за обстановкой на три шага в разные стороны. Я бы скорее удивился, если бы этого не было.

— Какой ты занудный! Тебя прямо и не удивишь ничем! — в сердцах вспыхивает заведующий кафедрой.

— Неправда, — сонно отвечает Бак. — Я сегодня где-то весьма удивился результатам этой дуэли.

_____

Моше с первой секунды уловил невидимую, но оттого не менее явную нить напряжения между ЮньВэнь и Алексом. При всей симпатии к пацану, жертвовать личными интересами в такой ситуации было глупо.

Как оказалось ровно через четыре часа (когда они с ЮньВэнь уже спокойно лежали на кровати в его номере), история не стоила и выеденного яйца. Пацана, оказывается, ещё в тюрьме заприметила серьёзная местная организация.

В силу добросовестности и качества работы рекрутинга, его кандидатура была предварительно рассмотрена и одобрена. С точки зрения израильтянина, его новому молодому товарищу надо было если и не падать в ноги, то, как минимум, благодарить за предложение: Моше не понаслышке понимал, насколько сложно подниматься с ноля, от самого дна.

Но что-то пошло не так. И вместо адекватной реакции, как сделал бы он в этой ситуации, Алекс пёр на красный свет, вплоть до мордобоя с Чоу. Та, ничуть не стесняясь, рассказала и о выбитых зубах, и о сломанной челюсти.

— Слава богу, что сейчас всё более-менее нормализовалось, — нейтральным тоном прокомментировал услышанное он, а про себя подумал: новую подругу и нового товарища надо всё же друг от друга держать подальше.

_____

К своему удивлению, ЮньВэнь всё понравилось. И своеобразное чувство юмора нового знакомого, и стиль общения, и не показная уверенность в каждом слове и жесте.

Лёжа на кровати у него в номере, через несколько часов после знакомства, она веселилась про себя: теперь, помимо прочих плюсов, у неё появляется повод регулярно бывать рядом с Единичкой. Конечно, она могла встречаться с этим парнем с непроизносимой фамилией и у себя, но тут их встречи точно не станут достоянием никого из Компании или департамента: вся информация с территории Корпуса в адрес дяди Ли шла через неё.

Когда раздался стук в двери, она лениво прикрыла полотенцем часть тела от колен почти до шеи (на большее длины полотенца не хватало).

Как всегда, по теории подлости, оказалось: неожиданности поодиночке не ходят. Исключительно стаями.

Моше глянул в глазок, отпер двери и на пороге обнаружился Единичка, собственной персоной.

Глава 9

— Бл##дь, я к тебе по делу, — непроизвольно кошусь на суку Чоу, валяющуюся голой на кровати.

— Проходи, рассказывай. — Абсолютно невозмутимо двигает бровями Моше, подаваясь в сторону и приглашая внутрь.

— Не при ней, — не вдаваясь в подробности, коротко качаю головой.

Чёрт, и ведь не расскажешь ему, что перед дуэлью она и мне предлагала то же самое. Вот же… Я почему-то не думал, что у них всё так быстро завертится и зайдёт так далеко. Я думал, поговорю с ним одним, как вернусь от Хаасов.

— Меня не касаются ваши мелкие недоразумения, которые имели место раньше. — Кажется, он абсолютно верно истолковывает природу моих колебаний. — На неё можешь не обращать внимания. Так в чём дело?

Словно в подтверждение его слов, эта сука наклоняется к прикроватной тумбочке, вставляет в уши наушники и включает какую-то абсолютно дебильную музыку в них так громко, что мне слышно даже сюда, к двери. Сама она при этом погружается в комм (по крайней мере, со стороны выглядит именно так).

— Интересно, она себе уши не испортит? — ворчу против воли, захлопывая за собой двери и входя в номер. — Такая громкость.

— У вас же их медицинская искра. Это совсем другие ресурсы организма, включая эластичность тканей, — как ни в чём ни бывало, пожимает плечами израильтянин и указывает мне глазами на стул.

Сам садится на край кровати.

— Она тебе и это уже успела рассказать? — вкладываю сарказма в интонацию по максимуму. — Ладно, я ненадолго. Хотел начать с другого, но не могу промолчать. С ней у меня непримиримые противоречия, — указываю глазами на кроватное пространство позади него. — Просто тебе для информации.

По инерции, собираюсь высказать всё, что думаю о конкретно этой хань, но Фельзенштейн меня перебивает:

— Она со мной, она сейчас у меня, и это не твоё дело. Ты в данный момент тоже в гостях, а не дома. Первый пункт проехали. Какой второй?

— Я сегодня в плюсах по деньгам. Сто двадцать одна с лишним тысяча, в том числе благодаря тебе. Спасибо, что прикрыл Анну и вообще помог. Я пришёл отдать твою долю.

— Деньги я люблю, — смеётся Моше абсолютно без напряжения в эмоциях. — Но в данном случае ты мне ничего не должен. Второй пункт тоже проехали. Третий будет?

— Ценю твою тактичность, но…

— Какая была ставка? — Опять перебивает меня он.

— Двадцать четыре и пять к одному.

— А почему было не сто, не сто двадцать к одному? — он насмешливо наклоняет голову. — С учётом твоей полной неспособности биться с одарёнными, с точки зрения большинства? ДО начала дуэли все же думали именно так.

— Понятия не имею. Я в тотализаторе ни сном, ни духом. Даже не разобрался ещё со своим процентом от кассы, как участник. Народ с третьего курса что-то там говорил, но я решил не забегать вперёд. Вначале надо было выиграть.

— Выиграть вначале — это всегда правильно, — гогочет он и падает спиной назад, переползая на спине поближе к китаянке.

Она, не отрываясь от своего комма, тут же забрасывает на него правую ногу. Мне остаётся только отвернуться в сторону, глядя в окно.

— Такой небольшой коэффициент был потому, что на тебя тоже были ставки. Ну, сравнительно небольшой, — поправляется Моше. — И, помимо прочих, на тебя ставил я. Я тоже разбогател чуток, и тоже на двадцать четыре к одному. По этому пункту, считаю, тема закрыта.

— Тогда говорить больше не о чём, — киваю, поднимаясь со стула. — Это всё.

— Стой. Налоги заплатил? — раздаётся со стороны китаянки, которая нимало не заботится фрагментарным неглиже, и на вид как будто не отрывается от комма.

Музыка в её наушниках, кстати, стала звучать гораздо тише.

— И процент участника тебе с этой дуэли не положен, — видимо, она решила то ли поиздеваться, то ли просто обострить момент. — Условия дуэли были оговорены именно такие, спроси свою обеспечивающую, если не веришь мне. Она заключилась на имущество и активы проигравшей стороны, плюс дополнение по второй и третьей форме.

Бл##ь. И ведь не спросишь эту тварь о деталях, потому что разговаривать с ней не собираюсь.

А вопрос значимый, деньги там немаленькие.

— Она, видимо, всерьёз отнеслась к твоей ставке «Всё на победу», — продолжает развиваться сука Чоу на всеобщем, вообще нимало не смущаясь.

— Говори на жонг-гуо, — сухо роняю относительно нейтральным тоном.

Тут бы и Моше не задеть, и лишнего бы не наболтать.

— Это невежливо по отношению к третьему присутствующему, — нагло ухмыляется она в ответ, по-прежнему на Всеобщем. — И потом, Единичка, ты что, решил мной покомандовать?! Как и с кем мне разговаривать?!

Прикусываю язык. Что-то сплошные эмоциональные потери в этом коротком разговоре.

— В общем, твоя подруга была где-то права. — Продолжает разливаться соловьём хань, прижимаясь к Фельзенштейну и водя своим локоном ему между бровями. — Как правило, одарённые на эти дуэли берут через раз то разрешённые артефакты, то фамильные памятные вещи. Это, кстати, просто дурацкая традиция, ничего более… Плюс, тело проигравшего тоже оказывается в собственности победителя, а его можно продать родственникам уже за совсем другие деньги. В среднем и обычном случае, стоимость семейного имущества, взятого с тела, плюс цена самого трупа, здорово превышает твою долю кассы, как участника.

— А кому нужен труп? — неподдельно удивляется Моше, удачно озвучивая и мой невысказанный вопрос.

— Родственникам, похоронить же! — отзеркаливает его удивление Чоу, на секунду открывая всеобщим взглядам пространство под полотенцем. — В вашем случае, таким артефактом был этот концентратор, который сам по себе весьма непрост. И по финансовой стоимости, и не только… — она сейчас явно чего-то недоговаривает.

Делаю себе в памяти зарубку, узнать о специализированной снаряге одарённых побольше.

— Только он в список разрешённых не входит, из-за чего и весь сыр-бор. — Продолжает китаянка. — Плюс, тело пацана можно было загнать его родне за любые деньги обратно, если бы не арбитраж. Та семья бы точно не поскупилась на выкуп, Хаас правильно всё делала. И если бы не запрещённый концентратор, ты бы в деньгах не потерял. Но теперь тело в ведении арбитража, а это процесс на недели, если не на месяцы.

— Вот бл##ь… — теперь уже можно не сдерживаться. — Спасибо, — машу рукой Фельзенштейну, собираясь топать к двери.

Анну расспрошу позже, когда она вернётся из дома в Корпус.

— Не отпускай его! Налоги! — не унимается Чоу, требовательно толкая израильтянина в бок и спихивая его немаленький организм с кровати.

Моше, удивлённо присвистнув и скользнув по ней взглядом, поднимается на ноги и задерживает меня рукой.

— Не понял. — Я и правда не понимаю, как относиться к этому действию.

Но воевать прямо сейчас, на ровном месте, не вариант. Наверное.

Алекс, как обычно, идиотски хихикает на заднем плане.

— Налоги не мелочь. — Веско роняет израильтянин, продолжая удерживать меня за руку. — А что у вас с налогами? — спрашивает он уже у неё.

— Пусть звонит своей Хаас прямо сейчас. — Уверенно отвечает Чоу, забираясь под простыню. — Мне он всё равно или не поверит, или сделает назло. Причём, пострадает сам, потому что это — единственная часть законодательства, когда позиция федералов на сто процентов совпадает с муниципалами. Всегда. Без исключений.

_____

Анна пребывала в эйфорически приподнятом настроении после общения с отцом, когда ей позвонил Алекс. На заднем плане, за его спиной, виднелись полуодетые Моше и та самая китаянка, с которой пришлось спорить перед дуэлью.

Загадочно. Впрочем, лично у Анны ни к кому из них вообще претензий не было, а Алекс со своими делами разберётся и сам. Главное — судя по обстановке, его безопасности на момент ничего не угрожало.

Опять же, израильтянин был рядом и заслуживал доверия.

— Наши общие знакомые мне говорят, что налоги с выигрыша… — неприязненно начал было товарищ, то и дело косясь себе за спину.

— СТОП. — Как могла деликатно, перебила его девочка. — Я уже поняла! Без деталей. Сейчас приеду!

— Сто семнадцатый номер! Я разблокирую вход! — подал сзади голос Фельзенштейн. — Его не отпущу, пока ждём тебя!

— Я рядом, буду через семь минут, — вежливо сообщила Анна, кивая обоим парням и отключаясь.

_____

После того, как в мой разговор с Анной влезает Моше, мне приходится ещё на время задержаться в этом дурдоме.

Близость суки Чоу не делает моё настроение лучше, но сама китаянка почти сразу спрыгивает с кровати и направляется в душ. Где и остаётся всё время до приезда Анны.

Видимо, изображает тактичность в глазах израильтянина, тварь. До чего жаль, что ему не объяснишь всех нюансов наших с ней непростых взаимоотношений.

Слава богу, разум всё же частично жив в этом царстве гротеска. Когда Хаас стучится в двери номера, сладкая парочка уже обзаводится одеждой и выглядит гораздо более пристойно.

— Скажи ему о налогах, — китаянка, скрестив ноги на кровати, требовательно смотрит на Анну, указывая при этом пальцем на меня.

— С выигрыша? — моментально врубается моя обеспечивающая, поворачиваясь ко мне. — Алекс, она права. Какая сумма вышла по ставке?

Вместо ответа, показываю ей экран комма.

— Сорок два процента надо отдать. — Моментально сообщает Хаас, едва скользнув взглядом по экрану. — Выигрыш более ста тысяч одномоментно, источник платежа — чистый гэмблинг. Тут без вариантов.

А у меня возникает ощущения пустоты и падения в пропасть.

— За что? — даже не пытаюсь сдержать изумление. — Какие сорок два процента?! Кому и за что?!

— Вот очень хорошо, что ты приехала, — изображает душку Чоу, как ни в чём ни бывало, обращаясь к Анне и игнорируя меня. — С него бы сталось начать тратить всю сумму. Он вон, уже Моше пришёл долю отдавать… До налогового платежа.

— Упс, это я не уследила. — Хаас не додумывается ни до чего лучшего, как изобразить раскаяние в адрес хань.

Да они что тут все, белены объелись?! Ладно, Моше! Его я где-то могу и понять, и принять. У него вполне себе объяснимая позиция… нейтралитета и невмешательства… я б на его месте, пожалуй, тоже ставил бы на всех лошадей одновременно… если б не личное. Но Хаас-то куда?!

— Анна, мы можем продолжить не здесь? — соблюдая приличия, напоминаю подруге о деликатных обстоятельствах наших с Чоу давних трений.

— Могу сделать пять и семь, — зачем-то говорит та Анне в этот самый момент. — Тогда тридцать шесть и три останется к оплате.

— Услуги? — ребусом на ребус отвечает ей Хаас, как будто понимает в словах китаянки что-то, мне недоступное.

— Да что у вас тут происходит?! — Пытаюсь вклиниться, но на меня никто даже не смотрит.

— Зачем? — искренне удивляется хань. — Какие услуги?! Патронаж сотрудника! — кивок в мою сторону. — Он же в ранге соискателя. Может рассматриваться, как выполняющий работу. Мы целый список таких всегда подаём от Компании до конца периода. Всё законно, и не надо потом актами заморачиваться. Опять же, мораторий на проверки муниципалов по федеральным

служащим.

_____

Номер Моше мы с Анной в итоге покидаем только через полчаса. При этом, весь мой выигрыш Хаас блокирует на моём же комме, на отдельном виртуальном счёте, запрещая мне трогать даже сантим:

— Давай с обязательными платежами вначале закончим. Я не знала, что ты настолько безграмотный, — отчего-то веселится она, как будто происходит что-то приятное.

А я даже не нахожу пристойных слов, чтоб высказать ей свои реальные чувства. Так и идём молча до медсектора, куда я сворачиваю, чтоб забрать Жойс.

_____

На волне эйфории, Анна упустила деликатный момент выигрыша Алексом на тотализаторе. Товарищ предсказуемо оказался абсолютным нолём в фискальных вопросах. Первые пятнадцать минут он и слышать не хотел об обязательном налоге, который был бы с него взыскан в любом случае (вопрос лишь в самой процедуре взыскания).

У Анны ушли ещё четверть часа и куча нервов, чтобы объяснить другу: налоги — единственная часть всего правового поля, где не работает презумпция невиновности. В любой части Федерации.

Алекс упирался, как годовалый ребёнок при виде игрушки на витрине, и изображал того самого барашка на мостике, из детской сказки.

Судя по его настрою, усваивать новую информацию он сейчас явно был не способен. Махнув рукой на политкорректность, девочка прибегла к крайнему средству: волюнтаристским решением, она отобрала у него на минуту комм и заблокировала всю сумму выигрыша на отдельном счёте. Разъяснение необходимого минимума по налогам она ему устроит позже. Как и предназначенный не для всех курс легального вывода части поступающих денег из-под налогообложения.

Кстати, эта Чоу предложила неожиданно серьёзный вариант. Обычно, у таких кормушек, которые гарантируют снижение налогооблагаемой базы на федеральном уровне, всё забронировано на годы вперёд. И чужаков там, сказать мягко, не ждут.

То, что китаянка пускает смешную (по клановым меркам) сумму Алекса в явно отлаженную процедуру на уровне их Компании — это очень серьёзный её шаг ему навстречу.

Жаль, Алекс этого явно неспособен ни оценить в данный момент, ни просто понять.

«Пока мужчина пребывает в горячем эмоциональном состоянии, его мозги нормально работать не будут», — это всегда говорила даже мама.

А Алекс именно в таком состоянии и пребывал: дуэль; баснословный по его меркам выигрыш; неожиданное присутствие Чоу в номере Моше…

Анна про себя хихикнула. Она уже изучила взрывной характер и регулярное упрямство у нового товарища (часто на ровном месте, когда повод не стоит и выеденного яйца). Сейчас она была уверена: неожиданный союз Моше и секретарши Ли заставит Алекса кипеть, словно чайник, ещё пару часов.

А вот пото-о-ом, когда он успокоится, можно будет и объяснить ему все детали. Обязательных налоговых и фискальных платежей, которые не имеют абсолютно никакой альтернативы; и которые лучше делать добровольно.

А в его случае — ещё и не отходя от кассы, если он реально собирался потратить часть уже не своих, по факту, а государственных денег (государство-то своё возьмёт всегда, вопрос в цене).

Кстати, к варианту Чоу надо присмотреться уже на уровне своего клана, уведомив при случае отца.

Вообще-то, Анна могла очистить эти пять процентов и сама. Теоретически.

Другое дело что, не стала бы. Тут уже вступала в дело внутренняя политика: экономия в пару тысяч только для Алекса была солидной суммой. А вот финансисты клана только покрутили бы пальцем у виска, приди Анна к ним на добрые полчаса с дополнительной работой, итогом которой станет экономия копеек. Ещё и посторонней дворнягой, до которой никому из своих, кроме Анны, дела нет.

Хорошо, что для китайцев и двести монет комиссии — деньги. Анна слышала от отца и всегда поражалась: там, где свои пожалеют времени и вообще не будут даже наклоняться за мелочью (говоря образно), хань не ленятся и налаживают целые процессы по сбору в свои карманы таких вот тоненьких ручейков из мелких монеток.

Рабочее время финансового департамента клана, как правило, стоит дороже тысячи монет в час. Потому оптимизацию таких сумм просто игнорируют (как говорится, «заплатить будет дешевле, чем ловить»[1], как сказали в прошлом веке те безопасники). А вот если эти же суммы развернуть на неленивых китайцев, то лично Анне получается вполне себе прибавка к

карманным деньгам.

И чего Алекс на Чоу так злится? Если б не китаянка, он бы вообще заплатил налогов на одну седьмую больше.

Глава 10

Притопав в раздрае чувств за Жойс в медсектор, обнаруживаю любимую подругу сопящей в две дырочки в процедурной.

— Спит она ещё! — весело говорит Камила от монитора, на котором она нагло режется в какую-то сетевую игру-стрелялку прямо с рабочего места.

— Ну я так заскочил, вдруг проснулась бы уже.

— Ещё две капельницы, минут по сорок, — Карвальо, не отрываясь от бега по какому-то коридору на экране, второй рукой машет в сторону двух подготовленных штативов рядом с кушеткой Жойс. — Итого, часа два. Потом можно и разбудить. И вручить её тебе. Тут будешь ждать или у себя?

В этот момент звонит мой комм и до неприличия вежливый Бак осведомляется в своей обычной манере:

— Вы сейчас свободны? Можете подойти на кафедру?

— Да, может! — отвечает за меня моему куратору Камила, нимало не стесняясь своего попадающего в кадр. — Тут у него ничего серьёзного нет!

— Тогда жду вас через пять минут, — всё так же убийственно воспитанно кивает мне подполковник и отключается.

— У меня даже нет слов от возмущения, — сообщаю Камиле после этого её демарша. — Ты не офигела?!

— Коротышка, ты забываешься. И упускаешь, где находишься, — смеётся она, не отвлекаясь от своего абсолютно неправомерного занятия. — Это ты здесь никто. А я всё же офицер, — она показывает язык в тот момент, когда её выстрел разносит что-то непонятное в окне не самого близкого здания на мониторе.

— Ущипну за жопу — будешь с синяком ходит две недели. Специально с ханьской искрой подлость сделаю, — обещаю.

— Моя жопа переживёт, — веселится она. — А я позову Чоу, тогда и две недели ждать не надо. А вот тебе Жойс за мою жопу уже твою на глаза натянет. Чтоб не лапал других баб, хе-хе.

_____

Дело в долгий ящик можно было не откладывать. Даже на этой, достаточно мирной работе, бывают свои авралы, вполне опасные затягиванием сроков. Некоторые решения надо принимать быстро.

Созвонившись с супругой и предупредив её о задержке, Бак

вызвал соискателя прямо сейчас. Если всё обстоит именно так, как видится начальству, кое-что лучше понять и сделать, не откладывая.

Когда Алекс добросовестно появился через пять минут, Бак усадил его за свободный терминал и, переглянувшись с заведующим кафедрой, вежливо попросил:

— Вы бы не могли подробно описать ваши механизмы принятия решений в схватках? Начерно, коротко. Попутно. Если можно, перечислите использованные приёмы, инструменты либо тактические схемы?

— Могу так всё рассказать, это будет быстрее, — удивился соискатель. — А вы решите, надо ли оно вам письменно.

— Мы хотим, чтоб это увидел кое-кто ещё кроме нас, — подал со своего места голос Лео. — Не светя при этом вас раньше времени. Именно потому просим о письменном отчёте.

Парень молча кивнул, развернулся к клавиатуре и через четверть минуты сообщил:

— Мой чип не может войти в ваш терминал! Так бы загрузил всё прямо оттуда, это пара минут…

— И не сможет, — ответил Бак, не уходя в подробности. — В этот терминал не сможет. Извините за неудобства, но сейчас — только вручную.

Несмотря на заявленную задержку результата, соискатель развернул экран в сторону куратора уже через четверть часа. Сам он всё это время тарабанил по клавиатуре, как ударник джаза; а офицеры молчали, занимаясь каждый своим делом.

При виде готового документа, Лео махнул Баку на автоматическую кофеварку, а к экрану направился лично. Чтобы мгновенно подобраться уже через несколько секунд. И, дочитав до конца, объявить подполковнику (который как раз заканчивал готовить кофе):

— Похоже на мой вариант. Иди сюда.

— Алекс, пожалуйста, поухаживайте за собой самостоятельно. — Куратор тактично кивнул соискателю на кофемашину. — Вы же не думаете, что за вами будет ухаживать целый подполковник?

— Это — оценка обстановки. — Заведующий кафедрой ткнул по очереди в три цифры «один», которыми начинался каждый новый эпизод на экране. — Затем идёт выбор арсенала приёмов «под ситуацию» или «под противника».

Полковник на вид был спокоен, но Бак знал: на самом деле, шеф просто звенит от напряжения.

— Тоже вполне себе школа. Хотя и не понятно, какая… — озвучил очевидное Лео. — Затем идут запасные варианты, на

основании изменений обстановки. Например, ткнуть срезом кости ампутированной руки в глаз, используя рефлекторную демобилизацию искры противником… И преимущества короткой дистанции…

Бак уже знал, что скажет товарищ, но промолчал из врождённого такта (и не желая выходить из образа перед соискателем).

Начальник не разочаровал:

— Именно что система. По архитектуре — почти что классический стандарт, пусть и на нетривиальную тему.

— Алгоритмы и аналитические приёмы для оценки обстановки названы далеко не все. Но их обилие чётко обозначено. — Кивнул куратор, подтверждая выводы второго офицера. — Лео, ты был прав. Возможно, она кривая; возможно, она сложно тиражируемая; но это самая настоящая система.

— Чёрт побери. — Выдал в ответ начальник.

И они оба, не сговариваясь, посмотрели на пацана, с наслаждением припавшего в этот момент к кафедральной чашке из натуральной керамики.

— А ведь это система, чёрт побери. — Повторился шеф. — Алекс, мы видим чётко алгоритмизированный, многоэтапный механизм принятия вами решений и их практической реализации.

— Так точно. — Коротко кивнул пацан, заслуживая одобрительный взгляд Бака и удерживая чашку двумя руками.

— На основании многоэтапной и постепенной подготовки. — Задумчиво пробормотал следом куратор; и тоже получил подтверждающий кивок от соискателя. — Если вопрос о цене подготовки такого специалиста не стоит, то и правда: о системе вести речь можно. — Добавил он, уже повернувшись к начальнику.

— Каждая формализованная методика — не более чем инструмент. Какие-то инструменты нужны каждый час. Какие-то, бывает, могут понадобиться раз в год или даже реже. — Ответил полковник, используя исключительно общие фразы. — Это никак не отменяет обязательности их наличия в арсенале. Не то чтоб деньги не пахли, м-м-м, — заведующий кафедрой задумчиво развернулся к окну. — Просто теория и наука — вещи такие. Прорывы происходят только после накопления критической массы исследований и информации.

— По темам, которыми никто не занимался, — завершил мысль Бак. — А так самоотверженно, как наша кафедра последние недели, да ещё и на одарённых разных искр, разного потенциала и разного уровня индивидуальной подготовки… — подполковник не удержался от саркастического смешка. — Ещё

никто из простаков не практиковался. — Хм, смешно. Неужели парень и правда в тюряге дорос до уровня каких-то там обобщений? — нимало не стесняясь соискателя открытым текстом спросил Лео.

— Причём тут тюряга? — подал голос Алекс. — Ханьская искра рулит. Я уже говорил Хаас, когда мы тренировались вместе. Система не идеальна, с большими прорехами и, местами, не даёт гарантий. Но перечисленные вами элементы, в части причинно-следственных связей подготовки к бою, в ней идут с запасом. За полторы тысячи лет ханьцы и окружающие их весьма неплохо продвинулись на поприще теории.

— Другое дело что применять свою теорию на практике у них особой потребности не было. — Многозначительно уточнил шефу Бак. — Особенно в широких масштабах.

— Алекс, наливайте вторую чашку. Вы нам сейчас понадобитесь. — Принял решение заведующий кафедрой, направляясь к своему месту.

— Давайте увяжем и все наши личные интересы! — напомнил от своего стола подполковник. — С учётом тех двух звонков от интересующихся, на которые кое-кому пришлось отвечать муниципалам сразу после дуэли.

— А федеральные программы тем и хороши, что они на эти моменты дают абсолютно шаблонные и почти идеальные решения. — Весело отбоярился полковник, опять общей фразой, как будто опасаясь быть услышанным в этот момент кем-то ещё.

_____

Как ни парадоксально, но уже к позднему вечеру Хайке чувствовала себя абсолютно комфортно в присутствии Лютера. Ничуть не стесняясь друг друга, они сидели на кухне первого этажа голышом и тихо, почти по-семейному, ужинали.

— Мне сейчас очень хорошо. — Сказал он после трёх минут полной тишины. — Настолько, что не хочется уходить.

— Так не уходи, — предложила мать Питера. — Тебя кто-то гонит?

— Насколько это удобно? — засомневался мужчина.

— Это всё, что тебя волнует? — рассмеялась женщина. — У меня впервые за неделю на душе легко и свободно. Как будто бабочки за спиной… Тебя ни к чему не обязывает! — поспешила добавить она.

— Тогда остаюсь у тебя. — Решил сенатор.

Последний час они старательно избегали разговора о делах, выбирая более нейтральные темы.

— Ладно, чего резину тянем, — вздохнула Хайке. — Давай

решать, что дальше. Я этого точно так не оставлю, ваши Честеры, видимо, тоже. Если будем долбиться каждый со своей стороны, нас поодиночке щелбанами раскидают.

— Ты знаешь, а я всё обдумал, — задумчиво ответил мужчина, с удовольствием поедая говядину с картошкой, приготовленную его спутницей только что, своими руками. — Давай для начала согласуем цели?

— Мне всё равно, что будет, — ровно ответила Штавдакер. — Виноватый должен умереть. Просто умереть. Я даже не настаиваю, чтоб он мучился перед смертью. Если я буду знать, что есть чёткие сроки — допустим, месяц — я ни слова не скажу, буду ждать. Плюс, помогу посильно от имени себя и Питера. Лишь бы результат был гарантирован.

— Это упрощает задачу, — с облегчением вздохнул сенатор. — У меня требования чуть пошире.

— Как обычно, смешиваешь личное и рабочее? — фыркнула Хайке, наплевав на приличия и усаживаясь мужчине на колени.

Как девчонка-подросток, невзирая на возраст и ситуацию.

Мгновенно напрягшиеся детали анатомии Энзи возвестили о том, что он категорически не возражает.

— А тут иначе не выйдет, — ответил сенатор, приобнимая спутницу и разворачивая её лицом к себе. — Вначале надо понять, как выглядит программа федералов.

— И есть ли она вообще, — прошептала Хайке, легонько прикусывая его за ухо.

— И есть ли она вообще, — рефреном повторил Лютер. — Параллельно с этим, нужно стереть этого пацана, не важно как.

— Вот здесь и начинаются мои вопросы, — глубоко вздохнула женщина, чуть поёрзав и устраиваясь поудобнее.

— Тэд с ним справится. Я уверен. Плюс, у меня там есть свой офицер, который окажет необходимое сопровождение. — Рваными и обрывистыми фразами парировал Энзи.

— А офицер надёжный? — уточнила Штавдакер, прикрывая глаза и вжимая спутника в спинку стула.

— Многим обязан, на связи более десятка лет. Личный ресурс, не клановый, — машинально отрапортовал сенатор, фокусируясь на происходящем больше, чем на разговоре.

— За Тэда не боишься?

— Посмотрим. Не может же против воды успешно биться тот, кто хорошо справляется с огнём, — предсказуемо ответил Лютер. — Что-то одно. Или ты тушишь огонь, или бьёшь воду.

— Мне кажется ты сейчас применяешь наши шаблоны на простаков. Уй-й-й-й…

— Офицер подстрахует… извини… имени не назову…

Глава 11

— … никаких иных вариантов нет, — отрезает Анна, занимая высокий барный стул в углу моей кухни. — О, где ты такой взял? — она пробует вращаться по паре оборотов в каждую сторону; затем, наклоняясь, смотрит на новый предмет мебели сверху-сбоку. — В прошлый раз его, кажется, не было?

— Девушка подарила, — бормочу, вытягиваясь на кровати. — В качестве компенсации за сегодняшнее динамо.

_____

К сожалению, из светлого намерения провести вечер (и не только) вдвоём с Жойс ничего не получается.

Когда мы с Камилой, общими усилиями, приводим наконец нашу во всех смыслах лучшую подругу в чувство, служебный сержантский комм той начинает просто стонать и завывать, требуя срочного ответа.

Поговорив при нас пару минут с каким-то хмурым мужиком в майорской форме, Жойс широко раскрывает глаза и озадаченно чешет затылок: на одном из объектов, к логистике которых она имеет отношение, произошла авария. Один транспортёр въехал в другой, что-то там перевернулось, загорелось и в итоге перестало быть.

— Хорошо, что люди живы, — меланхолично комментирует услышанное Камила.

Присутствие Жойс требуется в связи с оформлением каких-то документов на безвозвратно утраченное из-за пожара имущество.

— Или потом будут сто лет с оклада высчитывать, — уныло подводит итог она. — Ладно, всем привет… Я понеслась…

В качестве компенсации за моральный ущерб, она вручает мне подарок (припасённый специально для меня): по её команде, Камила из недр подсобки вытаскивает хромированное кожаное чудо, явно стоявшее ранее в одном из не самых простых баров.

— Волокла тебе в подарок, — пояснила Жойс, нанося наскоро косметику перед зеркалом.

— А у меня своего жилья пока нет, — озадачился я в ответ. — Казённое не в счёт. Куда я его?..

В этом месте они с Карвальо переглянулись и заржали. После чего мне пояснила уже Камила:

— Ты даже не представляешь, сколько людей, в том числе в серьёзных званиях, с удовольствием махнулись бы с тобой на твою студию.

— Находящуюся, считай, в центре многомиллионного города, со всеми коммуникациями, на территории охраняемого федерального объекта первой категории, — завершает мысль Жойс. — Со всеми возможными логистическими развязками в шаговой доступности.

— Это же не моё жильё? Так, временное, — обхожу стул по кругу, хлопаю два раза по сиденью. — Но он мне нравится!

— Нет ничего более постоянного, чем временные вещи, — Жойс наклоняется и звучно целует меня в лоб. — Значит, будешь возить с собой этот стул, пока настоящим домом не обзаведёшься. Если отсюда соберёшься переезжать. Хотя, я бы на твоём месте пока никуда не дёргалась: ты и правда не осознаёшь всех прелестей сегодняшнего своего положения.

— Она географию и бытовые условия имеет ввиду, — поясняет мне уже Камила, поскольку за Жойс к тому времени захлопывается дверь.

Ещё через половину минуты мы с Карвальо видим её, легко бегущую во все лопатки в сторону главных ворот.

— Ничего себе, она носится, — присвистываю.

— У неё всё в порядке и со спортом, и с генетикой, — улыбается доктор. — Ладно, у меня ещё партия недобита, ты же к себе?

И Камила вежливо выпроваживает меня из медсектора с новым приобретением в виде барного стула в руках.

_____

— Ты просто не осознаёшь некоторых базовых вещей, — продолжает сверлить мне мозг Хаас, крутясь в разные стороны на моём стуле.

— Слушай, настроения ноль. Деньги ты заблокировала, а ругаться сейчас я не хочу. Мою девушку вызвали из-за какой-то военной херни в часть, при этом мы сегодня планировали тут ночевать вместе. — Добросовестно излагаю всю диспозицию. — Потому что за время дуэли она здорово перенервничала. От самой этой долбаной дуэли я ещё тоже до конца не отошёл.

В этом месте вовремя удерживаюсь и не выпаливаю, что с процентом участника я пролетел благодаря ей. Как и с выкупом за труп противника: теоретически, концентратор окупает потери, но не упрекать же подарком.

— Моше спутался с Чоу. На кафедре навесили кое-каких лишних вопросов, за которые не знаю, с какой стороны браться. — Завершаю краткое жизнеописание одного дня. — И ты сейчас ещё пьёшь кровь этими налогами! Вместе с ненужной мне теорией. Что бы ты ответила самой себе, будучи на моём месте,

ровно в такой ситуации? — вежливо и вопросительно поднимаю взгляд на Анну.

— Что тебе известно о презумпции невиновности? — кажется, она решила вообще проигнорировать все мои слова.

— Это когда надо доказывать вину, а не невиновность. — Вздыхаю. — Ты не хочешь дать мне отдохнуть?

— Какие два исключения из этого правила есть в Федерации? В каждой агломерации, практически? — Хаас никак не унимается, выступая в роли лектора на семинаре.

— Кажется, кто-то решил изобразить из себя преподавателя, — ворчу, поворачиваясь на бок, спиной к ней. — Понятия не имею. По мне, базовые конституционные вещи нарушать категорически нельзя. А твоя презумпция — именно что базовая вещь и есть.

— А это в конституции и прописано, — возражает Хаас, объезжая на стуле мою кровать по дуге и оказываясь напротив моего лица уже с другой стороны.

— Ничего себе. Оно ещё и ездит?! — свешиваюсь вниз, разглядывая ножки подарка Жойс. — У него ещё и ролики есть?!

— Ага, вот тут внизу рычажок. — Весело отвечает Анна. — Высвобождает режим каталки. Классный подарок! Я бы себе домой такой купила… Интересно, откуда он у твоей девушки.

— Насколько я её знаю, утащила из какого-нибудь бара. Предварительно договорившись с дежурным охранником. Так что там за исключения? Я так понимаю, ты же не уймёшься, пока не выговоришься?

— А ты куда-то торопишься?! — Хаас изумлённо поднимает бровь. Затем всё тем же менторским тоном продолжает. — А исключений такие. Первое — отчётность президента Федерации, по окончании каждого срока. Он, как известно, должен доказывать, что никакого вреда за время президентства не нанёс. А второе — это налоги. Вернее даже, твои значимые приобретения. Для примера: если ты сейчас приобретёшь дом над рекой за пару миллионов, его у тебя арестуют в течение недели. И арест не снимут ровно до тех пор, пока ты не объяснишь налоговикам, откуда взял деньги на его покупку.

— Ничего себе. — От желания спать моментально не остаётся и следа. — Какой-то беспредел, нет?

— Только в этом вопросе, только налоги, — возражает она. — И это оговорено в таком количестве актов, законов и документов, что известно, кажется, всем. Кроме тебя. Отчётность президента тебя не интересует? — Веселится Анна, уезжая на стуле в другой конец комнаты.

— Не-а. Те личности, которых мы знаем в лицо по сети, но

никогда не увидим лично, для меня навроде икон и небожителей: мы с ними в разных плоскостях. Они как ангелы, чего о них радеть…

— Сразу видно, откуда ты родом. — Выпаливает сгоряча Хаас и тут же спохватывается. — Пардон.

— Да ладно, чего там, — поворачиваюсь на другой бок, чтоб снова оказаться к ней спиной. — У нас и правда, видимо, чуть иные тенденции в семье. Были… У отца даже поговорка была: нищему разбой не страшен. Я спать буду. Рассказывай, что там с налогами и отчего такая срочность. Если усну, захлопни дверь.

— Ты сейчас считаешься приравненным к военнослужащим, по крайней мере, с точки зрения фискалов. — Анна снова объезжает кровать и опять оказывается у меня перед лицом. — Они, в принципе, на федеральном уровне много куда не допущены, потому от тебя до генерала на всех смотрят одинаково. С точки зрения налогообложения если. В случае с таким большим разовым доходом, по стандартному мнению, ты можешь в любой момент рискнуть жизнью на благо родины и отдать богу душу: армия же!

— А-а-а-а-а…

— Стало быть, что надо успеть с тобой сделать?

— Ободрать, как липку. Забрать с меня своё, пока есть что забирать. — Бормочу подсказку Алекса. — Вернее, пока есть с кого забирать.

— На самом деле, тут сразу два момента, — просвещает меня Анна. — Теоретически, ты можешь быстро выгнать деньги в невозвратные для них дали и сразу героически помереть за Федерацию. Ну и не забывай источник дохода! Если бы ты получил сказочный гонорар от Корпуса, за выдающиеся научные прорывы, это было бы одно. Тут бы они ждали до конца периода. Но перевод вчерашнему нищему, в сотню штук, от букмекерской конторы, ещё и по статье «выигрыш», — она смеётся. — Есть правила. Незнание от них не освобождает. Заплатишь налог — потом можешь тратить. А если бы ты перво-наперво отогнал часть суммы нерезиденту… В общем, это не лучший способ искать спокойной жизни. — Завершает она экскурс в науку. — Отгадай на закуску. Какая единственная база интегрирована на сто процентов между федералами и муниципалами? В режиме реального времени?

— Налогоплательщиков? — снова предполагаю со слов Алекса.

— Почти. Движения денежных средств налогоплательщиков.

— Так я ещё несовершеннолетний?! Какой из меня налогоплательщик?!

— Доход уже имеешь, хоть и здесь. Букмекерская контора, что тебе перевод сделала, точно налогоплательщик. Не считай государство глупее себя. Кстати, фискальные иски — единственная часть правового поля, где муниципалы имеют приоритет над федералами, если случается заруба.

— Звучит, как лажа. Не бывает приоритета сержанта над майором, — отвечаю то, что слушал недавно на лекции.

— Кроме тех случаев, когда федералы сами делегировали фискальный надзор на места. — Разбивает мои доводы Хаас. — Могу аргументированно доказать, но это час времени. И вообще, кто из нас юрист?

— Ладно… И что дальше? У меня были планы на эти деньги. — Делаю лёгкий намёк, не желая ссориться.

Когда она уверенно и бескомпромиссно блокировала эти деньги, я почему-то даже не стал сопротивляться. Впрочем, Алекс тоже сказал тогда к ней прислушаться.

— А дальше мы сделаем тридцать пять вместо сорока двух процентов вычетов, — легко отвечает Анна. — Примерно один рабочий день. Завтра заплатишь налог и можешь тратить всё до упора. Кстати, — она чуть стушёвывается. — Я на этом предложение твоей Чоу по оптимизации заодно оттестирую. Мне сама схема может быть полезной. Говорю тебе сразу, чтоб ты потом не дулся. А то ты на неё, как собака на кота, дёргаешься.

— Есть за что. Делайте, что хотите.

Дальше накрываюсь подушкой и не слушаю ответа. С помощью Алекса, отключиться удаётся достаточно быстро.

* * *

— В общем, скажи спасибо своей подруге. — Сотрудник юридического департамента смотрит на меня без особой приязни. — Похоже, её семейство всерьёз взялось за твоё дело в суде. Потому мне сказано показать тебе вот это.

Он разворачивает экран в мою сторону.

— Что за таблица?

Я спокойно спал у себя поздно вечером, когда уже знакомый мне юрист посредством личного вызова попросил прямо сейчас зайти к нему в департамент.

Поскольку никаких общих дел, кроме моего прошлого, между нами не было, я к нему почти что побежал.

— Это я для тебя сделал в форме таблицы, для наглядности. Левый столбец — как должно быть. Если закону следовать.

— А справа — как оно на самом деле? — догадываюсь на

ходу. — Только справа почему-то сплошное красное поле?

— Потому что ничего не было сделано, как надо. — Хмуро поясняет он. — По факту, даже свидетельство о смерти выписано с такими нарушениями регламентов, что…

_____

Когда я через четверть часа выхожу из административного блока, моя сонливость исчезает, как не бывало.

Погуляв по аллеям, пробую в прострации набрать Жойс. Автоответчик отвечает, что она перезвонит мне, как только сможет.

* * *

Последние несколько часов с Хайке превратились для Лютера в какой-то сумасшедший марафон. О таком хоть и не расскажешь никому, но гордиться собой можно вполне.

Её вопрос вырвал его уже из полусонного состояния:

— Ты уверен насчёт Тэда? Тебе не кажется, что ты горячишься?

Спросонья, он даже не сразу уловил суть вопроса.

— Да ничего ему не будет, — мягко ответил через секунду он. — Да. Я уверен в своём сыне. Мужчине иногда надо делать самые очевидные вещи, только затем, чтоб и дальше считать себя мужчиной. И мы же не будем переть напролом, у Тэда будет время подготовиться.

— Честеры тоже готовились, — вздохнула женщина и призналась, — мне что-то не спится.

— Зато у меня бессонницу как рукой сняло, — улыбаясь, прошептал сенатор, не открывая глаз. — Спокойной ночи.

_____

Один из салонов связи в центральной части города.

Несмотря на ночное время, над входной дверью звякает колокольчик. Дежурный сотрудник нехотя отрывает глаза от экрана, на котором смотрит очередную серию популярного сериала.

— Добрый день. Чем могу помочь? — он дежурно улыбается парню в стандартной форме корпуса, без знаков различия.

— Мне прошлый раз ваш коллега оказывал специальную услугу, связь с удалённым абонентом, — учащийся как будто привычным жестом опирается о стойку. — Имею вопрос в этой связи…

— Что за сотрудник? — взгляд дежурного за стойкой мгновенно становится колючим.

— Да я откуда знаю?! — Изумляется парень. — Он мне не представлялся! Могу дату назвать, и точное время визита. Но я по другому вопросу сегодня. Мне нужно связаться с тем, кто за меня вам тогда слово замолвил.

Далее вошедший заученным жестом толкает свой комм скользить по стойке:

— У меня только казённый. Прошлый раз предупреждали, что вы его вон туда запереть должны, — он абсолютно правильно указывает взглядом на один из непростых сейфов у стены. — И чуть не забыл, меня Спринтером зовут.

— А-а-а, — лицо сотрудника точки моментально разглаживается. — Тебе Кол, что ли, нужен?

— Боже упаси! — Парень делает один из ритуальных жестов рукой и поясняет. — Не мой уровень. Мне бы с Гутей законтачить; есть вариант?

— Сейчас сделаем, — уверенно кивает менеджер, направляясь с казённым коммом к тому самому сейфу. — Иди, куда обычно, — бросает он через плечо. — Как соединится, разговаривай.

_____

— Привет. Сколько лет, сколько зим, — Гутя разводит руками и, улыбаясь, изображает объятия. — Какими судьбами?

— Не поверишь. Занимаюсь научной работой, — его молодой собеседник улыбается в ответ. — Причём, в Корпусе. Готовлюсь сдавать общеобразовательный минимум там. С утра сто двадцать штук на ставке поднял, в ОЛИМПе. Чуть не швырнули, кстати…

…

— Озадачил. Знаешь, тот раз я хоть знал человека, к кому стучать. — Гутя задумчиво трёт небритый подбородок. — Вот оно и срослось. А сейчас даже не могу сообразить, куда дёрнуться. Так, чтоб круги по воде громче тебя не плескались. — Он выразительно смотрит на собеседника.

— То понятно. Я потому к тебе первому и пришёл.

— Ты не подумай, что я съезжаю! — спохватывается Гутя. — Если б сомневался, я б тебе в лоб сказал! Но тут надо расклады знать, чтоб ты всё сам понял. Слушай…

…

— … получается, у них всё устаревает быстрее, чем у вас завершается цикл оборота капитала? — переспрашивает парень через некоторое время. — И вам на том уровне нет смысла заводить контакты?

— Сечёшь, — весело улыбается немолодой человек на фоне тюремной камеры. — Там же ротация быстрее, чем грибы в лесу гниют. Тем более, у нас с ними какие дела? То Кола поляна. — Гутя выразительно смотрит на парня.

— Исключено — качает головой тот. — Ты представляешь, что будет, если…? Всё равно, что в колокол самому позвонить. Там, где я сейчас, говорят: из гаубицы по воробьям не пали.

— Согласен! Потому я бы на твоём месте ничего и не искал бы. И никого. А пошёл бы в лоб, своими ногами. — Уже без улыбки говорит мужчина. — Вызываешь старшего смены на вэцэ вниз. Бабло у тебя есть; возьми, кстати, налом.

— О, точно…

— А дальше в лоб говоришь, что надо: дело-то святое. Он, кстати, сам наверняка пробьёт твой случай перед тем, как тебе ответить. Кто там работал, ему точно не докладывают — таким не делятся же. А если там всё так, как ты говоришь, то он тебе, за твои же бабки, всё лично отдаст. В читабельном формате, хе-хе.

— Спасибо за наводку. Я б не додумался на вэцэ постучаться… — подросток как будто задумывается о чём-то своём.

— А у них служба кабинетная, — просвещает собеседника Гутя. — Живых денег практически не бывает, и они им всегда рады. Если что и проскакивает, то точно-такой же коп, только с «земли», максимум бутылку принесёт. А ты сам говоришь, ты сейчас при финансах. И у тебя ж о роже видно, что ты не подстава. И что всё так и есть, как ты говоришь. И кстати… я б на твоём месте сам сходу и про Квадрат, и про Корпус ему сказал.

— Зачем? — парень с недоумением выныривает из своих размышлений.

— А он всё равно увидит. И без твоего айди с тобой точно разговаривать не станет. — Углом рта улыбается мужчина. — А с твоей нетривиальной биографией, подстава точно исключена. Как говорится, дополнительная гарантия твоей добросовестности.

_____

Вычислительный центр департамента полиции.

Хлопает входная дверь. Парень в форме Корпуса, стоя на пороге, оглядывается по сторонам и уверенно обращается к дежурному у входа:

— Добрый вечер. Мне нужен старший дежурной сегодняшней смены.

— По какому поводу? Кто вы? — дежурный тянется к связному устройству.

— Соискатель Корпуса, кафедра прикладной методики. Ай ди

Корпуса… — дальше вошедший выдаёт сложное обозначение.

— У нас недействительно. — Качает головой поднявшийся со стула сержант. — У нас же нет доступа к федеральным базам. Цель визита?

— Согласование запроса на совместные тренировочные мероприятия, — казённым тоном чеканит поздний визитёр. Затем переходит на нормальные интонации. — Начальство планирует вам спустить официальный запрос на взаимодействие: доподготовка на каком-то вашем ландшафте, не знаю деталей. Наши старики сказали: если вам бумага придёт от нас формальная, то и ваш ответ нам будет таким же. А если не полениться зайти лично, и с вашими обсудить всё предварительно — ну-у, с теми, кто в теме по нашей теме… — парень достаёт из нагрудного кармана прозрачную упаковку больших сигар, явно колониального производства, и двигает её по столу в направлении дежурного, не говоря ни слова. — Мне кажется, спрашивать надо сразу вашего старшего: всё равно любое операционное взаимодействие упирается в эту должность.

— Логично. — Коротко кивает сержант.

Сигары тут же исчезают под столом.

— Спустись, к тебе вояки из Корпуса, — говорит дежурный в комм через пару секунд, после чего поднимает глаза на визитёра. — Ждите вон там, в углу, в секторе для переговоров.

Глава 12

Худощавый, среднего роста полицейский со знаками различия капитана спустился вниз по лестнице, игнорируя лифт. Дежурный у входа, подняв глаза ровно на мгновение, молча указал ему взглядом на огороженный стеклом сектор для неважных переговоров, ради которых посетителя не было смысла поднимать в помещения посерьёзнее.

Вообще-то, в этом же здании находилось ещё одно подразделение полиции. Но оно вывесок либо обозначений не имело вообще, и знали о нём даже не все сотрудники вычислительного центра.

Суля по тому, как поднялся с места парень-армеец, он с равным успехом мог наносить визит и туда.

— Приветствую. Я Алекс. — Протянул первым руку для рукопожатия визитёр. — Я тоже на капитанской должности в проекте, м-м-м, могу «на ты»?

— Я на подполковничьей должности, — зачем-то не удержался полицейский, пожимая руку. — Майк. Давай «на ты». А ты точно ко мне? — мужчина лет тридцати ещё раз оглядел с ног до головы армейского. — Ты, может, к… — Дальше он сделал паузу, потому что называть вслух любое из наименований совершенно секретного отдела было неправильно.

— Ты старший смены «математиков»? — уточнил Алекс; дождался ответного кивка и уверенно продолжил. — Ну тогда я к тебе.

— Внимательно слушаю. — Любопытства даже изображать не потребовалось.

— У меня личное дело, дежурному я сказал неправду. — Парень сел напротив Майка, за низкий стеклянный стол и откинулся назад, раскинув руки на спинке дивана. — Отблагодарю, как скажешь: хоть на счёт, хоть наличными. Тебя ни к чему не обязывает. Но вначале задам вопросы. — В этом месте армейский извлёк из нагрудного кармана банкноту в пятьсот монет и положил её на стол.

Банкнота тут же исчезла.

Полицейский, ничуть не смущаясь, пояснил, убирая деньги в карман:

— Нам дэвэбэ можно не бояться. Излагай своё дело.

Капитан не стал рассказывать, что, согласно недавним внутренним и неафишируемым инструкциям, дающий взятку по собственной инициативе наказывался ровно в такой же степени,

как и получающий её.

Это была новая и исключительно полицейская тема, согласованная на уровне муниципального спецсуда. Сам капитан считал, это придумали специально для того, чтоб такой вот инициативник по доброй воле отказался от обвинения в будущем. Случись вдруг что.

Ну и, сам департамент внутренней безопасности с начальниками дежурных смен вэцэ старался лишний раз не ссориться: слишком многое от последних зависело в результативности первых.

— У меня мать погибла. — Помолчав, начал короткую историю армейский. — Примерно три месяца назад. Я в этот момент в больнице валялся, потом в тюрьме два месяца сидел. Разбираться по горячим следам не было физической возможности.

— За что сидел?! — широко разинул глаза полицейский, невежливо перебивая пацана. — Ты вообще кто?!

— Армейский айди… корпус, соискатель… — Парень быстро нащёлкал сложный пароль на экране казённого комма и протянул его «математику». — Заходи, проверяй.

— Нестандартно, — коротко подвёл итог коп через три минуты, со всем тщанием профессионального специалиста проверив каждое слово своего собеседника. До последние нитки. — Но карьера твоя впечатляет, гхм, коллега. — В этом месте он позволил себе чуть расслабиться и улыбнуться уголком рта.

— Планирую двигаться и дальше по этой линии, — Алекс хлопнул себя по нарукавному шеврону Корпуса. — Скоро вероятен переезд в другое место, очень далеко отсюда. И очень скоро. Хотел бы посмотреть на последние минуты матери. У вас записи с уличных камер хранятся два года же?

— А четыре не хочешь? — сварливо отозвался Майк, запуская руку в нагрудный карман и выуживая собственный комм. — Какой, говоришь, номер уличной камеры?..

— Понятия не имею. — Удивлённо отозвался армейский. — Адрес могу назвать.

— Точно, ты ж не наш… — покивал сам себе коп, заходя в нужную директорию. — Вообще не секрет. Щ-щас-с…

Просьба была вообще смешной и, по большому счёту, абсолютно легальной.

На самом деле, пацан имел все права, чтоб обратиться бесплатно и официально. Для этого он должен был оформить специальный запрос заявлением (можно удалённо и по электронке — особенно в качестве военнослужащего). Затем ему

надо было дождаться проведения запроса через электронную же канцелярию полицейского департамента и, в течение тридцати суток после этого, получить нужный файл на свой казённый комм.

Другое дело, что действовала эта процедура исключительно внутри муниципалитета. И если этот начинающий вояка действительно собирается двинуть куда-то в другую агломерацию (или паче того — в колонии; а что, в армии не редкость) — то файл его так и будет ждать тут, на полицейском сервере. Не выходя за пределы муниципалитета.

Закон есть закон и правила есть правила.

В течение нескольких минут определив локацию места, хранилище файла и кое-что ещё, Майк запустил свой комм скользить в направлении армейского через стол:

— Извини. Переслать или сохранить не могу дать, для этого надо только запрос оформлять. Но смотреть можешь, сколько угодно. Тебе же только увидеть, ты говорил?

— Да, этого хватит, — машинально кивнул пацан, впиваясь глазами в экран.

Майк, исключительно из человеколюбия, задал максимальное разрешение и оставил возможность обратной перемотки плюс выборочной фокусировки. Нестарую и, кажется, довольно симпатичную женщину сбил какой-то грузовик, словно поджидавший, пока она двинется через дорогу.

Видимо, пьяный водитель или под наркотой. Увы, не повезло пацану.

Кое-каких дополнительных деталей в коротком видео капитан-«математик», не будучи профессиональным дознавателем, попросту не заметил (точнее, не смог дать им верную оценку, не обратив на них внимания).

С файлом начинающий вояка игрался минуты полторы, перематывая его обратно и включая различные замедленные режимы фокусировки.

— Благодарю, — вежливо и глухо подвёл он итог, возвращая гаджет таким же скольжением по столу. — Спасибо за время, извинения за беспокойство.

Вслед за первой банкнотой, им через стол была запущена ещё одна. Такого же достоинства.

— Да ну, неудобно как-то, — искренне заколебался Майк.

Ему и правда было неудобно. Хоть и не свой, хоть и армейский — но парень был не совсем с улицы. Просил о сущей мелочи, не стоящей выеденного яйца. Более того — о мелочи, которая ему и так полагалась бы по закону, пусть и не сразу.

С другой стороны, тысяча монет, да за десять минут в

«стекляшке», на дороге не валяется; особенно когда для неё абсолютно ничего нарушать не надо. Как говорится, всё стопроцентно в рамках действующего законодательства.

Побольше бы таких армейских. С финансами, и без претензий.

С другой стороны, а ч-ч-чёрт их знает, этих федералов: вдруг у них там капитанские оклады на порядок больше? Да и тратить, возможно, деньги пацану после отъезда будет негде, в каких-нибудь тьмутараканях? Тем более, он молодой, ещё заработает.

_____

Капитан, поднимаясь по лестнице, весело насвистывал мажорную мелодию. Был он двадцати девяти лет от роду, не женат, здоров и позитивен.

Куда девать незапланированный доход, молодому мужику думать не надо.

Не знал он только одного: файл, который он показал сегодняшнему посетителю из Корпуса, находился на хранении в не совсем обычной директории. Она и создавалась одним достаточно высоким приоритетом не просто так.

Сотрудники иного подразделения хранили кое-какие массивы информации так, чтоб быстро (в случае нужды) определять всех тех, кого заинтересуют давно закрытые материалы. Вдобавок, сданные в архив по одной очень интересной процедуре.

_____

По вине кретина-водилы Жойс не только приобрела несколько часов незапланированного геморроя. Она из-за него ещё и расколола свой комм, далеко не самой старой модели и не самой демократичной цены: идиот, размахивая руками и бумагами в них, подбил её под локоть.

И недавняя покупка, сделанная самой себе в подарок, весело зазвенела осколками по бетонированному полу ангара.

— Ну и дебил же ты, блядь. — Философски вздохнула Жойс, выхватывая у идиота из рук бумаги, пока он чего другого не учудил. — Иди нахер за ворота! — она позволила толике чувств высвободиться из мятущейся души. — Для сверки ты мне тут не нужен! Как закончу, свистну. Мотай давай отсюда, от греха подальше.

— Я оплачу! Сколько он стоит?! — водитель, тоже сержант, но с чуть иными эмблемами, тут же с готовностью полез в карман за платёжными средствами (комм либо бумажник).

Но был мгновенно остановлен высокой, темнокожей и темноволосой девушкой:

— Отставить. У тебя денег не хватит. Ладно, меньше надо было пить, видимо… Делай, как сказано! — поморщилась, как от зубной боли, великодушная кафузу, отвешивая виновнику двух инцидентов лёгкий пинок коленом сзади, в не особо приличное место.

С опозданием, водитель опознал в разбившемся девайсе одну из моделей премиального бренда, начинающегося на букву «В» и выполняющего корпуса коммов, если не изменяет память, из драгоценных металлов.

С облегчением выскакивая за ворота ангара, парень подумал: если бы поджопник ему отвесил мужик, он бы это воспринял совсем иначе. И последствия для обоих могли быть иными.

А от такой девчонки, блин, как будто и не обидно, удивился выводам самоанализа сержант-автомобилист.

Уже со своего комма, ожидая результатов сверки, он из любопытства поинтересовался стоимостью утраченного длинноногой логисткой аппарата.

Сумма впечатляла. Потому что была пятизначной. Потому испугался он уже задним числом.

На удивление, никаких санкций в его адрес не последовало ни за утраченный груз, ни за разбитый комм этой мулатки (или кто она там, если её расу называть академически правильно). Девчонка, подмахнув акты, долго оформляла их в электронном виде уже на его комме, саркастически косясь время от времени в его сторону.

Он, кстати, заикнулся о встрече и об обмене контактами, но она красноречиво позвенела левым нагрудным карманом:

— Остатки связного девайса. Спасибо тебе. — Съехидничала мулатка. — Номер на этой модели привязывается к комму. Какой будет новый, не знаю. Да и парень у меня есть; так что, пролетаешь.

Водитель сейчас и сам был не рад своему длинному языку и чрезмерной смелости, поскольку отдавать несколькомесячный оклад в компенсацию за разбитый коммуникатор очень не хотелось. А если встречаться, то как-то компенсировать, по логике, надо.

_____

Заскочив на обратном пути в Корпус в соответствующий круглосуточный салон, Жойс вышла из него через полчаса, с новым коммом вместо старого, уплатив лишь половину стоимости (производитель имел досье на каждого клиента, в прямом смысле. Вникнув в обстоятельства и приняв лом в качестве доказательства, менеджер поулыбался и оформил

максимальную скидку на вторую модель, покупаемую в течение одного месяца).

Оказалось, даже номер можно оставить старый. Только вот подключится он в течение часа или двух: прохождение каких-то там документов между континентами занимает солидный отрезок времени. Контакты, кстати, как и прочая информация, загрузятся вместе с номером.

«Как звякнет уведомление — можете использовать, как предыдущий. Никакой разницы не будет», — пообещал менеджер салона, призывно и предсказуемо таращась в разрез форменной рубашки Жойс (которую она предусмотрительно расстегнула сразу на три пуговицы).

Сумма, которую она только что выложила незапланированно, могла удивить кого угодно из так называемого среднего класса. Но сама она не сильно переживала: если судьба к тебе великодушна, грех не использовать все её подарки по полной.

Вызвав из медсектора Камилу прямо на КПП, Жойс вместе с подругой прошла на территорию Корпуса; после чего, прихватив Карвальо под руку, поволокла её к Алексу:

— Он обещал чай с булочками. Пойдём, посидим в тишине?! — попутно, сержант похлопала себя по плоской металлической фляге в кармане. — Литр.

— Ладно. В медблоке пусто, если что — я тут, на территории. — Не долго колебалась капитан, говоря последние слова самой себе.

Когда они вошли к Алексу, то застали его в крайне угрюмом и молчаливом состоянии.

Зная парня уже неплохо, подруги переглянулись и толкнули его на кровать.

— Рассказывай, — забросила ему руку на плечо Жойс, усаживаясь рядом справа.

— И подробнее. — Потребовала Камила, присоединяясь с левой стороны. — Тут все свои. Может, чего и присоветуем. Либо вообще поможем…

— Смотрите. — Алекс отстранённо пощёлкал виртуальной клавиатурой, выводя изображение с личного комма на большой настенный монитор. — На маленьком экране плохо видно будет. — Пояснил он. — А тут сразу всё понятно даже вам.

— Свои «даже» прибереги для кого другого. — Уже серьёзно ответила Камила через пятнадцать секунд видеоролика, на котором грузовик сбивал женщину на одной из нижних улиц. — Мать?

Алекс коротко кивнул.

— Где взял ролик? — продолжила задавать вопросы капитан,

уже чуть иным тоном.

— Эй, Карвальо, слезь с трибуны, — поморщилась Жойс, напоминая подруге о неформальном характере посиделок.

— Идиотка… — выругалась Камила. — Я его заякорить пыталась интонациями! Чтоб спрофилактировать и мобилизовать. Твою ж черножопую мать!..

— На мне не действует, — вздохнул Алекс. — Но за попытку спасибо. Теперь комментируйте.

— Без проблем, но вначале скажи, где взял ролик, — напомнила врач, отбирая клавиатуру и разворачивая картинку с разных сторон в динамике (армейская техника позволяла и не такое).

— Сходил на вэцэ в полицию, — уже более спокойно ответил Алекс. — Там попросил вниз старшего дежурной смены. Дал штуку, он мне взамен — этот ролик.

— Скачать не мог дать, — вежливо проявила осведомлённость Карвальо. — Или он твоей штукой соблазнился?

— Нет, ты права. На месте давал только посмотреть. Но у меня же чип, — парень похлопал сам себя по затылку. — Я у него этот файл в полицейском комме пять минут колупал, с разных ракурсов, камер и фокусов. Из чипа потом тут на свой комм перегнал. Камила, не тяни резину. Говори уже.

— Ты же и сам всё видишь. — Вздохнула врач, обнимая Алекса со своей стороны, поверх руки подруги. — Машина сбила уже падающее мёртвое тело.

— Эй, вы чего?! Как это вы поняли?! — подпрыгнула на своём месте Жойс.

— У меня имплантат в глазу, — пожала плечами подруга. — Инструментария для микрохирургии в полевых условиях чаще нет, чем он есть. Поставила одно из расширений ещё на пятом курсе; за счёт государства его тогда всем ставили, кто в действующие части потом шёл.

— А у меня ханьская медицина в искре, — проворчал Алекс, прижимаясь к Жойс боком. — Плюс чип. Это в сумме даже лучше, чем у Камилы: чип, за счёт вычислительных ресурсов, позволяет смоделировать механику ситуации на девяносто девять и девять в периоде достоверности. Там, где Камила только догадывается, у меня трассировка и баллистика на виртуальном макете подсвечены.

— Так почему падающее тело-то?! — не успокаивалась Жойс, отобрав у Алекса комм и вращая место происшествия по часовой стрелке. — Хотя да, похоже на удар какой-то странный…

— В неё выстрелили. И синхронно с этим наехал грузовик. — Хмуро пояснила Камила, размышляя, стоит ли так в лоб рубить

при Алексе.

— Разнос чуть менее секунды. — Подтвердил парень. — Странная согласованность. Не вижу логики. Ей чего-то одного за глаза было — или грузовик, или стрелять. Но зачем сразу и то, и другое…

— Присоединяюсь. Ровно те же мысли. — Коротко уронила врач.

— Так, момент. — Жойс деловито извлекла флягу, свинтила колпачок и, набулькав половину, насильно влила в рот Алексу. — Камила! — подруге она протянула саму флягу.

Выпив третей, и последней, Жойс продолжила:

— Есть одно объяснение. Но я пока не знаю, как проверить.

— Какое? — Алекс чуть оживился (видимо, в том числе, после выпитого).

— Страховались. Заказ, для надёжности, сделан сразу двум исполнителям. — Пояснила Жойс, переводя взгляд с Алекса на Камилу. — Форма отчёта исполнителя — фото-видео-отчёт. Такое практикуется, если при заказе внешним деятелям… чтоб вообще не пересекаться… Тот, кто стрелял, знал, что он не один. Увидев грузовик, поторопился отработать первым. А второй придурок просто нажал на газ, увидев, что тело падает.

— Откуда ты в этом так ориентируешься?! — быстро вычленила главное в услышанном Камила, удивлённо глядя на подругу.

— Дура, что ли?! А кем я работаю?! — возмутилась глупости вопроса Жойс. — Скажем, ситуация крайне стандартная. Для определённого круга людей … Другое дело, чем и кому могла помешать твоя мать?! — она упёрлась лбом в лоб Алекса и прижала его за шею к себе ещё крепче.

Глава 13

На каком-то этапе моих размышлений у себя, дверь в номер открывается. На пороге появляются Жойс с Камилой.

Я их засёк ещё когда они поднимались по лестнице — разговаривают они совсем не тихо, а слышимость тут хорошая.

Доступ Камилы сюда по её биометрии настроен уже давно, потому в двери они не стучат.

Видимо, они что-то такое чувствуют насчёт меня, поскольку буквально в следующий момент обступают с двух сторон, усаживают на кровать и выпытывают детали происшедшего.

Взвесив за и против, делюсь практически всем, без купюр.

У Камилы в глазу оказывается имплантат, потому она врубается в тонкости трофейного видео сразу. А после того, как мы с ней объясняем малозаметные детали Жойс, уже наша Жойс развивает бурную деятельность.

— … кому могла помешать твоя мать?! — задумчиво говорит она, соприкасаясь со мной головами.

— Если бы я знал. — Вздыхаю. — Ни малейшей идеи. Поначалу была банальная мысль: кому это выгодно в первую очередь? Из материальных потерь, в итоге утрачена только квартира. Мои моральные потери — ну-у, я не думаю, что кто-то на этом может нажиться. Кстати, Хаас говорит, что даже по апартаментам всё далеко не бесспорно: вполне можно попытаться квартиру вернуть. А кроме жилья, у нас и не было ничего больше… Но такой сложный двойной замес, — киваю на настенный большой экран с застывшей картинкой, — как-то не вписывается в простую схему отжимаемого жилья. Наезд машной — тут да; дёшево, сердито и понятно. Но вот этот выстрел; ещё и почти синхронно, в тот же момент, что и наезд… моя фантазия тут просто буксует. Зачем?

— Ладно. Давайте зайдём с другой стороны. — Что-то прикидывает про себя Жойс и тянется за коммом.

Ещё половину минуты она пытается устроиться поудобнее, пересев на стул с роликами и катаясь на нём по всей комнате.

— Ищет ракурс, — поясняет мне Камила. — Чтоб выглядело, как будто она где-то на службе. Смотрит, что в интерьере попадает в фокус и с какого места.

В итоге, Жойс останавливается только на балконе. Там, помимо прочего, в кадре мерцают огоньки полигонов и вовсю идут круглосуточные занятия и тренировки. Сразу понятно, где находится звонящий.

Несмотря на достаточно позднее время, вызываемый абонент сразу отвечает ей:

— Круглосуточный сервисный центр. — Он смотрит на Жойс так, как будто мечтал её увидеть всю свою жизнь.

— Сержант Кайшета, министерство обороны. Ты кто? А где Томас? Разве сегодня не его смена? — Жойс даже не даёт ему вставить слова между своими вопросами.

— А у нас чередуются смены, — удивляется парень в ответ. — Я Ник, Томас будет завтра с утра. Чем могу вам помочь?

— У нас один дебил на вашем грузовике въехал в такой же. Вина, скорее всего, наша. Но я лично хочу убедиться, что машины не относятся к партиям, которые вы отзывали с рынка из-за заводского брака… — Жойс явно выдумывает легенду на ходу; но со стороны, если её не знать близко, всё звучит убедительно.

Когда её собеседник через пару минут начинает отвечать на вопросы по партиям машин, до меня с запозданием доходит: Жойс ничего не выдумала. Происшествие же и правда имело место, я просто не знал всех деталей.

Итогом их пятнадцатиминутного общения становится полное взаимопонимание между министерством обороны и сервисным центром, в лице сержанта Кайшета и того парня. Именно на пике обмена данными моя подруга и задаёт между делом главный, как мне кажется, вопрос:

— Ник, а машина номер шестнадцать — семьсот сорок три к вам в сервис в том квартале не обращалась? Это, правда, уже личное. Если вдруг тебе нельзя, можешь не рассказывать. — Жойс проникновенно смотрит на парня.

Который тут же возбуждается и начинает отвечать:

— Вообще-то, это не ваша техника, в смысле не армейская, но…

Результатом ещё десяти минут разговора становится игнорирование парнем правил своей компании и использование им же служебного положения.

— Вот и чудно, — бормочет Жойс, распаковывая через пять минут на своём навороченном комме только что полученный файл. — Тут все машины этой марки, которые попадали в какие-либо происшествия и обращались к ним в сервис за год. Девяносто процентов: машина с регистрацией этого муниципалитета и на экспертизе в рамках полицейского дела будет в этом же сервисе. Узнаем компанию — попробуем размотать ниточку дальше.

— Я и не знал, что можно без коповской базы данных обойтись, — придвигаюсь поближе к подруге и скачиваю копию файла уже с её комма на свой. — Давай искать в параллель?

Думаю, я быстрее найду нужную машину…

К сожалению, присланный парнем файл имеет не текстовый формат, а вид картинки. Он просто листал базу и, скриня экран, отправлял всё подряд Жойс.

Потому какое-то время у меня уходит на то, чтоб через чип перегнать картинку в цифры (после чего можно включать уже поиск и сортировку).

— Она тебя научит плохому, — неодобрительно замечает Камила, подходя к Жойс и отбирая у той её неразлучную флягу с алкоголем.

Ещё какое-то время мы с Жойс сидим, уткнувшись в коммы, каждый по своему алгоритму разыскивая в списках нужный грузовик.

Который первой (по номеру!) обнаруживю не я:

— Вот она! Первая Транспортная Компания, так прямо и называется! — моя подруга отчёркивает на экране ногтем нужную строку.

— А я думал, я первым найду, потому что быстрее тебя читаю, — удивляюсь абсолютно искренне.

— Опыт. Всем рулит опыт, — смеётся Жойс, заваливаясь спиной на кровать. — С утра, если хочешь, можно будет пошевелить эту компанию: я не думаю, что грузовик угоняли с улицы. Наверняка есть варианты, что кто-то что-то знает. Другое дело, как сделать, чтоб круги по воде не пошли. — Она серьёзно смотрит на меня, ожидая ответа. — Я подумаю, как там концы отыскать, кого расспрашивать.

В этот момент Камила, выпив уже добрый стакан чего-то крепкого из запасов Жойс, сворачивает своими мыслями в крайне необычную для неё сторону (кажется, неожиданно даже для себя самой):

— А я бы тело хотела осмотреть.

— Зачем? — неподдельно удивляемся мы в один голос. — Что ты на нём обнаружить планируешь? — продолжает изумляться Жойс.

— Порядок такой. — Уклончиво отвечает наша докторесса. — Я сейчас не могу всего придумать и предусмотреть, что там можно обнаружить. Всплыть может всякое — смотреть надо. По мне, самое первое — это вообще поглядеть, было ли штатное исследование по факту. Или…

Видимо, градус опьянения и сумасшествия в нашей компании уже достиг определённого уровня. Потому что ещё через четверть часа мы сидим в машине Камилы и, невзирая на выпитое, едем в сторону шестого муниципального кладбища.

_____

Вызов с шестого муниципального кладбища застал экипаж возле пиццерии, торговавшей на вынос. Участок был на их маршруте, потому Макс тяжело вздохнул и положил руки на руль.

К счастью, девчонка-разносчица уже совала им в окно три запечатанных пакета с ужином.

— Ну, поехали, посмотрим, что у них там приключилось, — скомандовал Макс сам себе, трогаясь с места.

За последние три месяца его карьера претерпела значительные изменения. После того, как он за собственные деньги прикрыл съехавшего с катушек Гилла в суде, его перевели из пеших патрулей в чуть другое подразделение. Пыль на своих двоих теперь глотать было ненужно, а оклад приятно повысился. Опять же, в местах, где катаешься на казённой машине, редко встретишь реальную опасность — специфика именно этого города.

Видимо, начальство оценило его персональную надёжность и неболтливость. Гилл, кстати, будучи уволен с неплохой пенсией по состоянию здоровья, тоже регулярно заходил поболтать за жизнь, а то и просто покататься вместе. Макс не возражал.

Вот и сейчас, Гилл сидел на заднем сидении, рассказывая очередной сериал, на который у него теперь было время.

Въездные ворота кладбища автоматически среагировали на полицейскую машину и открылись, освобождая проезд.

— Совсем другое дело, — весело подал голос сзади бывший напарник.

Вообще-то, присутствие постороннего в патрульной машине на маршруте являлось нарушением, но из каждого правила были свои исключения. Кстати, медицина-таки прописала товарищу каких-то пилюль, сказав, что он вовремя к ним попал (дескать, могло стать ещё хуже).

Дорога, попетляв между рядами захоронений, упёрлась в административное здание, около которого уже ждал тот самый поднявший тревогу служащий:

— Вон там, видите, свет?!

От забора, на самом краю кладбища, действительно звучали невнятные голоса.

— Кто такие? Что там происходит? — для проформы спросил Макс местного, выбираясь из машины.

Его текущий напарник, молчавший весь вечер, осветил фонариком нужную дорожку. Гилл хлопнул задней дверью, присоединяясь к процессии.

— Ты только не лезь никуда, бога ради, — хохотнул Макс, напоминая старому товарищу о его изменившемся статусе.

Гилл, положив на плечо запасную резиновую палку, в

гражданской одежде вид имел смешной и местами воинственный.

— Если что, я искрой оглушу; и только потом буду разбираться, — пояснил Макс нахмурившемуся бывшему напарнику. — Плюс вон Джон вполне в состоянии помочь. Не лезь, пожалуйста, никуда.

Пояснять Гиллу всех деталей нового участка он не стал, ибо было просто лень.

Ничего серьёзного тут по определению быть не могло. Вообще, по-хорошему, можно было даже не ехать, если бы не одно но: на некоторых могилах памятники и конструкции были такой цены, что за их порчу муниципалитет в жизни бы не расплатился с рядом семей. Уже не говоря о моральном ущербе исключительно полицейских, которых бы не пнул только ленивый.

— Приехали, выгрузились, копать начали. — Добросовестно доложил служитель. — В формах армии. Я с вами пройдусь?

— Да сиди тут лучше, — подумав, распорядился Макс. — Вон, за машиной глянь: это важнее. Там мы и сами управимся.

_____

Подойдя поближе к стандартным универсальным фонарям, светившим прямо вглаза и висевшим на заборе, Макс подумал, что ехал сюда зря: никаким вандализмом и не пахло.

Рядом со свежеразрытой могилой (аккуратно разрытой, кстати) стояла в форме армейская капитан медицинской службы и подсвечивала третьим фонарём вниз, прямо в яму.

Два других фонаря, с разных сторон, светили туда же с забора, на котором были закреплены штатными липучками.

В яме копошились ещё две спины, тоже обтянутые армейскими формами. На одной (той, что повыше ростом) время от времени мелькали сержантские полоски.

— О, а что армия тут потеряла? — подал сзади голос Гилл, видимо, забыв команду Макса не высовываться.

— Не твоё собачье дело. — Раздался голос из ямы.

Макс с удивлением понял, что сержантская форма принадлежит рослой темнокожей девице вполне себе нормального (молодого) возраста и более чем интересных кондиций.

— Вы поболтать? Или официально? — холодно осведомилась капитан, разворачивая фонарь в руках и слепя подошедших полицейских (одного из них, правда, бывшего). — Если первое — пошли отсюда нахер. Бегом. Если второе — быстро предъявили мандат по форме. И тоже пошли нахер. Бегом.

Дальше она добавила что-то ещё, но уже не на Всеобщем.

А ровно через секунду после этого Макс пожалел, что взял с собой Гилла.

— Документы предъяви, дура! — закусив добела губу, вылез зачем-то тот, абсолютно позабыв о своём текущем статусе.

— СТОП. — Скомандовал Макс, обращаясь прежде всего к другу-пенсионеру. — Вопросов не имеем! Армия роет — армии надо. Извините за беспокойство!

Он, в принципе, уже прокрутил в голове пару вариантов. Криминалом тут явно не пахло; само вскрытие могилы не запрещено, особенно если среди троих есть родственники покойника.

Резоны у армии тоже могут быть свои.

Ну и, на закуску: сделать что-либо армейским, включая даже просто проверку документов, муниципальные полицейские не могли — иная юрисдикция.

Самое оно сейчас — это просто сделать фото и видео, которые отправить отчётом в режиме реального времени. Вызов при этом автоматически отмечался, как отработанный. А там хоть и не рассветай — экипаж своё дело сделал. В земле роется армия, это уже не прлицейская головная боль.

По инструкции, кстати, для любого аналогичного взаимодействия вообще полагалось вызывать армейскую полицию. Особенно с учётом присутствия на месте армейского же офицера (коим являлась эта высокая фигуристая врач).

Если действовать по правилам, геморрой по одной только проверке документов грозил затянуться дольше, чем им оставалось до конца смены.

Новый напарник красноречиво покачал головой и пожал плечами, выражением лица показывая, что он думает о Гилле и о Максе, разрешившем присутствие того в машине.

Гилл, отреагировав на команду Макса, застыл на полпути к капитанше, озадаченно оглядываясь.

***— Aqueles malandros. Fiquei prezo por culpa deles. —** Раздалось из ямы. (Те самые мудаки. Из-за них в тюрьму попал). — Привет, козлы, — выдал тот же голос уже на Всеобщем. — Как тесен мир!*

Третьим армейцем оказался какой-то парень, выпорхнувший из ямы и без разговоров зарядивший черенком от лопаты по голове Гилла.

Товарищ рухнул, как подкошенный.

Новый напарник Макса удивлённо раскрыл глаза и принялся судорожно лапать клапан кобуры.

— Блядь, второй раз подряд из-за этого пидараса, — проворчал в сердцах Макс по поводу Гилла, силясь понять, что же вывело из себя третьего вояку в форме Корпуса.

Или пересекались где-то раньше?

Единственный армеец-мужчина, видимо, последние слова принял на свой счёт, поскольку в следующий момент направился уже к Максу:

— За помелом надо следить. Зря сказал.

Лицо адепта Корпуса было как будто смутно знакомым, плюс выражение глаз не оставляло сомнений в намерениях. Макс, без разговоров, активировал искру и долбанул широким веером.

Моментально рухнула докторесса, которую зацепило краем. Пацан же, ускорившись, подлетел вплотную и коротко влепил Максу вначале по корпусу, затем локтем в лоб. Вспыхнувшие перед глазами искры были последним, что увидел патрульный перед тем, как потерять сознание.

— Руки за голову! — подал голос второй полицейский, который остался на ногах и успел наконец справиться со злосчастным клапаном.

— А хуй тебе в сраку не вставить? Чтоб голова не качалась? — темнокожая сержант, плавно выскользнув из ямы с другой стороны, уже держала ствол «Вебли-мини» в метре от головы полицейского.

— Мужик, охолонись, — подал голос пацан-армеец, оттаскивая Макса от ямы. — У меня были проблемы с этими двумя, не с тобой. Хочешь — вообще забирай их и мотай нахрен.

Третий патрульный не обладал опытом и кругозором Макса, но являлся ярым сторонником неприкосновенности полицейских. Хлопая по кнопке вызова подмоги, он проорал (в том числе, для работавшего с самого начала аудио-видео фиксатора, транслировавшего поисходящее в единый управляющий центр):

— Нападение на полицейских при исполнении! Срочно нужна поддержка! — Мазнув взглядом по красному индикатору, свидетельствовавшему о прошедшем вызовуе, он моментально расслабился и осклабился. — А теперь посмотрим, чья возьмёт. И о юрисдикции подискутируем в другом месте.

Даже если эти две тёлки и пацан его сейчас похоронят, с кладбища им уже не вырваться. Юрисдикция юрисдикцией, но служба в полиции имеет и свои плюс. Помимо прочего — круговая порука.

А законы для того и служат, чтоб их нарушать.

А что делать с красивыми бабами, полиции объяснять не надо. Даже если эти бабы, по недоразумению, одеты в форму. Кстати, на запрос помощи должен подъехать полувзвод из совсем другого подразделения. Те на многое чихают, включая законы.

Глава 14

— Вот сейчас тебе первой и прилетит на орехи, — пообещал Джон, многозначительно косясь на девку-сержанта.

Та в ответ только хмыкнула и что-то ответила на языке, которого он не знал.

— Говори по-человечески, — пренебрежительно бросил патрульный, делая хорошую мину при плохой игре.

Вообще-то, положение было патовым. С одной стороны, он гарантированно успевал положить кого-то одного из вояк. Если начать стрелять.

Но это если действовать серьёзно, на поражение. Чего не хочется. Потому что приговор муниципального суда, каким бы он ни был, будет федералами обжалован автоматически.

Аксиома — это утверждение, не нуждающееся в доказательствах.

А обжаловано решение любого местного суда будет по этому самому двойному стандарту: «ввиду явного конфликта интересов. Поскольку подсудимый не имеет права судить самого себя».

Федералы тупо воспользуются… — надцатой поправкой к конституции: муниципальную полицию будут рассматривать в одном флаконе с муниципальным судом, как единый орган местного самоуправления.

В общем, «своё» судейство от рассмотрения дела будет отстранено уже на втором заседании, к бабке не ходи. А само дело молнией перекочует в суд высшей инстанции.

Блядь, можно подумать, у федерального суда не будет этого самого конфликта интересов! Так точно, как муниципальный суд будет выгораживать муниципального же полицейского, федеральный суд, не разбираясь, правыми сделает вояк! Особенно с учётом офицерши, неизвестно насколько серьёзно шарахнутой искрой Макса.

Это тоже, если что, тот самый конфликт интересов! Но на более высоком уровне, с-сука… пойди что докажи потом…

Пацан вообще может сказать, что испугался! Гилл — вообще не в форме и не коп! В случае разбирательства, это полноценная статья и Максу, и самому Джону. И статья нехорошая, поскольку сугубо гражданские люди, действующие совместно с полицейским патрулём и пытающиеся в глазах обывателей сойти за полицейских, департаментом внутренней безопасности квалифицируются однозначно.

И вместе с этим самым патрулём обычно закрываются о-о-о-

очень надолго. Понятно, почему: времена, когда рэкет работал в спайке с полицией, давно прошли. И никто не хочет, чтоб они вернулись обратно.

Блядь. И ведь никому не объяснишь, что Гилл — бывший свой. И что Макс, по неизбывной тупости своей (которую он считает сочувствием), добровольно и регулярно пускал гражданского уже пенсионера, с-сука, в свой экипаж без злого умысла!

Тут уже даже свои муниципалы, на первом же суде, «нарисуют» серию — серийное уголовное преступление по одному и тому же шаблону. Доказательств — хоть отбавляй.

Самому себе можно признаться: Джон погорячился дважды. Первый раз — доставая ствол, хотя это и был чистый рефлекс. Второй раз произошёл уже в горячке, когда он вызвал подмогу.

Сейчас, прокручивая в голове события последней минуты, он склонялся к мысли: вояки действительно имели ввиду только мордобой. Причём, если верить пацану, мордобой лишь со «сладкой парочкой» (как окрестил про себя младший коп ветеранов патруля; одного — на пенсии, и ещё одного — с собой в паре).

А на его рефлекс и ствол в руке, у сержантши сработали уже свои рефлексы.

_____

Каждый коп, который хоть сколько-то поработал на улице, знает: глаза человека, которому приходилось убивать лично, очень отличаются от глаз того, кто этого никогда не делал. Ну, может, не сами глаза, а скорее взгляд.

У тех, кто за спиной имеет собственноручно исполненных жмуров, этот самый взгляд в корне иной. Словами не опишешь, но он как будто с нотой тоски, которую ничем не вымоешь.

Слова не передают реальности, но факт есть факт: и девка-сержант, и пацан смотрели на Джона сейчас именно такими глазами.

И синхронно расходились в разные стороны, гарантируя: хоть один из них, но патрульного в любом случае достанет, начни коп сейчас стрелять.

А двигались они на загляденье, чёрт бы их побрал. Их бы на ежегодную аттестацию по физической форме и функциональной подготовке! Наверняка и пробегут, и подтянутся, и отожмутся по верхнему нормативу… с-суки.

— А с чего ты взял, что это я тебе? — сержант явно насмехалась сейчас, отвечая на последний пассаж Джона.

— Блядь! — не сдержался Джон и затрепыхался между выбором линии прицеливания, как рыбка на блесне спиннинга.

Она ж пацану что-то скомандовала! Вот чего они в разные

стороны пошли!

— Да какого чёрта, — вдруг буднично пробормотала черномазая, как будто досадуя на что-то. — Времени нет, работы куча…

В следующий момент хлопнул её «Вебли-мини» и пистолет из руки Джона выбило, выворачивая кистевой сустав и отсушивая руку.

— СТОП! — прикрикнула сержант на пацана, почти одновременно с выстрелом.

Поскольку он рванул в сторону Джона, только глина из-под копыт брызнула.

— Я сама! Приводи Камилу вон в порядок, — распорядилась сержант и сноровисто сковала полицейских их же наручниками (и действующих, и бывших).

— Ничего. Сейчас спецы подъедут, будет вам в жопе маргарин, — пробормотал Джон, переворачиваясь на бок, чтоб скрыть слёзы.

Отбитая выстрелом по пистолету рука болела, как от вывиха или трещины в кости. Кончики пальцев, кстати, тоже не ощущались.

Пацан в этот же момент принялся что-то встревоженно говорить черномазой, попутно колдуя над сбитой с ног врачихой. Сержантша, послушав, явно что-то уточнила и полезла в карман.

Джон не сдержался и покосился на её комм, не веря глазам: какая-то цветная, ещё и из колоний, держала в руках настоящего «ВАРВАРА», как бы не из платины!

— И аппаратик твой к слову придётся, — ещё раз решил покуражиться полицейский. — Цена явно не на армейский сержантский оклад!

Убивать его никто не собирался, это было понятно. Даже здоровье пострадало не сильно, в принципе.

А судебного разбирательства им всем не миновать, это уже однозначно. И единственный рабочий вариант — это что свои спецы приедут и как-то впишутся. Каким-то образом…

Думать дальше в эту сторону Джон не хотел, поскольку вариант был только один. Хрестоматийный. Нет человека — нет проблемы.

А с другой стороны, даже хрестоматийный вариант сейчас не вариант, поскольку её ВАРВАР в течение минуты покажет и где она была; и, очень возможно, что вокруг происходило (наверняка у машины за более чем десять кусков есть какие-то дополнительные плюсы. В том числе, по безопасности владельца).

— Знал бы ты, что это второй аппарат только за сегодня, — сыронизировала черномазая. — Ты бы ещё больше завидовал

армейским окладам. Ладно, сами напросились… — В этом месте она снова бросила что-то пацану, всё на том же непонятном языке.

Тот, будто по команде, развернул докторшу лицом к камере, хлопая по щекам.

— Сержант Кайшета, Колониальный Корпус. Народ, нужна помощь. — Абсолютно спокойно заговорила сержант на Всеобщем, выводя на обозрение голограмму какого-то группового чата (с четырёхзначным числом участников — в этом месте Джон от удивления икнул. Полицейские чаты обычно ограничивались в лучшем случае двумя десятками народу, как правило, из одного подразделения).

Голограмма мгновенно взорвалась разноцветными всполохами запросов, которые Джон со своего места ни увидеть, ни услышать не мог.

— Нападение на армейского врача во время работы, — глухо продолжила бабища. — Пострадала капитан Карвальо, Камила Соарес. Она в кадре. Вот наша локация. Нападавшие одеты в форму муниципальной полиции и угрожают следующим…

Через половину минуты, когда черномазая окончила звать подмогу, Джон понял, что самого страшного ещё не случилось.

Всё будет гораздо хуже, если армейские успеют сюда раньше своих спецов.

Да даже если и позже… Он был не чистым копом по образованию, так как поначалу проучился пару курсов в армейском колледже. Его личного опыта и знаний хватало, чтоб понять, как в армии относятся к стрельбе по докторам. А хитрожопая черномазая специально говорила так, что все детали остались за кадром.

_____

— Ты был прав, — нейтрально говорит Жойс на Portuguese после того, как вызывает уже свою, армейскую, подмогу навстречу полицейской. — Надо было взять ещё людей сюда. Сейчас был бы ситуативный резерв.

— Я чуть другое имел ввиду, — возражаю. — Я планировал, что эти люди будут копать. А тут, похоже, воевать придётся.

— Не придётся, — легкомысленно отмахивается она. — А копать они были не нужны: мы с тобой вполне вдвоём справлялись. Поверь, я копала намного больше тебя и объём работ вполне представляю.

Она улыбается, подходит ко мне, присаживается рядом и приобнимает меня за плечо.

Я ей только что вкратце пояснил, что нравы нашей полиции и

судов радикально отличаются от того, к чему она привыкла в столице (или там ещё в каких местах). И лично я бы сейчас исходил из худших перспектив, какие только возможны: вызванная полицейским помощь, в лице его соратников, ничего хорошего для нас не несёт по определению.

Послушав меня, она, не вступая в дискуссии, моментально обратилась к своим в каком-то армейском канале. В итоге, произвольно образуется подобие рулетки: армейцев в округе больше, настроены они более чем решительно и вообще, за Камилу готовы рвать и метать. В том числе гранаты.

Но полиция получила вызов раньше. И едет сюда наверняка консолидировано, единым транспортом (от вояк вызвались помочь куча групп, но они знают только место назначения и едут разными маршрутами).

В общем, если наши будут раньше, бояться нечего. Там даже кто-то из офиса военного прокурора сюда несётся, с полномочиями немалыми.

Но если раньше прибудут копы…

Кстати, попутно оказалось, врач в армии — это одновременно и Дева Мария, и что-то ещё. Неприкосновенность, одним словом, даже если врач из чужой армии. Так как дарит надежду выжить там, где без доктора такой надежды нет.

Жойс, видимо, улавливает мой настрой, потому что торопится меня успокоить:

— Да не парься ты! Блин, по зубам ты этому, может, и зря двинул; но теперь уж дело точно сделано! — Она ещё и смеётся. — И нечего о нём жалеть!

— Если копы приедут раньше? — вежливо спускаю её с небес на землю. Потом вздыхаю и добавляю. — А начал я всю это бодягу зря, вы ж рядом были. Надо было или вас куда-то услать, или на руки себе сесть. Но оно как пелена перед глазами встала… — дальше просто не нахожу нужных слов.

Поскольку эмоции много ярче.

— Да и шут с ним, если копы раньше! — Неподдельно удивляется Жойс. — Подождут наших, значит! Не понимаешь?!

Отрицательно качаю головой.

— В заложники этих возьмём. — Она хлопает меня по лбу раскрытой ладонью и указывает взглядом на валяющуюся на грунте троицу. — Без разведки, даже самые специальные полицейские, особенно муниципальные, воевать сюда не полезут! Валить нас без разговоров тоже никто не будет, если я хоть чуть в жизни понимаю! А пока разговоры, то да сё, — она пренебрежительно фыркает. — Ну-у в крайнем случае, покажу тебе, как этими прикрываться. На десять минут хватит, не будет

же полиция своих валить… А там и наши подтянутся.

— А если полиция со штурмовыми щитами приедет? — размышляю вслух. — Я в Корпусе, на одном из полигонов, как-то видел такое. Там, правда, не копы, а наши что-то отрабатывали. Но я слышал инструктора: он орал, что наши должны и с полицейской снарягой уметь обращаться. А тот щит — он вот такой. — Показываю руками габариты. — Его только кто-то очень большой может нести, типа Тэда Энзи.

— Не знаю твоего Тэда, — повторно отмахивается Жойс. — Ну тогда хлопнем вон того, в штатском. Стрельну в живот, — теперь размышляет уже она. — Пукалка слабенькая, часа два он точно ещё после этого покорячится, — она взвешивает на руке свой маленький пистолет. — А эти, глядишь, подостынут. Ладно! Всё будет нормально! — подруга снова весело обнимает меня.

— Кхм, вообще-то, это я тебя сейчас должен успокаивать, — бормочу в ответ.

— У тебя чуть меньше опыта в таких ситуациях, — деликатно скругляет углы она. — Я не в претензии.

Глава 15

К сожалению Джона, сегодня оказывается явно чей-то чужой день. Не его.

По примерным подсчётам, силовая поддержка своих должна была появиться как минимум на стандартном вэне, в количестве не менее полувзвода. Учитывая расстояние до их базы, плюс время реагирования, да те же возможные пробки на дорогах, ну минут до пятнадцати. Максимум.

Но первым на главной аллее показался одинокий вояка лет за сорок. Он уверенно подошёл к ним и полицейский заскрипел зубами: военная прокуратура федералов, плюс не самый мелкий чин. Интересно, это как они так быстро среагировали?! Если бы не предыдущие детали, впору было бы заподозрить, что вояки специально всё это подстроили.

Своего муниципального прокурора лично Джону пришлось бы ждать не менее пары часов. И то, при условии подключения к вызову начальства, да на два уровня выше.

Уже не говоря о том, что «свой» прокурор на защиту простого копа явно бы не выехал, не имея личного интереса. Или — приехал бы, но только чтобы лично подоить этого копа (если б знал, что с того есть что взять).

Впрочем, предварительная подготовка и злой умысел вояк явно исключались по определению: для начала, Макс вполне мог и не откликаться на вызов. В этом случае, сюда поехал бы другой экипаж по замене (или вообще служащего кладбища продинамили бы). Не тот объект, чтоб полиции нестись, сломя голову. Покойникам разбой не страшен. Это Макс-идиот вечно бросается, куда не надо.

_____

— Так, ну и что тут у нас? — моложавый сорокалетний мужик в незнакомой мне форме появляется от главной аллеи самым первым из всех, кого тут ожидают. — Кайшета — это вы? — он безошибочно определяет Жойс.

Впрочем, тут и вариантов немного.

У мужика с собой нет оружия, только папка в руках и футляр с очками в нагрудном кармане. Но молодой полицейский при его виде почему-то резко грустнеет.

Жойс зачем-то вытягивается, приветствует его по форме и кратко излагает суть происшедшего. Прибывший чин задаёт пару вопросов, на которые она отвечает откровенно (в том числе и про

начало мордобоя, без искажений и утаиваний. Хм).

Под конец, моя подруга меняет тон на менее формальный:

— А почему вы решили подъехать? Мне искренне неудобно, правда…

— Да ну, какое там «неудобно», — по-стариковски вздыхает мужик. — Попросили старые товарищи, которым не откажешь. Видимо, вы там на хорошем счету. — Дальше он называет фамилию, от которой Жойс здорово удивляется.

Мне в этот момент приходит в голову, что у них информация разносится очень быстро. Надо будет расспросить Жойс, как так? Это же другой конец земли, разные часовые пояса, если я правильно угадал должность просившего. Или в этом чате на три тысячи человек есть вояки со всего мира?

— Вот уж от кого не ожидала, — простецки признаётся тем временем моя подруга. — Не сказала бы, что между нами нормальные отношения… А вы что, у нас бывали? Я вас там не помню. И ничего не слышала о белом вашего возраста среди ваших же, — она кивает на знаки различия мужика.

— Я тогда бегал в другой форме. Двести тринадцатая горно-копытная. — Со сдержанным достоинством улыбается тип.

Жойс продолжает изумляться и присвистывает, глядя на него с явным недоверием:

— Тогда понимаю, откуда вас знает… — она повторяет названную фамилию. — Но никогда не слышала о белых в двести тринадцатой. Извиняюсь, если что не так.

— Это было задолго до вас, вы моложе намного, — продолжает устало улыбаться мужик. — Я же потом в метрополии учился. Дальше вернулся в армию, но уже в офис прокурора. — Он касается кончиками пальцев своего плеча. — Про Куито Куанавале слыхали?

Жойс молча кивает.

— Ну вот я есть на ветеранском сайте тех, кто был именно там, — чуть снисходительно сообщает армеец-прокурорский (не могу определить точнее его ранг, поскольку вообще ничего не понимаю в его форме). — Ладно, где тут присесть? Врачу вашему точно помощь не нужна?

— Удар инфразвуком, — подаю голос со своего места. — Вон тот постарался. — Киваю на муниципального копа по имени Макс. — Серьёзных повреждений нет, она уже приходит в себя. В медпомощи, в принципе, не нуждается. И так отойдёт.

— А это у нас кто? — мужик, выслушав меня, обращается почему-то всё равно к Жойс, спрашивая при этом обо мне.

Впрочем, может, у них в армии так и полагается?

— Соискатель кафедры прикладных методик, местный

Корпус. Это его родственника эксгумируем, — бодро отвечает Жойс, незаметно подмигивая мне и веселея прямо на глазах.

— Это где завкафедрой Лео? — моментально уточняет он (не сразу, впрочем, припоминая фамилию начальника Бака).

Утвердительно киваю и на этот вопрос, отмечая про себя, до чего порой тесен мир.

_____

После того, как военный прокурор пообщался с вояками пару минут, стало понятно, что копы дальше будут выступать в роли мальчиков для биться.

Джон в глубине души питал надежду, что собственная подмога, прилетев на лихих конях, окажется насквозь отмороженной и…

Вот дальше фантазия пасовала. Представить спецов стреляющими армейских, включая их прокурора, и закапывающих всех прямо тут, Джон всё же не смог.

Реальность и вовсе разочаровала. Выяснив детали у черножопой (и ведь всё честно рассказала, с-сука! Включая нападение пацана первым, правда, с голыми кулаками), федерал быстренько связался с прокурором муниципалитета и прямо отсюда, путём заурядного договорняка, отменил подмогу своих вообще.

Насколько Джон мог судить, так ожидаемый им мини-вэн был развёрнут командой сверху на половине дороги и отправился досыпать обратно на базу. Вообще не доезжая до шестого кладбища.

Вместо спецов, от полиции, усилиями уже двух прокуроров, пригласили департамент внутренней безопасности. Поскольку ушлый армейский, проверив айди троицы, присвистнул на этапе исследования Гилла и моментально вкурил, откуда дует ветер.

Вот же с-сука этот Макс.

Ладно. Джон на следствии молчать не будет. Глядишь, получится отделаться условным либо вообще переводом: формально, младший за старшего не ответчик. И наказывать будут только за недоносительство. Если от дэвэбэ будет не кто-то кондовый, а бывший опер-розыскник, то и вообще есть варианты договориться…

_____

— Ну, что там? — спрашивает Жойс, с тоской поглядывая на Камилу, тщательно исследующую останки.

Наша доктор оклемалась аккурат в разгар разбирательства, происходившего между военным прокурором и какими-то

внутренними дознавателями полиции. Итогом их недолгого общения, к которому в середине подключился и гражданский прокурор (подъехавший с опозданием), стало перемещение троих копов в транспорт новых полицейских, причём наручников с патруля не снимали. Зачитав какие-то права прямо тут.

Чудны дела твои, господи. Я не сильно вникал в детали, но для себя вынес следующее: третий коп, одетый не в форму, полицейским уже не является. Формально, он и подходить-то ко мне сейчас права не имел, не то что требовать чего-либо.

То, что я ему дал по зубам, сонмом прокуроров было признано вполне нормальным и реалиям соответствующим. При этом, оба представителя надзорных ведомств вопросительно поглядывали на странных полицейских дознавателей, которые обращались с патрульными, как собака с костью.

Лично мне, под видеофиксатор, старший из вторых копов объявил официальные муниципальные извинения вкупе с отсутствием претензий, после чего толпа сама собой рассосалась.

Подтягивавшиеся всё это время вояки, кажется, к тому времени достигли количеством уже полусотни. Они были в разных формах, частью вообще в штатском.

Набросав в тридцати метрах кучку окурков по щиколотку, и оставив десятка полтора пустых стеклянных бутылок, они исчезли сразу вместе с полицейскими и прокурорами (оставив нас заниматься тем, чем мы были заняты и до этого).

Пара или тройка человек пытались подбить клинья к Жойс и Камиле, но были сбриты девчонками на взлёте и особо не навязывались.

А потом Камила, вколов себе что-то из собственного же чемодана, как ни в чём не бывало сказала:

— И чего сидим?! Докапывайте, доставайте! Дело не закончено. Такой шум; зря что ли ехали.

_____

— Грунт хороший. Песчаник. — Констатировала Камила, разбирая вполне сохранившееся тело. Затем, подумав, добавила. — Для моей работы, всё нормально.

Коротышка изначально порывался было ей помогать и участвовать, напирая на тренированную психику. Но Камила, в отличие от него, ту самую работу психики понимала профессионально.

Ни к чему пацану, ещё и с такой лабильностью (порой и местами), заниматься препарированием собственной матери. Тем более, буквально пару часов назад, он на ровном месте с кулаками бросался на старых знакомых полицейских.

С самоконтролем у него явно проблемы, пусть сбоку посидит и фонарь подержит.

К тому же, весь объём работ патологоанатома она делать и не планировала (хотя и умела, и могла).

Сейчас всё это было не просто ненужно, а где-то даже и вредно. Она очень хорошо представляла, что искать, как ни парадоксально это выглядело.

Гражданский специалист рылся бы в совершенно ином направлении и, скорее всего, попросту проворонил бы слона под носом. Тем более что, насколько знала Камила, используемая ею техника в массы (сиречь в гражданский обиход) ещё не пошла.

Во-первых, надо было убедиться в сохранности минимум тридцати процентов нервной ткани тела (прости, Коротышка. Но твоя мать для армейского врача — всего лишь исследуемый материал).

Во-вторых, замерить прижизненные параметры лабильности (снова то же слово, но уже в другом значении) аксонов и синапсов убитой.

В-третьих, сравнить среднее значение тела по параметру два с участком, который она обнаружила ровно через пятнадцать секунд (именно потому, что знала, что искать).

Второй инструментальный ящик современного армейского врача содержит некоторые приборы, о которых гражданские коллеги даже не догадываются.

— Тебе повезло, Коротышка, — сообщила Камила, сосредоточенно сохраняя данные замеров в памяти инструмента.

— Нашла, что хотела? — моментально отозвалась первой подруга.

— Угу. Овод.

— Не понял? — подал голос Алекс, не врубавшийся из-за незнания.

— Погоди, — придержала своего парня подруга. — Камила, ты уверена?

— Как в твоей печени, — уверенно кивнула врач, — дай ей бог такого же здоровья и через сорок лет… Измеряла на три раза. — Она подняла вверх съёмный экран и сунула его под нос подруге.

— Да что бы я понимала, — фыркнула та. — Объясняй нормально.

— Прижизненная лабильность на участке попадания в три и семнадцать раз ниже. Чем средняя по телу. — Пожала плечами Камила. — Как по методичке. И след от попадания вот, между лопатками. В общем, это овод.

— Как это можно использовать? — не углубляясь в непонятные детали, взял быка за рога Алекс, нахмурившись.

— Никак, — снова выпалила первой Жойс, как будто вопрос адресовался ей.

— Да, и нет. — Поправила подругу Карвальо. — В общем, Коротышка, для гражданских «овода» не существует. Соответственно, обнаруживать его на гражданке тоже не умеют, и не знают о нём ничего. Но лично для тебя плюс в том, что его распространение весьма ограничено. Ты, если захочешь, при помощи своих новых знакомых наверняка можешь попытаться разобраться, какая партия попадала в наш город.

— Оттуда уже и исполнителя можно размотать? — понимающе продолжила Жойс. — И на заказчика выйти?

— Вот тут я вам не помощник, — Камила хлопнула крышкой инструментального ящика, закрывая её на электронный замок. — Можете закапывать обратно. Скажу лишь, что это похлеще отпечатка пальцев. Конкретно этот «овод» — бинарный, я глянула в тканях остатки. Стало быть, не армейский.

— Почему? — язык Жойс, как обычно, работал быстрее её мозгов.

— Что нам это даёт? — это спросил уже Коротышка.

— Потому что нам скоропорт без надобности, — Карвальо начала отвечать с подруги, поглядев на ту, как на ушибленную. — У бинара сроки хранения не на часы, конечно, но даже не неделя.

— Понятно. Не знала. — Сняла собственный вопрос Жойс, которая об использовании этих штук имела представление, как пользователь.

— Что нам это даёт… — повторила вопрос парня Камила, наблюдая за Коротышкой, уже бредущим за лопатой. — В принципе, изготовителей ровно три. Первый работает на нас, и гражданской самодеятельностью не занимается. Значит, варианты два или три. Из них двоих, в свою очередь, девяносто процентов производства находится в руках номера три.

— Номер два — десять процентов от остатка производства? — проявил скорость в устном счёте Коротышка.

— Точно. — Кивнула врач. — Прибавь сюда: перестройка линии на гражданский вариант занимает до полусмены. Я читала на форумах, там замороченная наладка. Вот теперь ты скажи, раз умный: где, скорее всего, был произведён данный припас?

— Производство номер три?

— Угу. Одни-единственые двери. У меня всё. Если захотите документальных подтверждений, забудьте о том, что я есть. — Напомнила Камила условия своего участия в авантюре. — Мне очень нравится мой оклад; и я не хочу его терять из-за своего длинного языка, который с вами был невоздержан.

— Можно подумать, я без тебя не держала овода в руках! —

из чистой вредности съязвила подруга, закапывая уже накрытый крышкой деревянный ящик быстрее, чем Алекс.

— И прижизненную лабильность у трёхмесячного трупа определишь? — вяло отмахнулась Камила.

Спохватываясь и косясь на Коротышку, который бросал вниз землю, как метроном.

В следующий момент Карвальо врезала себе по лбу (мысленно) и подошла обняла парня (уже в реале). Коснувшись на пару секунд его виска своим лбом и молча постояв с ним в обнимку какое-то время.

Жойс, косясь на них, сопела трёхлетним тапиром, сунувшим хоботок в муравейник. И молча орудовала лопатой.

Но не говорила ни слова, поскольку была далеко не таким тупым солдафоном, каким часто старалась казаться (весьма небезуспешно).

Глава 16

— Что вы знаете о правилах хранения взрывчатых, ядовитых, радиоактивных, биологически активных и опасных веществ? — Бак излучал ледяную вежливость и корректность.

С высоты возраста, ему даже не приходилось напрягаться для этого.

— Ровным счётом ничего, — моментально открестился его самый молодой соискатель. — Не сталкивался, с инструкциями не знакомили, нигде не расписывался и не планиру…

— Отставить, — поморщился подполковник. — Алекс, выйдите из образа дебила на четверть часа, пожалуйста. Хотя бы из уважения ко мне, если оно у вас есть.

— С уважением к вам всё в порядке. Внимательно слушаю. — Мгновенно подобрался пацан.

— В данный момент я с вами просто беседую. Возможно, первый и последний раз в таком вот разрезе, — Бак повёл рукой в направлении пустого помещения кафедры. — Во всяком случае, если вы сейчас *не услышите меня, второй такой беседы не будет. Просто потому, что я не захочу тратить понапрасну своё время повторно. — Помолчав для закрепления эффекта, он добавил. — Тяжёлая это работа, из болота тащить бегемота. Особенно если самому бегемоту комфортно это болото. Как правило, лично я от болот и бегемотов стараюсь держаться подальше. Но сегодня мне пришлось подняться на несколько часов раньше, отобрав это время от своего сна. И от пребывания вместе с семьёй. Для чего?*

— Поговорить со мной? — не стал скрывать удивления парень.

— Именно. — Куратор поднялся и прошёлся до окна. — У вас, в силу ряда субъективных причин, могли сложиться сразу несколько неверных схем в голове. Цель этой беседы: профилактика ваших будущих залётов. Так понятнее?

— В чём мои залёты? — мгновенно поинтересовался Алекс. — Именно вам стараюсь доставлять как можно меньше геморроя. Правда. Равно как и отрабатывать все программы в срок и добросовестно.

— Я чуть не об этом. Сегодня ночью на кладбище вы что делали? Или нет, спрошу иначе. Первый зам прокурора гарнизона; ночные пляски с муниципалами; электронное судебное заседание, на которое меня будят среди ночи и на котором я почти час вынужден слушать о ваших похождениях… как ваш куратор… МНЕ ЭТО ВСЁ ЗАЧЕМ?

— Категорически не в курсе, что оно и по вам прилетело! —

широко раскрыл глаза от удивления соискатель. — А вы тут причём?

— М-да уж… что сказать, когда нечего говорить… — потёр нос подполковник, останавливая набирающего воздух собеседника движением руки. — Давайте сейчас вопросы буду задавать я.

— Я правда не понимаю. — Упёрся пацан.

— Именно поэтому мы оба здесь, — холодно уронил Бак. — И это был не вопрос, а команда. Часть первая. Разъяснения от меня вам. Наша с вами проблема в том, что у меня не было практического опыта работы с такими, как вы. И я сейчас не о вашей производительности. В отличие от всех без исключения обитателей этого заведения, только вы попали сюда из-под палки. Соответственно, вы не цените ничего из того, что вам досталось даром. Согласны?

— Не до конца, — насупился подросток. — Я очень многому здесь рад и за многое благодарен.

— Последнее очень хорошо скрываете, — не удержался от сарказма куратор. — Практически, необнаружимо. Из вашего почти подневольного пребывания тут, автоматически вытекает ваша определённая неуправляемость. В том числе, для меня. Тут согласны?

— Извините ещё раз. Но нет. — Категорически отмёл допущение старшего соискатель. — Я пока просто не понимаю, в чём причина именно вашего дискомфорта.

Бак глубоко вздохнул и снова прошёлся от стола к окну и обратно.

— Вы — то самое опасное вещество, с которого я начал беседу. Но, в отличие от химии, вы вполне одушевлённый и храните себя сами. Полностью игнорируя правила этого самого хранения. Начну с конца: какого хера вы полезли с кулаками на полицейский наряд?! — Бак решил частично дать волю чувствам и не удерживать на себе силой маску добродушного толстяка. — С вами были две женщины! Вам действительно насрать на всех окружающих настолько?! Только своё эго рулит, а люди — фигурки на доске и инструменты?!

— Вы сейчас какого-то подлеца описали, — демонстративно спокойно ответил Алекс. — Мне досадно, что я произвожу такое впечатление.

— Блядь, Алекс. Вы просто до мозга костей штатский! — С досадой выдохнул куратор. — Занимаясь вместе со мной достаточно серьёзными делами, вы используете шаблоны и схемы ушибленного жизнью пацана и инфантила на этапе принятия ваших «гениальных» решений действовать. Поначалу я думал, вы взрослее психологически. Ваша девушка вам этого случайно не

объяснила?

— Нам с девушкой это всё вплоть до вашего вызова объясняла капитан Карвальо… — уныло опустил взгляд пацан. — Чуть другими словами. Если говорим неформально, разрешите вопрос?

Бак молча кивнул, поощряя конструктивный поворот мысли.

— А откуда вы про девушку знаете?

Подполковник молча выбил дробь на клавиатуре и развернул экран. Лицо соискателя от удивления вытянулось, когда подросток обнаружил на экране себя, шагающего к своему корпусу, в обнимку с темнокожей сержантом (та была одета в форму одной из колониальных частей).

На следующем кадре парочку нагнала капитан Карвальо и отвесила на ходу по чувствительному поджопнику и Алексу, и его спутнице.

Далее вся троица скрылась в здании.

— Это не говоря о том, что я видел её после вашей дуэли. Впрочем, вы тогда валялись овощем и не в курсе… Продолжаю. — Демонстративно насладившись ошарашенным видом собеседника, Бак развернул экран обратно. — Алекс, я хотел начать издалека. Сформировать у вас некоторые императивы, морального плана. Затем подвести к выводам. Но сейчас я не буду метать бисер, эм-м-м, куда не надо.

— Я знаю эту цитату, — ещё больше насупился тот.

— Вот и хорошо, — кивнул Бак. — Значит, теперь вы в полной мере понимаете мою оценку.

— Но не разделяю… — на пределе слышимости пробормотал подросток.

— А вы дослушайте, — офицер с улыбкой аллигатора наклонил голову к плечу, игнорируя последнюю ремарку собеседника. — Наша с вами проблема — это несовпадение наших стратегических целей. Ваших, и моих. Здесь согласны?

— Да. — Мгновенно отреагировал пацан, даже не задумываясь. — Мы с вами их не определяли даже, не то что не согласовывали. Было бы странно, совпади мы при таких условиях.

— Моя вина. Я к вам по инерции отнёсся, как ко всем остальным. Кто был раньше и будет дальше. А в чём отличие вас от остальных? — подполковник поощрительно поднял подбородок, откидываясь назад.

— Все остальные тут не просто добровольно, а после серии ряда подготовительных курсов и тестов. Все без исключения рвались сюда не один день и нацелены развиваться в рамках созданной тут системы, — подросток обвёл взглядом помещение. — Я, видимо, даже не о Корпусе сейчас. Скорее, о государственной нише.

— Именно. Золотые слова. В свой анализ прибавьте и меня, — кивнул Бак. — Который стоит на том же пути, но прошёл дальше. А вы допускаете грубые погрешности сразу в трёх плоскостях.

— Внимательно слежу за ходом вашей мысли.

— Первое: демонстративный игнор сложившихся балансов. Сегодняшняя выходка с полицией — лучшая иллюстрация. Когда Карвальо уже всё решила за вас с полицией на месте, молчу, за каким лядом вы туда попёрлись… и дай ей бог здоровья… а вы вылезли из ямы со своими рационализациями. Вам очень повезло, что у сержанта Кайшеты — темнокожий начальник штаба бригады, много кого знающий лично в силу возраста. Плюс часовые пояса…

_____

Там же, через какое-то время.

— … ну а теперь вы мне скажите, чтоб я вас не неволил, — ехидно выделил последнее слов Бак. — Чисто теоретически. Где наши с вами точки соприкосновения? Вашу деятельность на ниве кинематографа убираем, спасибо за понимание. По сдаче минимума договорились, снова спасибо. В стратегических планах даже на пять лет, армии или иной федеральной службы у вас нет. Где мой *интерес в вашей неспокойной и насыщенной событиями жизни? Вы только что сами акцентировали, что от сотрудничества должны выигрывать все стороны.*

— Текущие темы, которые каким-то образом всплывают сами. По мере нашего общения. Которые мы с вами отрабатываем, правда, в разных ролях.

— Браво. — Куратор картинно похлопал в ладоши. — Но я бы даже уточнил в этом месте. Идеально мы совпадаем именно в последней.

— На ней нет ограничения по времени? — схватил на лету подросток.

— Да. Вы заинтересованы расти постоянно, поскольку одарённые работают над собой постоянно. Путь прогресса, как говорится, не имеет конца. И вы запросто лет через пять можете нарваться на ту же Хаас, я фигурально, у которой личный резерв побольше концентратора.

— Согласен, — осторожно выдал Алекс в ответ на вопросительный взгляд подполковника. — Но телеметрия с моего чипа говорит, что вы сейчас чего-то не договариваете, стараясь натолкнуть меня на мысль.

— А я заинтересован регулярно делать срез вашего индивидуального уровня применительно к средней температуре по больнице. — Сообщил подполковник. — О серии турниров по

прикладному применению искры слышали?

— Читал в программе подготовки одарённых тут.

— Как смотрите, чтоб заявиться на ближайший?

— Позволите откровенно? — задумчиво спросил Алекс.

Бак кивнул.

— Я не вижу вашей выгоды. А когда я чего-то не вижу, я этого не понимаю. А когда я чего-то не понимаю, я этого очень боюсь.

— Какая непосредственность, — фыркнул куратор. — Впрочем, искреннее спасибо за откровенность… Всё просто. Как только мой, *— он выделил слово, — соискатель выйдет хотя бы в четвертьфинал такого турнира, это автоматически означает мой перевод в столицу в течение ближайшего квартала.*

— Не знал, — удивился пацан.

— Не ваш уровень. — Напомнил о дистанции Бак. — Так что скажете? Кстати, на этот турнир допускаются все подряд с улицы. Просто гражданские обычно не проходят даже первый отбор, потому ваша уникальность нам обоим на руку.

— Вы намекаете, что можете создавать мне условия для подготовки даже тогда, когда я буду жить не в Корпусе? — тут же сделал стойку мальчишка.

Справедливости ради, он только что вполне честно обрисовал свои планы на следующие несколько лет. Корпуса в них действительно не было.

— Ровно до той поры, пока вы проходите хотя бы в четверть финал, — попытался охладить пыл собеседника офицер. Горящие энтузиазмом глаза Алекса его и повеселили, и заставили задуматься. — Но у меня есть условия.

— Внимательно слушаю.

— Вот этот список дополнительных дисциплин должен быть освоен с ближайшими курсами. Расписание найдёте в сетке, — Бак отправил файл.

— Это же запредельно?! — поднял глаза пацан через минуту.

— Алекс а я это уже слышал от вас. Когда мы обсуждали образовательный минимум, — улыбнулся акулой куратор. — Напомнить, что вы тогда сказали?

— Что это за пределами физиологической нормы, — уныло вздохнул подросток.

— За это время вы прекрасно доказали, что невозможного не существует; по крайней мере, для вас. Ну-у-у, или у вас больше двадцати четырёх часов в сутках, — Бак позволил себе коротко посмеяться. — Я в разы старше вас, и поверьте: в армии очень хорошо умеют определять, кого грузить. Я, в том числе. По мне, вы и наполовину не загружены от своего потенциала. Раз у вас есть время шляться по кладбищам ночью, выяснять там

отношения с муниципалами, параллельно воевать с кланами, судиться через Хаас с мэрией агломерации и так далее. — Подполковник весело поднял бровь. — И вы согласны были принять ещё нагрузку, если будет время. Я вам только что нашёл эту кучу времени. А, чуть не забыл! Контракт с киношниками вы тоже расторгаете, сами согласились! Это ещё куча часов с неделю. Я ничего не упустил?

— Я промолчу. — Алекс передёрнул плечами под весёлым взглядом куратора.

———

— Знаешь, я сейчас рад. — Алекс лучится оптимизмом и выстилает внутреннее пространство улыбающимися смайликами. — Бак — единственное светлое пятно в этой говняной жизни. Которое вселяет в меня надежду касательно вашего бытия и твоего персонального будущего. Потому что со своей стороны, повторю в сотый раз: ты просто от рук отбился.

— Я удивляюсь, как ему удаётся возить меня носом по столу каждый раз. Я и в других условиях такого не терпел. — Вздыхаю, направляясь в сторону учебного сектора. — А сейчас вроде как у меня полная личная свобода принимать решения.

К сожалению, поспать сегодня не вышло ни в прямом, ни в переносном смысле. Вначале, после завершения кладбищенской эпопеи, Камила часа полтора растолковывала мне кое-какие специфические нюансы по оводу, которые не просчитываются и которые надо просто знать.

Попутно, она вывозила и меня, и Жойс в дерьме ровно на ту же тему, что и Бак. Жойс пыталась поначалу в ответ заикнуться о том, что мы разберёмся сами (уже у меня в номере). Но Камила подлетела к ней и молча залепила две затрещины, с двух рук по очереди. Слева и справа.

Возражать почему-то не стал никто…

А только мы улеглись спать, как раздался вызов от Бака. Который безальтернативно потребовал прямо сейчас появиться на кафедре и демонстративно не замечал Жойс и Камилы на заднем плане (Карвальо осталась у нас, чтоб через пару часов не ехать обратно на работу).

Я поначалу вообще не хотел отвечать, поскольку Бак что-то сделал с приоритетом, когда звонил. И активным у меня был только режим видеосвязи. Но армейская техника, как оказалось, работает и принудительно; он как-то со своего места активировал мой комм и выбора у меня не осталось — только разговаривать.

Общение с куратором на кафедре заняло больше, чем он обозначил; и лично меня выжало, подобно лимону.

Как ни парадоксально, мою систему взглядом он здорово поколебал. Практически полностью заставив удовлетворить все его требования, причём добровольно.

— Слушай, там не стал лезть тебе под руку, а сейчас спрошу. — Продолжает сосед. — А тебе работы в кино не жалко? Не моё дело, но я представляю себя на твоём месте и не уверен в своём ответе.

— Ты знаешь, нет. Я и ему не врал сейчас, — задумываюсь повторно на неприятную тему. — Это действительно потеря времени и путь в никуда. На главные роли я не пролез; гарантий, что пролезу когда-либо, тоже нет. Ставка каскадёра сейчас неактуальна ввиду других перспектив и целей. Плюс, финансовая подушка после дуэли. Получается, в кино я очень быстро упёрся в персональный стеклянный потолок и только тешил самолюбие. Растрачивая время.

— Бак молодец, — вздыхает Алекс. — Он тебе вон сколько всего объяснил с полпинка. У меня так не получается…

_____

После достаточно сложной беседы с не по заслугам ершистым мальчишкой, Бак в одиночестве с полчаса пил кофе на кафедре.

Сегодня он нарушил своё главное правило: не тащить за уши тех, кто рвётся в какую-то свою сторону.

Он давно для себя вывел формулу: подчинённые могут быть ездовыми собаками, которые тянут тебя к тому результату, к которому надо.

А могут быть и стадом баранов, которое задолбаешься сгонять в один гурт. И с которыми о результате первого варианта мечтать не приходится.

Конкретно данный персонаж соискателя обладал чертами как первого, так и второго типов, причём в одинаковой пропорции. Возможно, именно эта нетривиальность и заставила немолодого уже куратора отступить от заведённых привычек.

В обед он вспомнил об утренних усилиях и проникся дополнительной толикой надежды о будущем результате: курьер доставил ему в руки коробку колониальных сигар (кстати, натурал, и не дешёвый). Параллельно, комм тренькнул сообщением из пяти слов: «Благодарю. Наши извинения. Сержант Кайшета».

Бак отправил ей подтверждение о получении, а про себя вздохнул: может, хоть девчонка добавит ему ума, раз она постарше. И всё не закончится так печально, как в той хрестоматийной поговорке: умная голова, дураку досталась.

Глава 17

Из-за Бака (или благодаря ему? Я ещё не понял), мне сегодня придётся мотаться из учебного корпуса к себе несколько раз: с рюкзаком, полным всякой всячины, в аудитории не пойдёшь. А без оного, не пустят на следующее занятие.

Когда я в районе одиннадцати забегаю к себе, захватить необходимое, Камилу с Жойс застаю в своей комнате.

— О, привет всем ещё раз, — удивляюсь им от дверей.

— Не рад, что ли? — хмуро отзывается Жойс от плиты, на которой она что-то жарит (параллельно с завариванием неизменного кофе).

— Бог с тобой! С чего взяла? Я вообще за вещами зашёл, — бросаю на ходу, направляясь к шкафу.

Там у меня лежат оба местных рюкзака плюс кое-что из снаряжения, выданное с принтера изначально.

Сидящая рядом с ней Камила разворачивается в мою сторону на роликовом стуле и я не удерживаюсь от вопроса:

— Могу поинтересоваться, из-за чего вы подрались? Уже молчу, почему наша капитан Карвальо не у себя, а тут.

Следы на их руках и телах не оставляют сомнений в том, что произошло.

— Не твоё дело! — синхронно выдают они.

— Я сказала, что я тут, на территории, — продолжает Камила. — Если что, позвонят. Пока надобности нет…

— Ладно, я так спросил! Надеюсь, это всё не из-за меня, — вырывается против воли. — Шучу!

— Как раз из-за тебя, — серьёзно отвечает Карвальо. — Но не потому, почему ты думаешь.

— Мне Бак мозги с утра промывал! Подписал на турнир по прикладной искре, загрузил двумя дополнительными курсами и заставил расторгнуть контракт с киношниками! — спешу выпалить свои оправдания, пересортировывая при этом в шкафу рюкзаки.

— Расторжение по деньгам не ударит? Штрафы большие прописаны? — Озабоченно поворачивается в мою сторону Жойс.

— О, а у тебя синяки на плечах, — сообщаю ей то, что вижу с помощью ханьской искры и чипа.

— Заткнись, — советует Жойс. — Или сейчас тебе вдвоём п##ды дадим.

— Не справитесь, — пытаюсь отшутиться и сбросить непривычное напряжение, висящее в воздухе.

Странно. Какая муха между ними пролетела?

— Мы не то что не дрались, не ссорились даже серьёзно, лет с десяти. — Сообщает Камила. — У тебя получилось это исправить.

— Ладно, оставь, — примиряюще обнимает ей Жойс сзади. — Это ему не надо. Мы же всё выяснили…

Камила уныло кивает ей, после чего обнимает и, крайне неожиданно для меня, начинает реветь.

Как пятилетняя.

А через мгновение к ней присоединяется и Жойс.

Ошалев от такого поворота событий, как идиот, таращусь на это всё минуты полторы.

— Девочки, а хотите, я нательными майками поделюсь? — предлагаю для смены темы.

Интересно, сработает или нет? Их формы, вместе с другими частями гардероба, сохнут вон на сушилке. А сами они одеты, кхм, только в нижние элементы женского белья.

— Иди нахер на свои занятия, — угрюмо отвечает Жойс.

— Присоединяюсь. — Ворчит Камила.

После чего Жойс высвобождается из рук подруги, подходит ко мне и обнимает уже меня.

А Камила присоединяется к нам с другой стороны.

И я понимаю, что разумнее сейчас не шевелиться. А выяснить всё потом, когда они успокоятся. К сожалению, эта ситуация совсем не того порядка, которую показывают в фильмах определённого содержания (по кодированным каналам с несколькими иксами). Несмотря на внешнюю схожесть атрибутики.

— Что со штрафами киношникам за досрочное расторжение? — напоминает Жойс, не меняя положения.

— У него с дуэли моя годовая зарплата, — ворчит Камила. — Авось, расплатится.

— Нет штрафов, — отвечаю. — Там и без меня есть, кому бегать. В Федерации есть и другие герои, которые, в отличие от меня, готовы проводить на съёмочной площадке сутки напролёт.

— Ладно, ему на занятия пора, — вздыхает Карвальо, снимая руки с наших плеч. — Пусть валит. Мы твои консервы, видимо, все съедим, — спохватывается она в мою сторону напоследок.

— Хоть все. Там ещё крупы-скороварки, — указываю взглядом на кухонный шкаф. — Из пайка. Бухать не будете?

Видимо, Бак на меня плохо повлиял сразу в нескольких направлениях, если я отваживаюсь на такой вопрос в данной обстановке.

— Я из её фляги всё вылила. — Мстительно веселится Камила, шлёпая Жойс по заднице.

— Я бы и сама не стала. Хватит… — смущённо бормочет та. — Ты права. Ни к чему ворошить прошлое; и с пьянкой пора завязывать. А то будем, как тот штаб…

— А что штаб? — любопытствую от двери, уже обуваясь.

— Стакан сорокаградусного с утра, прямо после построения, — просвещает меня Камила от шкафчика с крупами. — В обед — столько же. Причём, по ним особо не видно. Так-то, как будто трезвые. Но на самом деле, в крови у каждого по половине литра гоняет за день.

— И так каждый день, — резюмирует Жойс. — Ты когда будешь обратно?

— Пока не знаю. Текущее занятие — до выполнения задачи. И я там вообще первый раз, дай бог здоровья Баку… Понятия не имею, как оно пойдёт и сколько времени займёт.

— Мы тогда у тебя пока зависнем, — кажется, Камила успокаивается уже полностью. — Чтоб никуда не дёргаться.

— Да сколько угодно, — пожимаю плечами. — Мой дом — ваш дом.

На бегу к полигону ломаю голову, что всё это значит. Никаких рабочих версий не придумывается.

Самое интересное, что и у Алекса тоже, который озадачен происшедшим не меньше меня.

———

— Вы все — будущие кулаки своих кланов! Возможно, кто-то пойдёт работать на государство, неважно, на каком уровне. Да пусть даже кто-то станет не кулаком, а мозгом семьи или на федеральной должности — это тоже неважно! Это ровным счётом ничего не меняет!

Прохаживавшийся перед строем преподаватель толкал эту речь явно не в первый раз. Это было наверняка ясно и стоящим перед ним, слушавшим вполуха. Это успело надоесть и ему самому.

— Если кто-то думает, что это формальность, либо чисто такое себе физо для допуска к аттестации, и что вы по-любому отсидитесь в тёплом кресле оператором каких-нибудь дронов, это очень глубокое заблуждение! — Несмотря на регулярно повторявшийся спектакль (в котором он был и единственным актёром, и режиссёром), роль ему явно доставляла удовольствие. — Мозги мозгами! Но у всех, и каждого из вас, могут быть моменты, когда умение п р о й т и будет важнее для дела! Чем деньги, связи либо все активы клана!..

По-хорошему, в пятнадцатиминутном промежутке преподавателю надо было совместить три вещи: инструктаж по

технике безопасности, стандартную накачку плюс нагнать жути.

Последнее — не из вредности, а исключительно по устоявшемуся порядку вещей и по методической инструкции.

Оттарабанив обязательную программу, он с удовлетворением убедился, что все прониклись:

— Вопросы есть?! — гаркнул он на закуску.

Обычно, в каждом составе всегда находился какой-то умник, который лез на сцену рядом с ним. Не стал исключением и нынешний раз.

— Разрешите? — поднял руку самый низенький из парней, он же приданный по согласованию соискатель (одного мудака с прикладной кафедры).

— Внимательно… — поощрительно кивнул здоровенный майор, добросовестно оттянувший в своё время две ротации замом по бээспэ (пусть только и.о., но всё — там, за океаном).

Какими бы ни были отношения между ним и мудаком Баком, учебно-тренировочный процесс есть успешно-тренировочный процесс. Тем более, бойкий малец сегодня с первого занятия попал на контрольные срезы. Сейчас над ним вовсю поиздевается полоса, которой он в глаза не видел.

Не говоря уже о том, что членом сыгранной команды пацан не мог быть по определению — так как никогда тут не был. А без команды, срез ему ни за что не сдать. Чудес не бывает, специфика упражнения.

Облегчать болезному жизнь майор не собирался. Он предполагал, что Бак отправил кого-то из своих к нему исключительно затем, чтоб тот хлебнул у него лиха (ну не обхаживать же соискателя давнего если и не врага, то недоброжелателя).

Разочаровывать недомерка офицер не собирался.

— У меня в условиях задания, что на отработку с вами, указано: учитывать специфику личной подготовки. — Бойко провякал выкормыш Бака. — Вы только что объявили: «пройти и прийти». Вопрос: я среди смертников? Вы не сказали «вернуться».

— Шаришь, — озадаченно кивнул майор. — В смысле, врубаешься и оцениваешь. Но нет. Надо было ходить на предыдущие занятия, — не удержался он от шпильки в адрес пацана, который ответить ему не мог. — Это упражнение отрабатывается в группе. Если группа доходит до рубежа, она его автоматически подавляет. «Пройти» автоматически равняется «вернуться», поскольку обратно можно гулять, как по проспекту.

— Противоречит специфике моей личной подготовки, — решил позориться перед всеми до конца дурачок.

— Не моя забота, — легко передёрнул плечами

преподаватель, наслаждаясь моментом. — Во-о-он финиш. — Он указал глазами на противоположный край. — Зачёт по достижению.

_____

Следующие полчаса майор со скрытым удовлетворением наблюдал, как сработанные тройки, умело прикрываясь «гавриилами», одна за другой преодолевали необходимые метры.

Пацан Бака зачем-то скакал вдоль ограждения и таращился не на ребят, а на установки охранных систем. Идиот. Конечно, ему штурмовой щит даже не оторвать, не то что не пройти с ним. Но мог бы проявить хоть каплю вежливости. Глядишь, ему б и разрешили прогуляться позади самой последней тройки, за надёжно удерживаемым щитом, в сработанной команде.

Ну, нет — так и нет, философски решил для себя преподаватель.

_____

— Выбирай любой. — Майор дружелюбно кивнул пацану на снарягу.

По своей конструкции, щит в этом упражнении являлся цельнометаллической бронеплитой.

В верхнюю часть здоровенной дуры вмонтировалось полноценное смотровое окно, защищенное многослойным бронестеклом. К нижнему срезу щита прикрепляли неширокий тканево-полимерный фартук, защищающий голени и стопы.

Для переноски и применения этой довольно тяжелой и массивной конструкции, учащийся-оператор должен был надеть на себя особый нагрудник с зацепами, в которые и входят кронштейны самой бронеплиты.

Парень Бака, говоря откровенно, на оператора штурмового щита не тянул ни с какой стороны. «Гавриил» весил более трёх четвертей его веса, если судить на глаз[2].

— Я это и имел ввиду, когда задавал вопрос. — Продолжал веселить всех пацан Бака, не делая попытки подойти к снаряге. — Не учтена специфика моей подготовки, — он за каким-то лядом поднял вверх свой комм.

— Да хоть обзаписывайся, — моментально ухватил намёк майор и широко улыбнулся. — Финиш там.

— У нас на кафедре решают эту задачу иначе. — Решил поумничать пацан. — Даже стационарные защитные системы проходятся без этого всего, — он пренебрежительно кивнул в сторону ближайшего «гавриила». — А у вас тут вообще

мобильные заградительные комплексы.

— Что ты сказал? — преподаватель всем видом изобразил вежливое недоверие.

После чего, весело заржав, покрутил пальцем у виска.

— Я сказал, что ваши мобильные заградительные комплексы проходятся и без этого тех обеспечения, — недомерок тоже изобразил сарказм. — Исключительно на внутренних резервах организма.

— И где же, позвольте спросить, такая полоса? Мальчик решил нас порадовать героическими свершениями муниципальной полиции? — не сбавляя весёлого тона, майор принялся рассуждать вслух. — О ваших подвигах на армейской ниве я бы слышал.

Несмотря на формальность обстановки, творческий подход приветствовался. Особенно в свете такого предстоящего веселья.

— Объект муниципальный, — кивнул пацан, ожидаемо попадая впросак.

Все хмыкнули.

— Но оборудован по федеральному стандарту АА, — продолжил баковский прикладник.

— Какой самый охраняемый объект из гражданских в округе? — Тихо спросил старший последней тройки.

— Квадрат. — Так же негромко отозвался его сосед в полной тишине.

— Вот его сектора с нулевого по третий точно проходятся. — Нейтрально подал голос соискатель чужой кафедры, почему-то пристально рассматривая майора. — А ваша, кхм, полоса — даже не бэ-плюс. У вас должны быть подтверждение и заявка от подполковника Бака на мой счёт. Он при мне отправлял.

— Откуда такие данные про Квадрат? — уже чуть более озадаченно спросил майор и полез за личным планшетом.

Похоже на дурацкий розыгрыш, но в армии учат ничему не удивляться очень быстро.

— Личный опыт. Приходилось сталкиваться. Соискатель Алекс! Разрешите приступить к упражнению?! — парень явно заглянул через руку майора и всё прочёл с его комма самостоятельно.

— Валяй, — быстро справившись с собой, разрешил офицер. — Где мой попкорн…

А в следующий момент местность сотряс взрыв хохота: невысокий соискатель порысил в противоположном направлении, туда, где стояли установки.

Впрочем, вернулся он оттуда сразу же:

— Укладку проверял, — пояснил он майору, заработав

непонимающий взгляд. — Убедился, что резина, а не боевые. И посмотрел схему островков безопасности на вашем рельефе.

— Херасе. — В повисшей тишине не сдержался преподаватель.

Кажется, это всё же не шутки. Об островках никто из его учащихся не знал.

Глава 18

— Серьёзно там у вас дело поставлено, — нейтрально добавил он, скрывая насмешку.

Специально выстроив интонацию так, чтоб можно было трактовать двояко. С одной стороны, если этот невзрачный на вид парень — и правда такой спец, что может пройти полосу влёт, то чего лишний раз дрочить судьбу и наживать врага на ровном месте? Бак — Баком, а у каждого соискателя своя судьба. Может, этот пацан своего куратора тоже терпеть не может?

А с другой стороны, если это всё пшик (что скорее всего), то позицию преподавателя можно будет рассматривать как сдержанную иронию. Авансом. Ибо нельзя обвинять в ещё не сделанном: вот обгадится — тогда и похохочем.

— Прошу прощения, формальности согласования с не своей кафедрой. — Баковский тем временем гнул свою загадочную линию, фиксируя на комм процесс утряски условий задачи со своей стороны.

Майор не стал ему говорить, что большинство таких вот уверенных в себе и теоретически грамотных на практике оказываются… эх-х, чего вспоминать. Спасибо, господи, что сам не из таких. У них даже прозвище есть, широко известное в узких кругах: теоретики.

Всё бы ничего, но с собой их обычно стараются не брать в серьёзные места. Есть опыт, личный в том числе…

— Вопросы по задаче. — Продолжал тем временем бесплатный клоун, приковавший к себе внимание кучи народу и нимало тем не тяготившийся. — Укладка — резина, где мне расписаться в акте её проверки?

— Ебать-колупать… — офицер не удержался и, как будто сказав это сам себе, картинно сделал «рука-лицо». — Как старший занятия, к упражнению официально допускаю. Претензий к подготовке не имею. — Он чуть насмешливо посмотрел в визор видеофиксатора пацана. — Когда пойдём уже? — В этом месте можно якобы украдкой глянуть на часы.

Парень специально тянул время. Формально, конечно, он прав: каждая тройка, в лице уполномоченного представителя, лично проверяет оборудование и снаряжение перед каждым походом и составляет о том бумажку. Обязательно своей рукой, и обязательно в твёрдой копии, никаких электронок.

Но это — если формально. На практике же, руководитель занятия подписывает совсем в другом помещении сразу целую

стопку таких бумаг (со старшими троек), на пару недель вперёд. Не нами придумано, не нам и отменять.

— Последний пункт, — ничуть не смутился пацан. — Поскольку у вас заряжена резина, я смогу продолжать выполнение упражнения даже после пропущенных попаданий. Как будем разграничивать полюса?

— Какие полюса? — теперь удивление офицера не была наигранным или неискренним. — Неоговоренный термин. Что имеется ввиду?

— Прошу довести мне. — Пацан демонстративно вытянулся, тоже играя на камеру и на публику. — Каким образом руководитель занятий будет отличать, я условно ранен или условно убит? На последнем этапе упражнения? После попадания в меня вашей резиной?

— Зачётный вопрос, — автоматически кивнул майор и на мгновение тормознулся на месте.

Вопрос действительно был отчасти толковым. Не понятно, конечно, как он с голым задом, без гавриила, топать собирается. Но что до самого согласования, то момент подмечен правильный.

Если он идёт «на резервах организма», как заявляет его кафедра, сиречь без защиты, то попадания в этот самый организм возможны и неизбежны. Вопрос лишь, насколько они могут компенсироваться самим организмом в процессе выполнения упражнения. И как скоро наступит декомпенсация.

А учащиеся майора бегают исключительно под щитами. Потому, любая пропущенная резинка автоматически приравнивается к срыву упражнения и к поражению: задачей их тренировки является именно перемещение группой, и под защитой.

Бак и иже с ним технично докопались к формальной цели: пройти дистанцию.

— Считается. — С толикой тщательно скрываемого уважительного удивления повторил собственный кивок офицер, моментально прикинув расклады. — Сходу не готов. — Не стал он корчить из себя белоснежку. — У нас каждое первое попадание рассматривается автоматически как последнее.

— И что после этого? — уточнил пацан.

— На исходный рубеж шагом марш, — подвигал бровью преподаватель. — И заново.

— Противоречит нашим условиям, — упёрся чужой соискатель. — По нашим регламентам, задача считается выполнимой до двадцати семи процентов остатка ресурса организма. Я потому и спросил. Если, к примеру, меня по бицепсу царапнет — я у вас считаюсь выбывшим?

— Да.

— А в реальности могу бежать и дальше. И весьма неплохо. Согласны? — напирал недомерок.

— Порассказывай мне давай, — беззлобно огрызнулся майор, в душе признавая логичность позиции собеседника.

— Смотрите. Навеска пороха… длина ствола… — по-своему истолковал заминку пацан. — Начальная скорость… энергия в момент встречи с целью на такой дистанции при угле встречи, ну, пусть девяносто, идеал… — от невысокого полетели цифры и формулы, заставляя руководителя занятий стоически вздохнуть.

Он-то был согласен. Более того, лично для него эти теоретические изыскания были вполне осязаемым практическим опытом. В другом выражении.

— А давай с гандикапом, — махнул рукой уже уставший от болтовни преподаватель. — Если резина тебя с ног не сбивает, считаешься условно раненым. В смысле, если пропустишь попадание и сможешь бежать дальше. — Глядя на удивлённое лицо парня, он с удовольствием добавил. — Мальчик мой, даже резиновая пуля по организму — это очень неприятно, поверь моему опыту! — И весело заржал. — Ты и после резинки можешь… ай, ладно. УДАЧИ!

— Благодарю. Приступаем?

— Валяй. Полчаса песок месим.

_____

Рассчитывать на успешные перемещения после попадания в тебя очереди резиной мог только теоретик. В принципе, майор уже не сомневался, чем оно всё закончится, но любые спектакли надо досматривать до конца. Особенно такие.

Максимум, добежит во-он до той вешки, после чего словит все пять резинок очереди. Затем можно начинать хихикать и звать медиков: внутренности ему точно отобьёт. Ну-ну…

Майор украдкой оглядел своих учащихся и приготовился внимать зрелищу.

К его удивлению, пацан, проскользнув старт, не рванул сразу напрямик. Вместо этого, он сделал непонятный зигзаг, мало не замыкая букву «О».

Рваными галсами.

После чего ускорился, загнул трассу буквой «Z» и пропустил над головой последнюю порцию инъекторов-имитаторов.

Мазнув взглядом по автоматическому счётчику обстановки, преподаватель озадачился: ни один из имитаторов в парня не попал.

Кажется, становится интересно. Понятно, что имитатор

парализатора — ни разу не боевое оружие, и там всё иное. Ни летальности (даже у прототипа, не то что у выхолощенного макета), ни скорости в полёте, ни энергии при встрече с целью.

Но одно дело — принимать даже такую бурду из «шприцев» на щит. А совсем другое — вот так изобразить живого тореадора, причём отнюдь не перед быком в количестве одной единицы.

Майор удивлённо подвигал бровью и далее уже не изображал показной снисходительности.

— Странно. По нему почему-то темп стрельбы ниже. — Раздалось со стороны учащихся. — У нас за этот же период в один только щит побольше прилетает, чем у него по всему полю. Вы ему как-то подыгрываете, господин майор? Чтоб не сбить с ног до самого интересного участка?

Преподаватель оставил вопрос без ответа, а сам опять глянул на счётчик обстановки.

Пацан как будто знал установку с инженерной точки зрения. На критических углах она выводилась на цель с запозданием. Приводы были изношены многими поколениями эксплуатирующих и нормально за ними никто никогда не следил: во-первых, на то была специальная служба (вечно на всё забивающая). Во-вторых, для обстрела ползущих под бронеплитой черепах быстродействия хватало; так зачем суетиться?

Задним числом, стали понятны пируэты Баковского выкормыша по полю: хитрожопый теоретик заячьими рывками вывел стволы-пускатели на эти самые критические углы. После чего текущая плотность огня упала в разы.

— Ладно, смотрим дальше. — Невпопад проговорил майор.

Переход в следующий сектор был тем самым горлышком бутылки, вокруг которого строилась основная часть упражнения со щитами. Пацан без бронеплиты однозначно попадал, как кур в ощип, в сектор работы сразу пары стволов. Это десяток резинок в течение первой четверти секунды (с учётом прицеливания по конкретному силуэту).

— Сейчас глянем, как «двери» проходить будет без щита. — Прокомментировал офицер, против воли заражаясь ощущением предвкушения, витавшим в воздухе.

Под гробовое молчание наблюдающих, в двери пацан вообще не сунулся. Вместо этого, разбежавшись под острым углом к стене, он пропустил мимо очередную серию имитаторов инъекторов и перемахнул через трёхметровый капитальный забор быстрее, чем установка следующего сектора сменила прицел.

— А что, нам так тоже можно было? — заголосили на все лады собственные учащиеся.

Когда этот долбаный соискатель, остановившись на островке

безопасности, сбросил со спины малый рюкзак и принялся доставать из него что-то компактное.

— Разговоры! — пресёк брожение в рядах офицер, не отрываясь от разворачивающегося на его территории зрелища.

Формально, использование островков безопасности правилами не возбранялось. Но стоять на них с гавриилом на шее — пустая трата времени и сил. Безопасные места, разумеется, физически существовали, но даже сам майор сходу не сказал бы, где они: никогда не требовалось.

Пацан же использовал свою любознательность на все сто. Разложив за полминуты в рабочее положение макет из микропорки (был припасён в рюкзаке), он шлёпнул на него бляху биоимитатора, выждал три секунды и вытолкнул получившуюся куклу за пределы островка безопасности.

— А что происходит? Это как это он? Что это всё значит? — несмотря на предыдущий рык майора, учащиеся недоумевали отнюдь не про себя.

— Пока работает имитатор, установка считает куклу более опасным человеком, по умолчанию, — нехотя пояснил офицер. — По стандарту, при настройке автоматики, приоритет при выборе идёт от более живучей цели к менее живучей.

— Почему?

— Считается, что для тебя же лучше, если до твоей позиции добежит восемь инвалидов. Чем один, но такой, как я. — Пожал плечами преподаватель. — Вот установка и давит имитатор.

— Который неподавляем по определению? — раздалось сзади, со стороны уже выполнивших упражнение.

— У этой резинки и температура выше, и ритмы какие-то биологические она имитирует так, что техника звереет и считает куклу чемпионом мира. — Завершил краткий экскурс в прикладное снаряжение майор.

Соискатель с другой кафедры тем временем добежал до окончания пулемётной полосы и, словно по аллее, прошёл последние десятки метров за пределы сектора.

Установка всё это время продолжала сходить с ума и бесноваться, поливая имитатор.

— Соискатель Алекс упражнение закончил. Разрешите снять имитатор?

— Упражнение исполнено, — нейтральным тоном подтвердил майор, деактивируя всю обстановку. — Иди, забирай свою резину.

— Ничего себе, у них кафедра. — В полной тишине прозвучал голос старосты группы, здоровенного кланового парняги (оперировавшего гавриилом, как вилкой с ножом). — Господин

майор, вы сделаете разбор его прохода для нас?

— А зачем оно тебе? — сумрачно ответил офицер. — Что оно тебе даст? Ты так через забор прыгнуть сможешь мимо «двери»? Или бежать точно так же сможешь? Или учиться этому будешь?

— А что с бегом-то не так? — отозвался за компанию светловолосый товарищ старосты, ловя неформальный момент. — Можем же и мы пробежать, разве нет?

— Скоростная выносливость у вас не так, — процедил преподаватель. — Когда я сдавал федеральный экзамен по физподготовке, — продолжил он уже спокойнее, — на выпуске из учебного заведения, у нас был норматив: восемь миль за пятьдесят шесть минут. Пересечёнка, выкладка, все дела. Кое-кто из другого заведения имел этот же норматив по сложности, но сорок пять минут — зачёт по времени. А они, — кивок в сторону собирающего имитатор пацана, — похоже, ещё быстрее летают.

— Физиологическая уникальность? — удивлённо уточнил староста.

Майор не ответил, поскольку не хотел разговаривать.

Интересно, что они там на прикладной кафедре задумали? Это с кем они воевать собираются? Или на какой случай такие методики отрабатывают?

По документам, хитрожопый Бак был выпускником высшего военно-технического института. Тот самый теоретик, кондовый и в квадрате.

На самом деле, это было не совсем так. Вернее, документы его были в порядке, на все запросы из федерального реестра приходили какие положено отписки. Только Бака в том институте никогда не было. Старший брат майора, тех же лет, уверенно заявил после одной из расширенных совместных пьянок, что Бака там отродясь не видали. На десять выпусков в обе стороны, что равняется двадцати годам жизни. Не мог же Бак поступить в год от роду, и учиться до семи, будучи младенцем.

С засекреченными биографиями и частично зашифрованными личностями, так или иначе, сталкивается каждый военный, кто хотя б полгода провёл в колониях. Но до этого момента чистоплюй-Бак никак не проявлял себя уникальным.

То, что он тоже имел отношение к колониям — хлебом не корми. Начать с того, они с начмедом на одном языке болтают периодически.

Но откуда у него т а к и е темы в работе? Пацан с непонятной искрой (в заявке стоял прочерк, что могло говорить как об отсутствии искры, так и о секретности её модуля). Проходит в прямом смысле голыми пятками трассу, на которой тренируются со штурмовыми щитами.

Прямо интересно, а с кем, в самом деле, нацелилась конфронтировать в недалёком будущем прикладная кафедра?

Глава 19

Несмотря на объявленное преподавателем «все свободны», никто никуда расходиться не спешил.

Майор, наблюдая за транспортировкой щитов к месту хранилища, вполуха слушал разговоры учащихся

— Интересно, а он действительно без искры? Или всё-таки что-то есть? — задумчиво рассуждал один. — Может, какие-то варианты конвертации в физическое усиление? Глянь, как скачет.

— Да ну, какая там искра… — это кто-то из девчонок. — Ты ещё китайские легенды вспомни.

— А концентратор куда-то пристроил! — парировал ещё один парень. — Ни на рынке не всплывал, ни Честерам не возвращался! Там сейчас вообще всё грустно, все под арбитром ходят — было бы известно.

Офицер напрягся. В мозгу вот-вот должна была сформироваться какая-то чёткая картинка, но она пока не вырисовывалась.

— Да тем же Хаасам отдал! Анна же его обеспечивала! Ей-то концентратор как раз в тему, она-то огонь.

В этом месте преподаватель чуть не сделал «рука-лицо» второй раз: на его занятиях только что удивлял всех методикой тот же тип, который задолжал Штавдакерам по итогам одного деликатного события (не афишировалось, но преподавательский состав был в курсе одного весьма нелицеприятного конфликта. Другое дело, что лично он пропустил всё мимо ушей, сочтя для себя информацию паразитной).

Кроме того, этот же соискатель свернул шею кому-то из выпускников на дуэли; как его… Честеру. Не самый сильный был персонаж; но, как оказалось, дуэлился с концентратором.

Эта дуэль тоже имеет статус закрытой информации, из-за апелляции обеспечивающего клана. Из сетей всё потёрли (что не мешало информации расползаться в виде частных записей, которые на таких дуэлях не делает только ленивый).

В следующий момент майор сделал то, чего сам от себя не ожидал: набрал Бака. Всё-таки, в привычке действовать быстро есть и свои плюсы.

Тот ответил на удивление быстро.

Отойдя подальше, где никого не было, прямой здоровяк врубил с места в лоб:

— По поводу твоего соискателя… Отметку я ему поставил, трассу он прошёл. Что затеваете? Это разовый проект и такой же

исполнитель? Или — новое направление в науке? — последнее слово он, против желания, выговорил через силу. — Можешь хоть намёком поделиться?

Майор выжидающе смотрел на подполковника. Тот огляделся вокруг себя, указал глазами на людей рядом и нейтрально ответил ровно в два слова:

— Как пойдёт.

— Принял. Спасибо.

Разорвав соединение, офицер подумал: а ведь неплохо было бы, чёрт побери, если б это был не разовый выстрел, а полноценный проект. Пусть даже той кафедры.

Как ни приятно тёплое место, но внутренний противовес одарённым в обществе нужен.

В следующий момент, далёкий от абстракций, майор выбросил теоретизирование из головы: надо было готовиться к следующему занятию. Для этого, требовалось перейти на другую площадку и около получаса готовить там рельеф.

_____

— Приве-ет, — искренне изумилась ЮньВэнь, столкнувшись в сауне с Карвальо. — А ты-то здесь какими судьбами?!

— Видимо, такими же, как и ты, — пожала плечами доктор. — Ночевала в этом здании. Сейчас вот приводим себя в порядок, — она похлопала по чёрному заду лежащую на животе высокую темнокожую, в которой хань опознала пассию Единички. — А ты здесь тоже у кого-то?

На самом деле, конечно, ситуация не требовала особой догадливости: в помещение спа-центра, что в подвале офицерской гостиницы, можно было пройти только по ключу кого-то из размещённых тут официально.

Чоу задумалась на мгновение, что бы такое соврать в ответ. Ей не хотелось говорить, что она тут с иностранным военнослужащим.

К её великому сожалению, Моше появился в следующую минуту. Пришлось всех друг другу представлять заново.

«Массажные процедуры», которые хань планировала прямо здесь, с парнем наедине, теперь откладывались до возвращения в комнату.

— Как насчёт пива?! — Моше был галантен, весел и обходителен; и обращался сразу ко всем.

Принимающая сторона откладывала какие-то совместные игрища на пару дней, поскольку необходимое израильтянину оборудование ещё не было доставлено. Армия, что с неё взять.

Моше был все эти дни свободен, как птица в полёте, чем и

решила воспользоваться китаянка.

— Нет. — Коротко ответила на предложение мужчины темнокожая, меняя положение и поворачиваясь к нему спиной (на самом деле, вытягивая в их сторону свои пятки, поскольку пребывала в горизонтальном положении).

Камила украдкой посмотрела на свою спутницу, и собралась было даже что-то ответить Фельзенштейну, но негритянка не дала ей раскрыть рта:

— Камила тоже не будет. — Достаточно невежливо сообщила она за подругу.

— Может, она сама ответит? — вопросительно поднял бровь Моше.

— Может, ты будешь командовать в своей армии? — отзеркалила мулатка. — А в гостях будешь себя вести вежливо? Камила, это та узкоглазая падла, с которой контры у Коротышки? — продолжила сержант уже на Portuguese, который никем кроме врача не был понят.

— Да. Это она. Но ты бы повежливее, — хмуро проворчала Камила. — Парень из Израиля, кстати, нормальный. Он Алекса выручил.

— К нему и претензий нет. Пусть ебёт свою узкоглазую, но не лезет к нам. — Жойс откровенно маялась похмельем и пребывала оттого в плохом настроении. — Мне кажется, эта курва специально тут окопалась, чтоб… — дальше сержант откровенно запнулась, не зная, что бы такое выдумать.

В голову ничего не шло. О ЮньВэнь она уже слышала от Камилы и возможности китаянки в плане влияния представляла себе вполне трезво. Той не надо было специально жить в Корпусе, чтоб иметь доступ ко всем подряд делам Коротышки (реши она подгадить).

— Похоже, вежливость и воспитание с трудом пробивают себе дорогу в местных палестинах. — Ни к кому не обращаясь, уронил израильтянин на всеобщем.

— Палестина — это не сюда. Это у себя дома ищи. Плюс всё, что к ней прилагается. — Не осталась в долгу кафузу. — Вежливость там, обхождение и прочие радости жизни.

— До чего же вы все тут антисемиты, — ровно проговорил Моше, вытягиваясь рядом с Чоу.

— Да щ-щас! Особенно я! Я сама ниггер, если что. Так что не рассказывай мне о том, как тебя везде притеснили. — Фыркнула темнокожая. — К тебе претензий не имею. А за обхождением — не сюда. К своей, — Жойс кивнула на нервничающую китаянку.

— Ты сейчас откровенно нарываешься. — Вздохнула Камила.

— Похуй. Я у себя дома. Это они в гостях.

_____

ЮньВэнь увела Моше из сауны очень быстро.

Камила и эта её невоспитанная чёрная подруга, нимало не стесняясь, после мрамора с подогревом, принялись плавать наперегонки отрезки по двадцать пять метров. Местный бассейн годился и для этого.

Всё бы ничего, но местные военнослужащие, похоже, вообще не оперировали понятием стыда. Когда эта чёрная, поднявшись с горячего мрамора, отбросила полотенце на сушилку и бухнулась в бассейн нагишом, Чоу только широко открыла глаза и отвесила челюсть.

Когда следом за ней, брякнув подруге что-то на своём языке, то же самое повторила и Карвальо, это оказалось уже слишком для деликатного воспитания китаянки.

При всех своих плюсах, рельефом определённых частей тела с этими двумя она сравниться не могла.

Моше, как на зло, присвистнул и даже напялил очки, чтоб лучше видеть бассейн (до сего момента, они спокойно лежали в футляре рядом с его вещами).

Уже шагая в номер к Моше, Чоу изо всех сил принялась размышлять, что же такое затевается в номере Единички. Это всё явно не было случайностью — даже Карвальо вон у него поселилась.

К сожалению, последние пару десятков часов ЮньВэнь абсолютно неподобающим образом игнорировала треть служебных обязанностей. Стыдно признаться, но совместное нахождение с Фельзенштейном не оставляло времени даже на то, чтоб присматривать за регулярными несрочными процессами.

Дядя Ли, кстати, проявил неожиданную тактичность и перезвонил вчера первым. Ни о чём не спрашивая, он сказал, что будет не против, если она какое-то время останется тут. Может поработать удалённо какое-то время.

Скабрезно похихикав, он добавил, что молодые годы проходят очень быстро. А замуж порядочные девушки в его времена выходили, будучи на десяток лет моложе сегодняшней ЮньВэнь.

_____

— Соискатель Алекс, работу не засчитываю.

— Почему?! — сказать, что я изумлён и раздосадован, это ничего не сказать.

По-хорошему, краткий курс теории государственного управления мне нужен, как рыбке зонтик. Но спорить с Баком в

тех обстоятельствах было нереально, пришлось подписываться.

К счастью, Алекс тогда сказал, что бояться не надо и что это будет лёгкой формальностью. Он отслеживает кое-какие тенденции в мире вообще, у нас в частности; вряд ли местная общественная наука сможет чем-то удивить именно его.

Над заданием мы корпели, не отрываясь, все три часа — сдвоенную пару. Была опция: если я пишу контрольный срез на семьдесят процентов со старта, преподаватель мне ставит нужный рейтинг автоматом (хотя нужно оно вовсе и не мне, а куратору. Понять бы, зачем).

Алекс, в ответ на мои вопросы, тогда просто поржал и рассказал юмористическую (по его словам) историю из своего мира.

———

Командир сотни каких-то их местных ауксилариев и его подчинённый отдыхают под деревом в летнюю жару.

— Эх-х, и пить хоцца как! Жара-а! — подчинённый повторяет это несколько раз, пока не задалбывает командира.

— Пойди попей, — пожимает плечами тот на каком-то этапе, чтоб деликатно намекнуть о желаемой тишине.

— Дык оно вставать, иттить, воду с аршана доставать… — вздыхает негативно настроенный подчинённый. — Кому охота, ваше благородие… в жару-то…

Ещё через несколько минут причитаний подчинённого начальник в итоге рявкает:

— Ведро воды мне! Бегом!

Тот мигом вскакивает и через минуту возвращается с запрашиваемым.

— Пей, дурак… — начальник поворачивается на другой бок и спокойно засыпает.

Алекс счёл эту историю невероятно смешной. Потому, пересказав её мне, ржал ещё с минуту.

На мою ремарку о том, что скрытый смысл от меня ускользнул, он отбоярился тем, что я всё пойму позже. Когда вырасту.

А мне пришло в голову, что раскидистое дерево не может находиться от источников воды далеко: банально засохнет. Видимо, технологии и инструменты выживания у тех ауксилариев были примитивными. Если они не могли качнуть воды из дерева напрямую, через фильтр-насос (идёт комплектом к каждому рюкзаку и распечатывается на принтере по умолчанию).

———

А сейчас, на железном (по словам Алекса) массиве информации, у меня не хотят принимать работу.

Оно, может, и некритично. Но времени (дай бог здоровья куратору) реально не хватает даже на то, чтоб сходить с Жойс в сауну… кхм…

(Они, кстати, только что с Камилой оттуда фотографии прислали. Написал им, что с ними должен был быть я. Жойс прислала в ответ поцелуй, а Камила — фото полуголых Чоу с Фельзенштейном в простынях. И приписку, что у них уже есть рядом кое-кто. Когда я сказал, что сейчас сам туда приду, Камила похихикала текстом и сообщила, что Жойс уже выжила сладкую парочку из спа-комплекса неуместной грубостью и угрозой мордобоя).

Если же посещать этот предмет, как положено, у меня время будет расписано не по минутам, а по секундам. А из местных уроков я вынес одну очень ценную мысль: у хорошего специалиста либо командира всегда есть резерв.

Резерв людей. Резерв времени. Резерв ресурсов, будь то продукты или запчасти.

Если дать преподавателю зарубить меня сейчас, лично мой невеликий резерв времени закончится прямо на старте. А у меня масса деликатных дел впереди. Как же это всё невовремя…

Кстати, в блоке информации уверен не только Алекс, но и я: ради проверки, набрал прямо сейчас Фархата и кое-что уточнил. Он подтвердил.

Опрос внешних источников условиями работы не запрещается.

— Почему не засчитана работа?! — повторяю вопрос, поскольку эта отвратная бабища, кажется, не услышала меня из-за хлопнувшей двери.

— Я не согласна с ключевым направлением трудовой миграции, указанной вами. — Она выводит на большой экран мою работу и отчёркивает указкой несколько строк. — Вы логично сформулировали предпосылки, но сделали неверные выводы.

— Почему вы считаете мои выводы неверными? — сейчас главное не закипеть.

Получается, из-за Бака я сейчас тренирую ещё и воспитание, чёрт его дери. Моего опыта тут хватает, чтоб понять: начни я сейчас говорить с резких позиций, договориться вообще не получится.

Интересно, а не приручает ли меня Бак к чему-то таким образом?!

— Вот данные по миграции Лиги. Вот ваши направления. Вот

данные по Заливу. — Дама смотрит вежливо.

Как ни парадокс, она сейчас искренне желает мне позитива плюс верит в то, что говорит.

Спасибо чипу и его возможностям. В другом варианте, я б уже наколол дров, не сходя с места…

— Я могу набрать куратора, если не согласен с вашей оценкой?

— Ваше святое уставное право, — кивает она.

С Баком получается поговорить ровно две минуты, из которых минуту сорок пять секунд говорю я. Объясняя диспозицию.

— Поясните ей свою аргументацию. Если не пройдёт, пришлите работу мне и подайте заявку на апелляцию. — Бак отключается.

— Куратор сказал поспорить с вами, — разворачиваюсь к ней.

— С удовольствием, — она разворачивает персональный экран к себе. — Почему вы указали Залив в качестве приоритетного направления? Именно это подрубает всю вашу стратегию выводов.

— Абсолютно случайно, я говорю и читаю на этом языке. Вот статистика с их сайта, — вывожу на её экран со своего комма правительственный сайт самой богатой страны Залива. — Я не особый спец по Лиге, хоть и сам тут живу. Но в арабах я уверен.

— Почему? — она, кажется, начинает испытывать искреннюю растерянность. — А тут всё какой-то вязью… я не понимаю. — Пятидесятилетняя мадам хлопает глазами и нервничает, как будто это у неё срывается зачёт по предмету.

— Я говорю и читаю на этом языке, — напоминаю. — Я не знаю, откуда брали данные по миграции последнего квартала составители вашего вопросника. Но статистику Королевства Саудитов обрабатывают японцы. Компания на аут-сорсе, из мировой тройки, — говорю название поставщика услуг, попутно указывая строку в тексте. — Жаль, что вы не понимаете.

— Они не могут ошибаться? — её тон меняется.

Она начинает усиленно думать, перебирая варианты. Агрессии либо негатива в её эмоциях нет.

— Вы в курсе, что сделают шейхи с куффаром, если он на их земле бросит тень на Королевскую семью? — фыркаю. — У них обман на таком уровне исключён религией и устройством государства. Для примера, знаете, что у них делают за обвес на базаре?

— Что? — а сейчас она излучает любопытство.

— Рубят руку. А обман всех от имени Короля, путём подтасовки статистики на сайте Семьи… даже не знаю, как вам

объяснить.

Я действительно не знаю, как. Если она не может прочесть зелёным по белому. Потому что не знает языка, входящего в первую десятку.

— Это бы поставило под сомнение не только их репутацию, а и весь действующий порядок вещей там. — Продолжаю попытки донести то, что очевидно мне, но совсем не прозрачно для экзаменатора. — Совравший в мелочи монарх там — это нонсенс. Если они говорят, что к ним за последний квартал въехало девятьсот восемьдесят тысяч, а выехало двести, значит, так оно и есть.

— О, нашла… — Невпопад отвечает она. — Да, вы правы. Статистикой и обслуживанием сайта действительно занимается эта японская компания, что вы сказали… С арабами не сталкивалась, но японцы точно врать не станут… дайте мне минуту…

Её минута затягивается на добрые пятнадцать.

Терпеливо жду, отбиваясь от вопросов Жойс по второй линии (мы с ней собирались наведаться в сауну в подвале прямо сейчас, вдвоём, хотя б на десять минут; раз Камила пока остаётся вместе с нами в номере).

— Нашла! — Раздаётся, наконец, голос преподавателя. — У меня в таблицах ошибка! Откопировались автоматом данные прошлого года, а последний квартал этого вообще без данных.

— Данные есть, — аккуратно напоминаю. — Только с сайта-источника. Но он по-арабски. Не сочтите за наглость, но это у вас нет данных. А у меня они есть. И я, в отличие от вас, очень хорошо знаю, в каком регионе надо создавать точки опоры именно в этом квартале. Почти миллион мигрантов в Заливе ровно в пять раз больше того количества, что пустила к себе Лига.

— Логично. Но любой сложный расчёт должен иметь простую проверочную методику. Давайте сейчас вместе с вами проверим ваши тезисы.

Кажется, её настроение меняется быстрее ветра. Сейчас она просто пышет энтузиазмом.

— Как? — вздыхаю.

Похоже, сауна с Жойс отменяется либо откладывается. Потому что через полчаса у меня следующее занятие.

— Вы можете перевести данные, из каких стран какой процент мигрантов въехал? — она заносит руки над виртуальной клавиатурой. — А я проверю эти цифры по странам, откуда они уезжали. По тем, у которых сайты дублированы на Всеобщем[3], — поправляется она.

— Легко… ЖонгГуо сто семьдесят тысяч. Филиппины сто

тысяч...

Глава 20

— Слушай, а зачем ты его вообще отправил на штурмовой полигон?! Бак! Я тебя, конечно, уважаю, — заведующий кафедрой, крупный высокий мужчина, навис над старшим преподавателем и заглянул в его рабочий экран через плечо.

На экране плясали диаграммы и схемы в трёх редакторах. Сам Бак со скоростью пулемёта редактировал методические пояснения к паре упражнений на одном неафишируемом ландшафте.

— Бля, всё ишачишь… Я думал, ты там кино или порнуху смотришь с серьёзным видом, — разочарованно вздохнул полковник.

— Зачем порнуха, если есть… — лучший куратор кафедры не договорил мысль, изловчившись и запихивая на схеме шумоимитатор туда, куда он с трудом влезал по габаритам.

— НА ШТУРМОВОЙ ПОЛИГОН ЗАЧЕМ ПАЦАНА ПОСЛАЛ?! — повысил голос шеф, вырывая своего креативного подчинённого из творческого поиска. — Он же совсем другой специализации? И этот пулемёт ты туда тоже не воткнёшь, там холм ниже и тебе половину сектора режет, — добавил начальник, оценивая создаваемую на экране диспозицию.

— Как раз пулемёт нормально стоит, пять метров от склона, — автоматически парировал Бак. — Мёртвая зона так и задумана. Я даже помню один момент, когда оно в реале так было… м-м-м… куда ж деть две искры воды…

— Мне тебе экран разбить? Чтоб ты на меня внимание обратил? — Абсолютно спокойно и негромко предложил полковник.

— Щас… извини… до точки дорисую… — Бак наконец развернулся и весело потёр руки, как будто в предвкушении. — Во-первых, в жизни бывает разное. И штурмовать тоже бывает нужно такими, к-хм, ресурсами, что не мне тебе рассказывать.

— Да то понятно. Но зачем искусственно нагнетать? — недовольно поморщился шеф. — Или ты решил создать прикладной справочник идиотских исключений из правил?

— Наш вундеркинд заявился на ближайший турнир по прикладной искре. — Сообщил подполковник. — В рамках подготовки к турниру, и для рекламы, он у меня сейчас вообще все первые семь участков обойдёт.

— Зачем? — непонимающе свёл брови заведующий кафедрой. — Что оно даёт?

— Смеёшься?! — встречно удивился Бак. — Пацан в

присутствии трёх и более одарённых слетает с катушек шесть раз из семи. У него банально нет ни коммуникативных навыков в этой среде, ни культуры держать себя в руках. И вначале думать, потом делать. Ну представь. — офицер откинулся на спинку. — Раздевалка или комната доподготовки. Пять-семь клановых, причём из верхушки. На носу, скажем, полуфинал.

— А нашему вундеркинду, допустим, кто-то на ногу наступает. — Хмуро подхватил мысль полковник, тяжело вздыхая.

— Да зачем так сложно? Просто в сердцах козлом назвал. — Сложил брови домиком куратор. — Не зная биографии нашего.

— Это будет эпично! — заржал полковник, впечатлившись представленной картиной и расплёскивая кофе из чашки по полу. — Вот бл… Ай, ладно. Высохнет — само отпадёт… — грустно добавил он, обходя по дуге образовавшуюся лужу и направляясь за свой стол. — А ты, стало быть, решил его чуть прокачать на ниве межличностных коммуникаций?

— Да. И с ним это полностью согласовано. Кста-ати, хорошо, что ты напомнил! Ну-ка, подпиши, пожалуйста, — куратор ткнул в пару клавиш и комм полковника тренькнул входящим сообщением.

— Система штрафов… на период… дисциплина… коммуникационные срывы… ТЫ БЕЛЕНЫ ОБЪЕЛСЯ? — поднял заведующий кафедрой глаза на подчинённого, дочитав до конца. — Что за бред?! — его искреннему изумлению не было предела. — Ты заметил?! Каждый раз, когда я думаю, что дальше уже некуда, ты опять изобретаешь какую-то новую хуйню, которую на уши не натянешь!

— С ним всё оговорено, — спокойно возразил Бак. — Его подтверждение есть внизу документа. Более того: он сам согласился, что через карман быстрее доходит, если надо меняться быстро. А времени лично у него на раскачку нет.

— Штрафы на несовершеннолетнего — это незаконно! Ещё и по загодя подписанной схеме! — продолжал разоряться полковник в искреннем возмущении.

— Лео. Тебе что нужно больше, полуфиналист на турнире? Или эпитафия на памятнике? — вкрадчиво наклонил голову Бак.

— Какая эпитафия? — непонимающе дёрнулся в сторону начальник.

— Ну как какая. «Он всегда соблюдал инструкции. Оттого его люди никогда не занимали призовых мест». — На полном серьёзе изобразил трагизм ситуации подчинённый. — Лео, уникальные ситуации требуют уникальных инструментов! Ты не поверишь, сколько мы с ним вариантов перебрали, чтоб его реально

замотивировать на прогресс в общении, — устало и уже серьёзно выдал главный аргумент куратор. — И потом, если тебе это прямо так критично, подпиши параллельный приказ. Об автоматической компенсации ему же, в случае вычетов. Просто второй приказ пока показывать не будем…

— Да что за мракобесие! А в следующий раз ты что придумаешь?! Ладно, держи. — Резко успокоился заведующий кафедрой. — А насчёт полуфинала правда? Ты действительно думаешь, что нам есть на что надеяться?

— Да. По трём причинам. Первая: на ближайшем турнире очень сильный разброс по уровням. Если ему хоть чуть повезёт с жеребьёвкой и турнирной сеткой, он и самоходом до полуфинала дойдёт. Вторая: Энзи ж явно не успокоятся. Да и Штавдакеры тоже… включая Исфахани. Они его тут однозначно погоняют. Ничего серьёзного мы, конечно, не допустим. Но в форму они его явно введут.

— А что третье? — проникся весомостью аргументов полковник.

— Энзи в столовой. Штавдакер в реальной обстановке на полигоне. Честер под концентратором на дуэли, — пожал плечами подполковник. — Вполне себе нормальный третий ранг по совокупности. Если мерить на искру. Бывали и чемпионы с таким рангом.

— Не сравнивай, — сварливо буркнул полковник, возвращая согласованный документ. — Там искусство какого уровня было!

— А ты очень зря сомневаешься в его мотивации и уровне. Гляди, какие он учебники читает и как налету кирпич бьёт, — куратор поднялся, подошёл к столу начальника и толкнул свой комм скользить экраном вверх, в сторону шефа.

— Что за кирпич? Как бьёт? — мгновенно заинтересовался полковник.

— Силикатный. Кулаком или головой. — Бак вошёл в нужную директорию с виртуальной клавиатуры. — Смотри всё по порядку.

_____

Там же. Через две-три минуты.

— Хуясе. — Заведующий кафедрой покачался в кресле.

Затем подошёл к раскрытому окну, набрал на минигазоне подоконника горсть гальки и принялся некуртуазно швырять мелкие камушки по летающим голубям.

— Вот и я впечатлился, — сообщил вдогонку Бак. — Но ты представь, как будет обидно, если в одной шестнадцатой кто-то кого-то в сердцах обматерит или на три буквы пошлёт. А наш вундеркинд среагирует в своей привычной квадратной манере.

— Бля, вот не надо, — поёжился полковник, не оставляя попыток попасть хоть в одну птицу. — Дисквалификация — это обидно. Слушай, а как мы с тобой это раньше проглядели?

— Ты сейчас о чём?

— Ну, если неодарённый простак может штабелями класть одарённых, причём достаточно сильных. Почему мы с тобой раньше полжизни ушами хлопали?

— Лео, ты такие заявления, пожалуйста, делай только от своего имени, — Нейтрально заметил куратор. — Ты, когда себя говном начинаешь мазать, меня с собой не тащи. Я тебе уже который день как отправил скелет его методики. Именно по этому вопросу. Со своими обоснованиями, выкладками, подтверждающими видео.

— Ладно-ладно… — попытался сдать назад начальник.

— НО ты пока даже не открыл этот файл! — продолжил Бак, повышая голос. — А между тем, именно потому, что я держу руку на пульсе, это вообще стало возможным. Попутно: ты много знаешь наших кафедр в Федерации, занимающихся этой проблемой?

— По нолям. — Согласился полковник. — Это и пугает. Первопроходимцем всегда быть страшно.

— Не передёргивай. Пацан начал бить рыла всем без разбора вообще до нас. Энзи с ампутированной рукой в столовой, — напомнил Бак. — Честера, кстати, он тогда вообще нокаутировал слёту, но это просто забылось на фоне Энзи.

— Да. Там эпичное видео. — Решаясь на что-то окончательно, не стал спорить полковник.

— Далее полигон. Оглушённый инфрой Исфахани, в три секунды кончил Штавдакера. На встречной атаке, — продолжал напоминать подполковник. — Ну, о Честере я молчу. Кстати, мне тут Базил интересную мысль подкинул.

— Кто? — снова изумился заведующий кафедрой. — Этот физкультурник?!

— Их училище называется иначе, — хихикнул Бак. — Они гордость десанта… но да, он. В общем, Базил без затей, в лоб и откровенно, спросил: это частный случай? Или новое веяние в методике и тенденция следующего этапа? Справедливости ради, такой глубины вопроса я от него сам не ожидал.

— Времена жгут, — полковник, наконец, попал камушком в одну из птиц и теперь бросал оставшиеся без перерыва, один за другим, пытаясь за счёт плотности огня накрыть как можно больший сектор.

— Слушай, а у нас его сманить не захотят? — Невпопад спросил он. — И что ты ответил Базилу?

— Базилу сказал, что пока сами разбираемся. Надо понять,

насколько это тиражируемо: штучные специалисты всегда обходятся дороже. А насчёт сманить — вообще не боюсь.

— Поясни?

— Парень вообще не видит себя в армии. С нами, с его слов, лишь временно. План на жизнь расписал достаточно подробно, я впечатлён. Выступать какое-то время готов продолжать — он чем-то ханьским увлёкся, оно вкупе с философией идёт. В общем, такие всю жизнь занимаются.

— А лучше условий и базы для тренировок, чем у нас, ему не найти. — Мгновенно повеселел полковник, сходу уловив весь расклад. — Блин, прямо интрига заворачивается!

— На этой оптимистичной ноте не могу удержаться от использования момента. Лео, а ты не хочешь нашим молчи-молчи намекнуть, чтоб они с парня хоть чуть-чуть, если и не пылинки посдували, то хотя бы кланы подальше подержали? Честеры ж не угомонятся. Как и Энзи. Как бы чего раньше времени не вышло… они тоже народ изобретательный.

— Нет смысла. Нашего молчи-молчи убирают, — угрюмо сообщил начальник. — Он не будет пахать против ветра за несколько недель до пенсии.

— Скорее, не будет наживать таких врагов, эхх… Когда стоит прямая перспектива трудоустройства после увольнения, — понимающе вздохнул Бак. — Потому что так он может к ним же и работать пойти… Блядь, ну почему от них всегда только проблемы — и никогда никакой пользы?

— Специфика менталитета и профессиональные деформации. Ладно, будем надеяться, наш вундеркинд справится.

_____

Вычислительный центр департамента полиции.

Старший уходящей смены, выходя из дежурного помещения, в конце коридора заметил высокую и нескладную фигуру.

— Наркет, стой! — воодушевился он и замахал рукой старому знакомому, ускоряя шаг.

— Привет! — на три раза обнял его мосластый и нескладный парняга лет тридцати пяти, похожий на богомола.

Посетитель вычислительного центра тоже перехаживал в капитанах, но в отделе по борьбе с дурью. В узких кругах имел он ровно два прозвища, вторым из которых было «Кузнечик».

— К нам и не заходишь? Не окликни я — небось, и не поздоровался бы? — укорил борца с наркотой товарищ.

— Вот неправда, — обиделся тот. — Я б после канцелярии сразу к тебе зашёл! Чтоб никуда не торопиться. Как вы тут? — уже спокойно спросил он у товарища, с которым лет пять назад играл в одной волейбольной команде за департамент полиции (и

даже выигрывал один раз муниципальный кубок).

— Да мы нормально, что нам сделается, — вздохнул старший смены ВЦ. — Я тебе что сказать-то хотел… Тут один пацан надысь приходил, у него мать машиной переехало квартал тому. Я ему наши записи давал смотреть…

— Мне это всё зачем? — непонимающе перебил товарища высокий. — Ты меня ни с кем не путаешь?!

— А ты с Мали общаешься? — теперь глаза техника смотрели цепко и жёстко.

— Ну, по работе если, — недоумённо подвигал бровью Кузнечик. — Так, как с тобой, семьями не сиживал. Ты ж понимаешь, у нас кухни конкурируют.

Неафишируемые финансовые дела, порой переходящие в серьёзные бизнесы, у борющихся с дурью регулярно пересекались с делами криминальной полиции. Иногда доходило даже до стрельбы.

Кузнечик, он же Наркет, от повышения на штабную работу в Департамент отказывался регулярно и вот уже много лет принципиально оставался на «земле».

Район, за который он отвечал, был единственным, где дистрибуторские сети лёгких, средних и тяжёлых наркотиков были разнесены на группы совсем разных «ног».

Иначе говоря, только на его участке криминальная полиция жила с борцами с дурью если и не в мире и согласии, то, по крайней мере, без прямых конфронтаций. А иногда даже и сотрудничая.

Старшего смены ВЦ Кузнечик знал с детства, поскольку учился ещё в той же школе, только на два класса старше. Периодически они общались и семьями, и чужими друг другу не были: сложно назвать посторонним того, кого ты, как облупленного, знаешь более четверти века.

Сейчас сотрудник ВЦ по прозвищу Череп задевал один очень деликатный (и потенциально болезненный) для Кузнечика вопрос. Разумеется, вся торговля наркотой на участке не просто крышевалась полицией. Именно на земле Кузнечика, полицейские были фактическими владельцами трёх дистрибуторских сетей, торгующих дурью.

На заре молодости, Кузнечик окончил училище военных сообщений, куда перевёлся на третий курс после двух лет армейского же училища тыла. К удивлению всех, будучи почти отличником, от карьеры в министерстве обороны он отказался. Вместо этого, направился в нищую (по сравнению с армейскими мерками) полицию.

В полиции он удивил новое начальство ещё раз, когда отказался принимать тоже тыловую должность. Вместо этого, Кузнечик попросился глотать пыль на земле. Начальство искренне

поизумлялось такому патриотизму, но порыв приветствовало.

А ещё через три с половиной у Кузнечика была своя, собственная, розничная сеть дистрибуции наркоты. Выстроенная по всем правилам бизнес-учебников и тыловых процессов, которые он достаточно профессионально изучал к удовольствию стариков-преподавателей.

Череп, как сидящий на «математике» и общавшийся со старым товарищем без купюр, отлично знал тенденцию: если борец с дурью создаёт хорошую сеть, его тут же хлопают ребята из криминальной полиции (которым не нужны конкуренты).

Работала эта схема и наоборот. Криминальные полицейские, в отличие от борцов с дурью, предпочитали заниматься тяжёлыми наркотиками (специфика службы). Несмотря на непересекающиеся товарные категории, одни полицейские постоянно конфликтовали с другими, вплоть до «ошибочной» стрельбы друг по другу.

Кузнечику удалось то, чего в муниципалитете никто никогда до него не делал.

Товар был сегментирован на три группы, по цене и тяжести.

Лёгкие растительные вещи распространялись среди молодёжи, работяг, и прочего небогатого народа.

Опиаты и прочая медицина, будучи чуть подороже, толкалась уже совсем другому портрету потребителя.

Тяжёлая синтетика, вызывающая зависимость с первой дозы, имела самую большую текучку клиентской базы (по понятным причинам), но и она была поставлена на профессиональную ногу.

Просто в самом начале Кузнечик сделал то, чего не пытался провернуть никто до него: он пошёл и в лоб договорился с криминальными полицейскими. Со своей стороны, он им поставил логистику, ценообразование и систему контроля качества входящего товара.

Впечатлившись возросшей прибылью, ребята из крипо отблагодарили его по-взрослому и без подстав. А он взамен прописал и отладил им ещё и систему CRM.

В результате научного подхода, его «соседи» и коллеги получили в свои руки баснословный по прибыльности, управляющий рисками, постоянно наполняющий клиентскую базу новыми покупателями, процесс управления отношениями с клиентами.

После чего, на его сеть лёгких растительных наркотиков вообще никто не смел и глянуть косо. Ибо новые товарищи из смежного подразделения оказались людьми порядочными, и чужих не допускали не только к своим, а и к его «ногам». Абсолютно ничего не требуя взамен и ценя его мозги (порой ходили посоветоваться о коррекциях процессов. Он всегда помогал, и тоже бесплатно).

Сейчас Кузнечик искренне думал, зачем старому товарищу понадобились такие непростые детали его прибыльного, но непростого бизнеса. Мали был заместителем начальника криминальной полиции в его районе и, по совместительству, одним из совладельцев дистрибуции синтетики (третья сеть, опиаты, уже второй год управлялась Кузнечиком и Мали в паритете, на паях)[4].

Глава 21

Тем, кто успел прочесть предыдущую главу до последней правки.

Когда Череп рассказывает Кузнечику о визитёре, он говорит: «Тут один пацан надысь приходил, у него мать машиной переехало квартал тому. Я ему наши записи давал смотреть…».

_____

— А что? — Кузнечик решил ответить вопросом на вопрос.

Бережёного и бог бережёт, мало ли. В зависимости от ответа товарища, собственную позицию потом можно будет и скорректировать.

— Пацан, говорю, приходил глядеть запись, — повторил математик. — У него мать машиной сбило. Грузовиком. Первая Транспортная Компания.

В этом месте несостоявшийся военный моментально выбросил из головы посторонние мысли и полностью сосредоточился на беседе.

— Что за запись? Что за мать? — мгновенно сделал стойку Кузнечик.

Первая Транспортная была одним из инструментов, который использовался как для хранения, так и для транспортировки небольших мелкооптовых партий внутри муниципалитета. Ещё она чуток работала «на экспорт».

— Вот, гляди. — Старый товарищ достал личный комм и продемонстрировал запись. — Сбросить тебе? — спросил он по окончании видео.

— БОЖЕ УПАСИ! — мгновенно отозвался наркополицейский. — НЕ НАДО! Я увидел всё, что мне нужно. Разбираться, тут ты прав, будет Мали. Это его делянка. А чего это ты тему вдруг поднял?

— Ну, пацан очень грамотно общается. Знает, как спросить и что ответить, — чуть подумав, сформулировал подозрения Череп. — Если он будет дёргать за колокольчики дальше, мало ли, чем оно вам аукнется?

— Вообще-то, в Первой Транспортной далеко не все машины при делах. — Приоткрыл общей фразой часть мозаики Кузнечик (тем более, старый товарищ и так много о чём догадывался). — Тут вероятность один к … тридцати. — Он хотел вначале сказать «к девяти», но потом подумал, что это будет слишком

откровенно.

— Не моё дело! — понятливо открестился математик. — Я просто хотел предупредить, что к вашей теме были вопросы снаружи. И, если Мали это будет интересно, могу сбросить айди пацана.

— Пятьсот. — Моментально среагировал Кузнечик, доставая банкноту. — Считай, от Мали. У него я потом сам своё заберу. Что за айди?

— А вот его палец. Вот по пальцу — общая биометрия. Вот — комм, с которым он сейчас бегает. — Череп добросовестно перегнал данные на товарищу.

— Ты это… забудь и про пацана, и что он к тебе приходил. — Чуть угрюмо посоветовал другу наркополицейский. — На всякий случай. Деньги, сам понимаешь, любят тишину.

— Уже забыл. — Покладисто кивнул математик, аккуратно складывая деньги в карман. — Вот, даже у себя всё удаляю, — повернув экран к товарищу, он стёр из памяти и сам ролик, и ссылку на него, и вообще всю директорию. — Всё. Случайный сбой. Никаких данных.

— Спасибо, буду должен, — резко заторопился Кузнечик, получив файлы. — Ты звони, если что.

_____

Моше местами ликовал.

После пары дней набившего оскомину ожидания, долгожданное оборудование наконец прибыло.

Что ни говори, армия Федерации — никак не родная. Бардак на бардаке, и идиот на идиоте. Что тут только за логистика…

Впрочем, когда солдат спит, служба всё равно идёт. Плюс новая знакомая, китаянка ЮньВэнь, не выходила из его номера последние двое суток (даже работала отсюда). Последний факт более чем ярко скрадывал унылость армейского быта Фельзенштейна.

Командировочные, кстати, сейчас ему платятся почти по максимальной ставке, поскольку заграница и от дома несколько тысяч километров (больше начисляют только за плен, но оттуда попробуй ещё вернись).

Для большинства его сослуживцев это был бы предел мечтаний: бабки, баба и абсолютно свободное время.

Было лишь одно «но». Моше никому и никогда этого не говорил, но он искренне любил свою работу. Когда он поднимал в воздух любой из аппаратов, даже самый мелкий дрон, он через его средства наблюдения и пилотирования начинал жить какой-то особой жизнью. Словами не передашь.

Ящики с родины сложили на отдельном складе, куда доступ оставили ему одному: от греха подальше, как сказал местный унтер. Можно было, конечно, потребовать (и получить!) вспомогательный личный состав — для быстрого развёртывания.

Но, поразмыслив, Фельзенштейн здраво рассудил, что торопиться ему некуда. Солдат спит, служба идёт. Опять же, ЮньВэй и повышенные командировочные…

Для пробы воздуха, он решил сегодня покатать исключительно на мини дронах, плюс отладить станцию управления. Собрав за пяток часов всё необходимое в одиночку, он раскрыл крышу ангара (была в выделенном ему помещении и такая опция, специально оговоренная — сами запуски, как и станцию, никто не должен видеть со стороны).

После этого он выпустил по четырёхкилометровому периметру сразу пять мини-дронов, гоняя их по расширяющейся спирали.

Аккуратно и тщательно прогнав стандартную серию тестов, он с удовлетворением убедился, что всё работает нормально. Ещё какое-то время на адаптацию — и можно хлопать по плечу федералов. Он свою часть работы делать готов.

Привычно принимая пять параллельных картинок, он автоматически наблюдал обстановку и ни о чём особо не задумывался. Ровно до тех пор, пока возле одного из макетов зданий, на самом краю полигона, не увидел знакомые походку и движения.

Моше резко поднял головной дрон выше, за пределы физиологической слышимости и на границу видимости. Остальным щёлкнул команду возвращения на базу. Потом активировал специальный комплекс оптики.

А ещё через четверть часа наблюдений за отдельно стоящим зданием и человеком рядом с ним, он удивлённо присвистнул. Ошибок быть не могло.

Поколебавшись с полминуты, исключительно из природной аккуратности прикидывая варианты, он всё же засунул в карман куртки пульт. После этого тщательно закрыл на всю электронку ангар, проверил личный ствол и порысил на тот край полигона.

_____

— Объясниться случайно не хочешь? — после бега сюда, Моше сопит, как молодой носорог.

Интересно, чего он нёсся? В принципе, я его слышал и до того, как он вынырнул из-за забора и присоединился ко мне. Но я до последнего не был уверен, что именно этот старый и разбитый макет может являться предметом ещё чьего-то интереса.

— Я должен тебе что-то объяснять? — ему удалось меня удивить.

— Не должен. — Чуть сдувается он. — Но я предлагаю вначале всё же поговорить. И зацени, я мог тебе вообще выстрелить в спину. — Видя выражение моего лица, он добавляет. — Ты бы ничего не успел сделать, поверь. А мне бы за это ничего не было.

— Ты с ума сошёл? — откровенно спрашиваю то, что первым приходит в голову. — Теперь ты объяснись. Что это всё значит?

— Запросто. — Он взбегает по лестнице на третий этаж макета здания и выбрасывает из второго справа окна все мои учебные гранаты. — Дано. Пацан шестнадцати лет, обижен на некую китаянку. — Продолжает он уже внизу, сверля меня взглядом. — Эта китаянка на неопределённое время остановилась с ним в одном здании. Живёт она у знакомого этого пацана, на третьем этаже. А этот самый пацан не первый час, судя по всему, развлекается тем, что бросает учебные гранаты в окно здания для тренировок, тоже на третий этаж. Уточняем: штатно по третьему этажу используется гранатомёт или подствольник, потому что мимо небольшого створа окна вручную запросто можно промазать.

— И что? — он явно к чему-то меня подводит, но я пока не понимаю.

— Пацан не хочет оставить следов, — наступает на меня Фельзенштейн. — Поэтому не планирует идти на склад за гранатомётом. А если кто-то, старательно и вручную, учится попадать в окно третьего этажа учебной гранатой, значит, собирается он туда бросить боевую. — Назидательно делает парадоксальный вывод мой новый товарищ. — А в нашем здании, на третьем этаже живу пока только я. Ну и ЮньВэнь со мной. — Он обличительно смотрит на меня. — Вот теперь ты мне скажи, какого чёрта.

В довершение предъявы, он подходит ко мне вплотную и сгребает мою форму на груди своей огромной лапищей.

— Во бля. — Вырывается у меня. — Неожиданно. А ведь я и не подумал, что меня можно подловить таким образом… Как ты меня тут обнаружил?

— Не пизди в сторону. Отвечай на вопрос. — Он продолжает удерживать меня, прилипая вплотную.

В принципе, где-то логично. Не умеющий бить человек, стоящий вплотную, сильно не ударит. А в борьбе с его полутора центнерами моим шестидесяти килограммам вряд ли что-то светит, по чисто техническим причинам. Как ни парадоксально, против меня именно у него больше всего шансов на

сверхкороткой дистанции.

— Дело в том, что твой третий этаж меня совсем не интересует. — Сообщаю ему чистую правду. — И вообще, это не твоё дело. А если ты меня сейчас не отпустишь, то очень здорово пожалеешь. Пять. Четыре. Три…

_____

ЮньВэнь давно так не бегала.

То есть, она, конечно, могла. Но практической необходимости не выпадало давно.

Когда позвонил взъерошенный Моше, достал её из душа и потребовал срочно прибыть на один из полигонов, она отметила его не на шутку взволнованное лицо и старательно скрываемые детали кадра.

Сердце отчего-то ухнуло в пятки. Хань мгновенно запрыгнула в кигуруми (другой удобной одежды, как назло, с собой не было). После этого, по внешней лестнице, босиком, сбежала вниз и во все лопатки рванула вслед за маленьким вертолётиком, который Моше послал ей в качестве указателя.

На самом краю дальнего сектора полигона, в районе заброшенного и давно не использующегося макета здания, она обнаружила своего парня (ну да, можно уже так сказать… решение она приняла).

Тот тряс за грудки Единичку и сыпал ругательствами на языке, которого она не понимала.

Мазнув взглядом по энергетической проекции Единички, Чоу тут же заорала от забора во весь голос:

— Моше, отпусти его!

Преодолев оставшиеся двадцать метров, она винтом вкрутилась между мужиками и неожиданно сильно оттолкнула их в разные стороны.

— Он тебя может убить за секунду, если захочет, — нехотя проинформировала она Фельзенштейна, подходя к нему вплотную и обнимая его за талию.

Прижимаясь к его груди щекой.

— Что между вами случилось? — она продолжала разговаривать только с Моше, прекрасно зная Единичку и не рассчитывая, что тот вообще станет отвечать.

Следующее мгновение её изрядно удивило.

Моше замялся, как пятиклассник, пойманный на женской половине бани. А Единичка возмущённо сказал на жонг-гуо:

— Он решил, что я тебя собираюсь убить!

— Неожиданно. — Оценила она. — Пожалуйста, говори на Всеобщем?

— Ты можешь определить, правду ли я говорю? — врубил в лоб Единичка. — Даже я могу. Ты же, наверное, тем более? С твоей девятой ступенью?

— У меня чуть иная специализация, — не стала скрывать Чоу. — Мне надо держать тебя за руку.

— Держи. — Единичка, к её возмущённому удивлению, рывком оторвал её от Моше и сунул ей в ладонь свою руку.

Ладно, поругаться можно будет и потом. Хань презрительно хмыкнула и переместила пальцы на запястье, как полагалось в данном случае.

— Можешь говорить, — разрешила она Единичке.

— Моше, ты был неправ в своих подозрениях на мой счёт. — Отчеканил Алекс. — У меня и в мыслях не было двигаться в ту сторону, которую предположил ты. Мои планы ни прямо, ни косвенно не связаны с тем, чего ты испугался и в чём обвинил безосновательно меня. Чоу, подтверди?

— Не врёт, — дисциплинированно согласилась ЮньВэнь, выпуская запястье Единички и старательно вытирая руку о его же куртку. — Ты потный, — пояснила она в следующий момент.

— Меня твой боров грел, — проворчал Алекс, разворачиваясь спиной и начиная собирать разбросанные макеты гранат.

— Блядь. Вот же… — дальше Фельзенштейн снова продолжил на непонятном языке.

Было очевидно, что это тоже ругательства.

— ЮньВэнь, ты бы не могла теперь оставить нас и вернуться в номер? — моментально повеселев, распорядился Моше.

Чоу фыркнула и, не говоря ни слова, в кигуруми и босиком направилась обратно.

— Вот сейчас Корпус обхохочется в недоумении. — Раздался сзади безэмоциональный голос Алекса. — Когда она обратно в розовой пижаме и босиком почешет через всю территорию.

Глава 22

— Вот сейчас Корпус обхохочется в недоумении, когда она обратно в розовой пижаме и босиком почешет через всю территорию. — Из вредности, говорю вслед Чоу так, чтоб слышал и Моше. Потом, подумав, добавляю. — Особенно когда все начнут фантазировать, чего это босая баба мчалась бегом делать в этой части Корпуса. Где отродясь никого не бывало, потому что сектор законсервирован, как вышедший из эксплуатации.

— О бля. Точно. — Как ни в чём не бывало, спокойным удавом, говорит Фельзенштейн.

И, достав из кармана штанов какой-то мега навороченный пульт, кричит своей ханьской пассии подождать минутку.

Она послушно возвращается и обнимает его, попутно выбрасывая в мою сторону средний палец.

— Не минута. Тридцать секунд, — говорю, когда маленькие многовинтовые вертолётики в количестве четырёх штук окружают Чоу, подобно сказочным мотылькам.

Ничего себе техника. Я и не знал, что такое бывает.

— Теперь можешь идти, дроны тебя проводят, — говорит он ей. — Крыша ангара быстро открылась. Привод стоит мощный, — обращается он уже ко мне. — Я думал, дольше открываться будет. Ну что, мир?

— Могу спросить, почему ты не ушёл с ней? — отвечаю, поворачиваясь к нему спиной и возвращаясь к своему предыдущему занятию.

То есть, к забрасыванию полных массо-габаритных макетов в створы окон третьего этажа оставшегося от здания скелета.

— А мне интересно. — Нагло отвечает он, оглядываясь по сторонам и явно прикидывая, где бы ему устроиться поудобнее.

— Ты не учитываешь два момента. Первый. Она — мой враг. К тебе у меня претензий нет, но к ней их масса. Если ты позиционируешь себя, как её половина, будь готов, что лично я буду проецировать на тебя своё отношение к ней.

— Я бы пока не бросался такими громкими словами и заявлениями, — на чистом глазу выдаёт израильтянин, нимало не смущаясь. — У меня нет половин, я сам — свой собственный и уникальный. В единственном экземпляре. При всех её плюсах, у меня есть определённые предубеждения в этой ситуации. Без подробностей.

— Защищал ты её, как себя. Думая, что я в ваше окно что-то интересное забросить планирую. Стрелять мне в спину собирался,

как один из вариантов.

— Ну, почему только её защищать, — о, наконец он смутился. — Я себя от третьего этажа пока не отделяю. Я же сам там большую часть времени провожу. Да и если б я имел ввиду тебе выстрелить в спину, ты бы об этом не узнал. Но не в том дело… Я не буду тебе сейчас всего объяснять. Но у меня вообще потребительское отношение к женщинам. А с ней есть и ещё барьеры, весьма деликатного характера, которые иностранцу рассказывать не буду. Несмотря на все её плюсы и выгоды, — повторяется он.

— Ну тогда ты — просто подлец. С которым я не хочу иметь никакого дела, — вырывается у меня, и я об этом тут же жалею.

Поскольку одна интересная идея, с подачи Алекса, только что возникла, вот прямо тут. О чём имел бы смысл попросить его, в интересах собственного замысла. С учётом того, что нашим судам он неподсуден по определению.

— Что за предъява? — возмущается он. — В чём это я подлец?!

— Баба в тебя втрескалась. Искренне. Не хочу сказать «бесповоротно», тут хрен их разберёт… её так точно… Но именно сейчас её состояние души в твой адрес описывается одним идиотским и пафосным словом.

— Это каким это? — неожиданно начинает тормозить Фельзенштейн, широко открыв глаза и удивлённо подавшись назад.

— Любит она тебя. Вернее, думает, что любит, — поправляюсь, сверившись с диаграммой и оценкой Алекса.

Он такие моменты и видит, и формулировать умеет намного лучше меня.

— А-а-а, любоф-фь, — презрительно отмахивается здоровяк. — Это несерьёзно…

— Давай вначале сверим формулировки. — Предлагаю. — Потому что то, что несерьёзно для тебя, может быть более чем серьёзно для неё. Как бы я ни относился к ней на личном уровне, но…

В этот момент Алекс по внутренней связи начинает истошно орать, что читать морали взрослому мужику, почти в два раза старше себя, не самая лучшая идея. Сложно не согласиться.

— Страсть, желание и эйфория. — Моментально отвечает Моше, как будто готовился. — На более продвинутом уровне — готовность нести ответственность. Вот лично у меня со вторым этапом напряжёнка. Не то что в её адрес, а вообще с бабами.

— А для неё любовь — это два момента. Первый — это искреннее и бескорыстное желание, чтобы этот любимый второй

человек был счастлив. Второй — это готовность жертвовать собой ради этого пункта.

— Какого пункта? — снова включает тормоза израильтянин.

— Ради искреннего счастья второго человека.

— Да откуда ты знаешь? — делано легкомысленно отмахивается он.

Хотя, слава чипу, настоящие его мысли и эмоции чуть иные.

— Я говорю на её языке. — Напоминаю.

— Пф-ф-ф, — презрительно фыркает он в ответ.

— Ещё — пишу и читаю. Плюс — знаю и понимаю некоторые аспекты их культуры и её производных, ибо серьёзно этим занимаюсь. — Не вываливать же детали про мастера Донга. — Можно поступить ещё проще.

Кажется, меня несёт. Но Алекс, в отличие от других моментов, многозначительно молчит, а потому я достаю комм и, повинуясь какому-то наитию, вызываю Чоу.

— Чего тебе? — грубо отвечает она на Всеобщем, косясь на стоящего рядом Моше

— ТЫ любишь его? — киваю на израильтянина.

— ДА. — С вызовом цедит она. — Но какое твоё собачье дело?

— Благодарю. Никакого.

— Ё…мать… — Фельзенштейн садится на грязный и пыльный бордюр, от которого секунду назад брезгливо воротил своё нос.

— Ну ты же умный и прошаренный, — теперь плечами поджимаю я. — Освободи, пожалуйста, мой сектор. Мне заниматься надо.

— Да херня эти твои занятия, — он автоматически и искренне сплёвывает на собственный ботинок. — Ты можешь на два дециметра промахнуться мимо створа окна, и твоя же граната свалится тебе на голову. Хуйню ты отрабатываешь. По третьему этажу подствольник нужен. Или гранатомёт. Твои руки-крюки, какими бы золотыми они ни были, тебе не помогут. На уровне системного подхода, скажем так.

— Сказать тебе, что я отрабатываю сейчас не просто заброс в окно? А рикошет от внутренней стены комнаты дальше, в коридор? — Улыбаюсь. — Бросаю с подкруткой. Основная сложность — гарантированно уложиться с броском во время горения замедлителя.

В принципе, особых секретов уже можно и не делать. Во-первых, он и так увидел всё, что нельзя. Во-вторых, на нашей территории у него и правда нет личных интересов (уж больно от нас далека и его родина, и их армия). Ну и в-третьих, мастер Донг учит внимательно относиться к практическому опыту всех без

исключения, даже чайников и ламеров, в области, с которой они сталкивались лично.

Судя по некоторым деталям, которые не подделаешь, Моше о гранатах в окна третьего этажа знает не понаслышке.

— Ещё лучше, — не разочаровывает меня он и глумливо ухмыляется. — Допустим, на окне стекло. Зимой, даже по вашему климату, от холода. Летом — кондиционер от жары. Твоя подкрутка от стекла рикошетит тебе на голову.

— Вообще-то, я об этом думал. Следующим этапом перейду в другой сектор. Там попрактикуюсь уже на окнах со стёклами.

— Не знаю, какие у вас стёкла, а у нас более семидесяти процентов в ряде районов — непробиваемые. Пулями, не то что твоей могучей рукой, — снова на автомате роняет он, погружаясь явно в мысли о Чоу. — А ещё есть такая плёнка, которой можно просто оклеить стекло. Тогда оно от удара треснет, но внутрь не провалится. Твоя граната всё равно тебе же и вернётся. На голову. Аккурат за время работы замедлителя…

А вот после этой ремарки я застываю на месте.

Даже в нашем районе такая плёнка используется доброй третью людей, обычно теми, кто побогаче. Я как-то этот момент из виду упустил.

С учётом большей благополучности того района, там этой плёнки может быть как больше (народ-то побогаче), так и вообще не быть (можно не бояться камней в стёкла от ночных мотоциклистов и аналогичных придурков).

Но заранее об этом не спросишь: «Извините, а в вашем здании стёкла с защитой?»

— Хуясе. — Теперь на бордюр сажусь уже я.

— А почему ты гранатомёт взять не хочешь?! — искренне недоумевает Фельзенштейн. — Если ты не на моё окно охотиться собрался?

Я ничего не отвечаю, он сверлит меня взглядом. Потом до него, видимо, что-то доходит. Он меняется в лице:

— Только не говори, что ты это для собственного города разучиваешь!

— А я тебе вообще ничего не говорил. И тебя сюда не звал.

— Понял, пошёл. — Он примирительно поднимает раскрытые ладони и собирается подниматься, чтоб уходить.

Ловлю его за ремень и рывком сажаю обратно:

— А расскажи-ка мне, мой эгоистичный товарищ, что из себя представляют эти твои маленькие вертолётики? Какое оборудование на них теоретически навешивается? И как они применяются?

— Эти — моя личная разминка. Ну, плюс наблюдение, по

большей части. А ты что, не можешь запросить на кафедре тэтэха? — чуть удивляется он. — Я ж к вам для совместной отработки вариантов и официально. У вас всё есть. Лично отправлял.

— Не на моей кафедре. И я бы предпочёл не оставлять запросов на эту тему, сделанных собственной рукой.

Кажется, новость от Чоу его слегка озадачила. Поскольку он, несмотря на все мозги, на ходу упускает уже вообще очевидные моменты.

— А, ну да…

— И ещё. — Придвигаюсь к нему поближе. — Друг Моше, а как ты смотришь, чтоб обменять часть времени работы твоей чудесной, редкой, заграничной техники, плюс свою неподсудность у нас, на какое-то количество денежных знаков?

— Что надо сделать? Рассказывай. — Он моментально и буднично переключается на меня со своих терзаний по Чоу.

_____

— Мали, надо поговорить!

Товарищ из «соседнего» департамента и, попутно, компаньон нагло засунул голову в двери кабинета.

— У нас совещание! — махнул рукой атлетичный темнокожий офицер. — Позже!

Разумеется, на попозже после этого перенеслась плановая работа со своими, которая была тут же скомкана и свёрнута.

Как только собственные сотрудники начали покидать кабинет, Кузнечик моментально просочился в приоткрытую дверь и требовательно устроился на единственном сломанном стуле (у которого периодически отпадала спинка).

Не владеющий сложной оперативной обстановкой кабинета «сосед», естественно, тут же о неё опёрся, усаживаясь на стул верхом.

Спинка весело загрохотала по полу.

Кузнечик, потеряв равновесие, клюнул носом вперёд, едва успев выставить руки.

— Внимательно вас слушаю. — Вежливо изобразил дистанцию Мали, поскольку последние подчинённые, покидая кабинет, тут же обернулись на шум.

— Бл…! Что у вас за рухлядь! — Кузнечик, перепутавшись руками и ногами с рухнувшим на бок стулом, высвободился из плена злодейской мебели не сразу.

— Вообще-то, этот стул для проверяющих и прокурорских, — посмеялся Мали, внимательно наблюдая за тем, как закрываются двери за последним из выходящих сотрудников. — Ёбнулся, сюда

приходить?! — совсем другим тоном накинулся он на товарища, как только они остались одни.

— Уймись, — поморщился Кузнечик, придвигая к себе другой стул и аккуратно надавливая на него руками перед тем, как сесть. — Твоя Первая Транспортная бабу сбивала квартал тому?

Глава 23

— А зачем оно тебе надо? — спросил в ответ Мали, холодно и спокойно глядя на знакомого. — С какой целью интерес? Тебе что, своих дел мало? Или это ты таким техничным образом, снимая с меня отчёт, пытаешься забраться выше в иерархии? Чтоб не рядом стоять, а типа мною уже рулить? Чтоб я тебе о каждом шаге отчитывался?

— Мне вообще не надо, ты прав, — легко согласился белый, придвигаясь ближе и начиная говорить тише. — На приоритет не претендую! — Кузнечик выставил пустые ладони вперёд, всячески демонстрируя отсутствие претензий. — Но тут такое дело. На вэцэ недавно приходил пацан, сказался сыном убитой. Сразу грамотно позвал старшего дежурной смены, назвал тому айди криминального дела, предъявил прямое физическое родство с убитой и вежливо попросил посмотреть момент наезда. Старший смены — мой товарищ, в школе учились вместе. Говорит, что общался пацан чересчур грамотно.

— Опа. — Лицо темнокожего моментально разгладилось. — Извини. Продолжай?

— Да я тебе всё рассказал, — изображая беззаботность, пожал плечами борец с дурью. — Ну вот, разве только, сам ролик с вэцэ закачал. Может, и тебе будет интересно.

Кузнечик подвинул свой комм по столу и нажал воспроизведение.

— Можешь фокус с разных камер покрутить, — разрешил он собеседнику. — Там перекрёсток на семь точек, отлично всё видно. И номер машины, и марку, и ваш логотип по борту.

— Блядь. — Лязгнул зубами африканец после трехминутных манипуляций с техникой. — С-сука. И ведь знал, что не надо за это дело браться… «Старый товарищ, ну помоги, чего тебе стоит», — передразнил он, видимо, сам себя. — К тому же, она была жена того, кто…

— СТОП! — Кузнечик неожиданно быстро накрыл рот Мали ладонью. — Ты мне только сейчас не рассказывай, ладно? Я ж к тебе не в долю проситься пришёл.

— Мы и так в доле, разве нет? — удивился темнокожий.

— Я имел ввиду, долю твоих личных, — белый выделил слово, — дел, к которым я не имею отношения. Давай соблюдать договорённости? Совместное дело — это одно; а в личные дела друг друга не лезем. Ты согласен, что наезд нашей машины на бабу, у которой потом появляется активный сын, не способствует

тишине в дистрибуционной цепочке?

— Близкий знакомый попросил. — Угрюмо признался Мали. — Из отдела убийств. Муж этой бабы, кстати, с нами работал одно время. Там некрасивая история вышла, я тебя деталями грузить не буду, — предвосхищая вновь открывающийся рот товарища, поторопился проговорить он. — В общем, одно к одному: и хату их братва быстро отжала после того, как мы бабу исполнили. И они мне теперь услугу должны, а нам в районе Шёлкового Базара чинки же мешают. И с ним я, получается, за её бывшего мужа рассчитался. — того они в своё время прибрали.

— О, так они наших чинков скоро поправят?! — моментально оживился белый.

Конкуренты из Азии, плотно окопавшиеся в районе новой застройки, пока откусили только один сегмент: нищих трудовых мигрантов. Но опыт других агломераций говорил: давать азиатам продавать на своей земле нельзя. Половину рынка перепортят, если не больше.

— Да. То будет чисто наш район, никаких залётных. Подставят по полной, как будто групповая разборка. Кто не ляжет там, тот сядет не на одну пятилетку. — Чуть приоткрыл планы и личную кухню криминальный полицейский. — Я тебе вообще этого не рассказываю никогда, договаривались же. Просто делаю свои функции. Тут совпало так неудачно, — он явно имел ввиду Первую Транспортную. — Спасибо за сигнал.

— Я не обсуждаю твои методы на твоей половине, — подумав, озвучил Кузнечик. — Тебе виднее, что и как делать. Но есть вопрос, даже два. Почему не решили вопрос с этим активным парнем тогда, заранее? И, попутно, а откуда он вообще всплыл?! Ты же понимаешь, что правила есть правила, и для всех они одни?

— Да пацан из больницы выйти не должен был! — разгорячившись, рявкнул Мали, вскакивая со стула и нервно направляясь к окну. — ТЫ меня за идиота не держи! Я всегда проверяю всю цепочку связей, и никого лишнего не оставляю!

— ТЫ заметил, что орёшь обычно тогда, когда у тебя не хватает логических аргументов? И когда ты чувствуешь свой промах? — спокойно и где-то весело ответил белый. — Я сейчас не спорю, просто информирую.

— Да… пардон… В общем, пацана их сынишка моего товарища искрой огрел так, что парень из больницы выбраться был не должен. — Уже спокойно повторил Мали. — Видимо, из-за этого затык и случился: пацана раньше матери списали. Кстати, с ней ещё и поэтому вопрос решать надо было: чтоб сына копа не тягали, куда не надо. У них первая сильная искра в семье, серьёзные планы, он в нашу академию поступать собрался… А тут этот

додик с летальным исходом из-за обычной пацанской ботвы на улице. В общем, я сам не понимаю, что за пацан и откуда он вылез, блядь. Может, не родня? А вообще кто-то залётный воду мутит?! — неожиданно засомневался и распереживался темнокожий. — Залегендировался — и роет под нас?

— А это ты прямо сейчас проверишь. Со своего терминала, как официальное лицо. — Тщательно скрывая торжествующую нотку в голосе, якобы скучая, проговорил Кузнечик. — Лови. Это биометрия пацана, он её предъявил на вэцэ.

— Зачем? — искренне удивился замначальника крипо, мгновенно распаковывая файл и запуская сверку по унитарным базам. — Он же сто процентов денег им занёс?! С хуяли б ему вообще что-то показывали, если б он на сухую принёсся?

— Ну вот такой аккуратный мальчик. — Нейтрально заметил борец с дурью. — И денег дал. И представился. И айди по биометрии предъявил. Чтоб у вэцэ, не дай бог, не было сомнений касательно противозаконности момента.

В этом месте оба полицейских весело и искренне заржали.

— Дай бог, чтоб все были такими, — Мали повеселел сразу после того, как данные на владельца айди появились у него на экране. — Так, Алекс Алекс. Шестнадцать лет. В больнице валялся порядком, но вышел живой и здоровый… медкарта муниципалки, по большому счёту, без ограничений, а в медбазу не полезу, извините; нам лишние следы ни к чему… Т-а-аак, в день выписки попадает в Квадрат, за драку с патрулём! — африканец уважительно присвистнул. — Бля, максимальный срок, решением Главы Суда! Поскольку он там и судьёй драться полез. Гы-ы-ы, ну ты красава… Видимо, это после Квадрата он теперь ходит с деньгами и с айди наперевес. По инерции, — весело предположил темнокожий. — Пуганая ворона, как говорится, куста боится. Кстати, хату у него братва отжала успешно… Так что, текущее место обитания — загадка. С-сука, это ж он теперь может от вольного всплывать, где и когда хочет, — продолжал размышлять замначальника крипо. — И теребить любые колокольчики. И дома его не застанешь, поскольку дома у него теперь-то и нет.

— А сколько он в Квадрате оттарабанил? — заинтересованно поднял бровь Кузнечик.

— Максимальный срок для его возраста.

— Слушай, так давай его сбреем по моей линии?! — несостоявшийся армейский тыловик в течение пары минут описал изящную комбинацию непобедимых факторов, которая была возможна только на стыке взаимодействия криминальной полиции и борцов с дурью.

— Снимаю шляпу. — Озадаченно кивнул Мали, дослушав. —

Слушай, а чего ты раньше эту схему не рассказывал?! Вроде, всё на поверхности, а как идеально…

— Она не для регулярки, — отмахнулся Кузнечик. — Это исключительно для себя заготовка. В суд такую мотивацию регулярно таскать нельзя. В суде не идиоты.

— Я тебя умоляю, — скривился африканец. — Вопрос цены. Год срока равно тыща монет. От нас судье. Ну, пусть цена чуть поднимается, если это регулярка. Но ненамного же?

— Уходим от темы, — пресёк нескромные желания товарища белый. — Вот его комм. Уведомление можно напрямую отправить, с какого-нибудь вашего красивого оперативного номера. Получится?

— Как два пальца. — Кивнул темнокожий. — Я лично сделаю. Птица когтя не подточит.

Кузнечик не стал поправлять товарища, для которого Всеобщий был неродным. И который периодически говорил понятные, в общем-то, вещи; но смешными категориями иного континента.

_____

Моше шагал к себе, испытывая противоречивые чувства.

С одной стороны, сам собой наметился просвет в одном личном деле. Именно из-за него капитан Фельзенштейн, под личиной старшины, в местном бардаке сейчас, по большому счёту, и присутствовал. Кое-кто из формальных граждан страны, параллельно имеющий соседний паспорт, был лично виновен в смерти близких.

На официальном уровне ему было сказано не дёргаться, потому что политический момент и никакого соглашения об экстрадиции с той страной, куда свалил чрезмерно хитрожопый любитель грабежей стариков.

К несчастью, отец Моше, находившийся в неудачный момент у родной сестры, успел сориентироваться и начал сопротивляться. Лучше бы этого не делал…

В армии же, в отличие от прочих мест, выслушали внимательно и ко всему происшедшему отнеслись с пониманием. Новое место пребывания фигуранта было определено буквально в течение недели (есть и у армейцев и свои возможности в этом мире). С самим Фельзенштейном после этого говорил командир бригады, рядом с которым молча улыбался пожилой уже интеллигент в штатском (явно гражданским не бывший).

Итогом негласных договорённостей стали сразу два пункта. Во-первых, теперь уже старшина (по документам) Фельзенштейн направлялся к отдалённым союзникам. Просвещать их на тему

методик эксплуатации и боевого применения беспилотной авиации в условиях пустынного рельефа. Заодно, может, получится там додуматься до чего-то толкового. Задача была давно запланирована на уровне Генштабов, но руки никак не доходили.

Во-вторых, в агломерации предполагавшихся теоретических изысканий старшины-капитана, находился и тот, кого он разыскивал.

— А уж как ты с ним сладишь, твоё личное дело. — Прикрыв глаза, нейтрально сообщил командир бригады. — Им ты ни в каком варианте неподсуден. Из техники с собой возьмёшь, что захочешь. Включая все виды амуниции, — ввиду явно имелись боеприпасы любой номенклатуры. — Я не думаю, что наши дроны ловятся тамошними гражданскими и полицейскими средствами.

— А от на эту тему мы не будем гадать или предполагать. — Впервые за всю беседу заговорил гражданский старичок, продолжая улыбаться. — Капитан нам всё зафиксирует как по итогам тестовой обкатки, так и по результатам реального применения на их городском ландшафте. Если он сам на месте решит, что это будет правильно.

До Моше и раньше дошло, что дед старше комбрига не только по возрасту. Теперь же, под взглядами двух проникновенно смотрящих на него человек, он в этом полностью убедился.

— К сожалению, мы не сможем придать вам никого из людей. — Продолжил «гражданский». — Но ваше начальству, вкупе с разработчиком и производителем техники уверены: вы как-нибудь выкрутитесь. Если решите применять. — Лишнего сказано не было.

— А как я один это всё в воздух поднимать буду?! — изумился капитан.

Но впервые за всю беседу понимания в лице начальства не нашёл. Личный состав не обсуждался. Точка. Ехать придётся одному.

_____

И вот теперь, как ни смешно, проблема нужных людей местами была решена. Волей случая и на ровном месте.

Как минимум, второй номер у него был. А со связями пацана среди местных военных и полную пятёрку можно было укомплектовать. Была в числе его близких интересная темнокожая девка-сержант, явно не только в логистике понимающая. Через неё точно можно выйти на нужный контингент.

Кстати, в силу некоторых субъективных причин и по совместительству, Моше весьма неплохо знал, как ведётся негласное дознание. Не хватавшего компонента теперь можно

было не опасаться: после принципиальных договорённостей, на ресурсы семьи Хаас тоже можно было рассчитывать. Это Алекс не обращал внимания на её взгляд. Сама же Анна изо всех сил старалась тянуться и топорщилась, чтоб соискатель считал её равной.

Хотя, по правилам местной аристократии, более крутой считалась она (теоретически).

_____

За некоторое время до этого.

— Прикольно. — Говорю, выслушав израильтянина. — Не боишься?

— С чего? — натурально удивляется тот. — Я даже если тебя сейчас исполню, в вашей юрисдикции мне ничего не будет. А тут вообще неловленый мизер. С нашей техникой.

— Зачем тебе тогда нужен я? Если в вашей технике, как ты говоришь, мы полные дебилы?

— Всё время забываю, что ты не военный. — Досадует он. Говоря правду. — Давай на примере… Что ты знаешь о применении БПЛА? В принципе?

— По нолям. Ты говоришь, даже наш генералитет не имеет понятия о реальности. — Легко говорю чистую правду. — Так от меня ты чего хочешь?

— Вот ты тугой, — нервничает и злится он. — Всё разжевать надо… Давай начнём с малого. Самое меньшее — это сводная усиленная тактическая группа, под конкретную местность и задачу. Можешь предположить, из чего она будет состоять? Ты же в армейском заведении учишься?! — стенает он, взывая к тому, чего у меня никогда не было и не планируется.

— Да мне насрать на ваши роты, — пожимаю плечами. — Я тут случайно и ненадолго. Я же тебе честно рассказал, что я тут делаю. Если ты спросишь, как такому кабану, как ты, в печень правильно пробить — могу и рассказать, и показать, и научить. А эти ваши военные стратегии… мимо сада.

— Бля… как тебя преподы терпят… Взвод обеспечения. Взвод транспортировки. Инженерный взвод для оборудования полос. Взвод охраны. — Загибает пальцы он. — Знакомые слова? Или тоже объяснять?

— Пока всё понятно.

— Взвод авиаразведки. Взвод радио-электронной борьбы — это чтоб не перехватывали управление в воздухе над их позициями.

— А такое возможно?! — против моей воли, ему удаётся меня заинтересовать.

— Долбаные японцы. — Вздыхает он. — Кое-чему научились. Сами не летают, правда; но и другим не дают. Если ты купил японский комплекс, то я без взвода РЭБ твоей позиции уже ничего не сделаю. Проверено. — Он вздыхает ещё раз. — Управление упоминал, нет? Тогда на закуску — отделение управления.

— Однако, — уважительно присвистываю. — А теперь скажи, как ты собираешься мной одним заменить семь групп? Которые ты сейчас обзывал взводами и отделениями? Ты меня не переоцениваешь?

— Давай договариваться. — Серьёзно предлагает Фельзенштейн. — Обеспечение, транспортировка и оборудование полос не считаем: стартовать будем здесь у вас наредкость нормальное место. Охрана тоже не нужна.

— Почему? — туплю я.

— Потому что тут нас охраняет Корпус. А там будут работать только дроны-камикадзе. — Напоминает он. — РЭБ тоже не считаем: у вас его не может быть по определению.

— Уверен?

— Да. Не бзди: они ПВО проходят в пустыне. Не то что вашу полицию тут, — пренебрежительно фыркает Моше. — Это всё равно что система наведения разделяющихся боеголовок, — презрительно добавляет он. — По сложности. Она тебе сильно нужна, если у тебя нет ни носителя, ни самих боеголовок? И с делящимися компонентами ты работать не умеешь? В общем, мальчик, не переоценивай свой муниципалитет. У вас меня даже армия не перехватит, если я этого не захочу. Не то что ваша сраная полиция…

— Остаются авиаразведка и управление, — итожу.

— Да. Вот первое ты можешь заменить на местности лично. Либо — организовав функцию. Я научу и покажу. — Он пронзительно смотрит на меня. — Для второго нужны ещё люди. Возможно. Что это за сержант с тобой постоянно? Вашего Колониального Корпуса?..

_____

Раздел личных чатов Корпуса.
Alex: *Анна, можем сейчас встретиться?*
Haas: *Да. Куда прийти?*
Alex: *Шагаю во второй спортзал.*
Haas: *Сейчас буду.*

Глава 24

Когда я прошу Хаас встретиться, рассчитываю проконсультироваться у неё сразу по нескольким моментам. Спортзал, кстати, подходящее для такой беседы место: и людей полно, и внимания ноль, и системы аудио наблюдения, говорят, отсутствуют. Даже Алекс утверждает, что ничего не чувствует на пределе возможностей: вроде, только камеры без звука.

Когда она появляется, я понимаю, что спортзал откладывается: Анна приходит, сверкая скобами на челюсти и явно новым передним зубом (вижу благодаря искре).

— Внимательно слушаю, — хмуро говорит она, пытаясь повернуться боком.

Так, чтоб мне не было видно её лица.

— Мне нужна частная детективная компания. Личного опыта по теме не имею, боюсь что-то сделать не так. Я уже обдумал ситуацию со всех сторон, боюсь сам не справиться в тех моментах, где нужны связи и сумма знаний. — Перехожу к делу, попутно раздумывая, как быть.

— Почему не воспользовался обычным поиском? — равнодушно говорит она. — У тебя такая сложная задача, что имеет значение квалификация компании?

— Скорее связи, — запускаю нужный ролик на экране своего комма и показываю ей. — Это была моя мать. — Говорю, когда ролик оканчивается.

— Я догадалась. — Она наконец включается в беседу и придвигается поближе, касаясь меня плечом. — Что ты хочешь уточнить и для чего тебе розыск?

Всё это время Алекс по внутренней связи нашёптывает мне, что я — полный болван.

Честно говоря, эта же мысль возникает у меня и независимо от него. Просто я поначалу не хотел фокусироваться на том, что ей неприятно.

— Ладно, мои дела подождут. — Неожиданно для себя, обнимаю её за плечо. — Что с зубами и с челюстью?

Она, поёрзав на скамейке, придвигается ко мне ещё ближе.

— На занятиях, якобы нечаянно, нивелиром по зубам. — Ёжится она. — Типа, он разворачивался, не глядя за спину. Нивелир на треноге. И прицепиться не к чему было, чтоб не стать посмешищем. Понятно, что неслучайно. — Видно, что речь ей даётся ещё с трудом, несмотря на мастерство местного медсектора. — Но прямо на месте я даже не сообразила, как быть.

В глазах как будто искры, боль страшная. А потом уже препод меня к медикам наладил. А после медблока махать кулаками не комильфо. Да и не смогу я кулаками…

— Кто?

— Однокурсник. Но он сам из той компании, что под Энзи. — Она тихонько всхлипывает, используя мой рукав в качестве носового платка.

— Прошлый раз это было полотенце, — бормочу себе под нос.

— Угу, — невнятно бубнит она. — Да всё нормально. Просто раньше такого никогда не было. Больно и непривычно… Сейчас в себя приду, займёмся твоим субподрядом…

— А ты можешь найти, где он сейчас? — Принимаю единственно возможное решение с задержкой только потому, что прокручивал в голове наставления Бака. Из добросовестного отношения к договорённостям. — Я слышал, тех, кто в одной группе учится, на своём комме видно?

— А чего его искать? — она, видимо, уже чуть пришла в себя, поскольку говорит почти нормально — Вон он, на волейбольной площадке. — Хаас указывает пальцем на ту сторону атлетического манежа, где две команды без особого азарта перекидывают мяч с через сетку.

— Номер двенадцать? — с помощью соколиного глаза Алекса и его особых способностей, удаётся без труда определить того игрока, что сгорает от любопытства.

Исподтишка наблюдая за нами.

— Да. Откуда знаешь?!

— А он сюда поглядывает втихаря, — сообщаю ей. — Пошли пообщаемся, раз такая оказия и разыскивать его нигде не надо.

— Прикольное у тебя зрение, — произносит она мне в спину, поднимаясь и послушно шагая за мной.

Где-то даже излучая слабое любопытство.

_____

Двенадцатый номер на волейбольную площадку пошёл, можно сказать, через силу. Откровенно говоря, ему была не особо приятна подлость в адрес Хаас, которую его принудили сделать днём.

Но спорить со старшими, плюс клановыми… Это был не вариант. Тем более, лояльность своим надо доказывать с Корпуса — это если ты хочешь, чтоб тебя в клан по итогам обучения всё же приняли.

Не секрет, что на новичков и пришлых в любом клане приходится больше половины грязной работы. Ему это объясняли раньше, намекнули и сейчас. И хорошо, что самой Хаас ничего

серьёзного не грозит. Говоря прагматично, медпункт залатает без следов. И вообще, вся эта шалость вполне может считаться относительно безобидным розыгрышем, успокаивал он сам себя.

Но на сердце кошки всё равно скребли. Может, волейбол отвлечёт?

Хаас, кстати, зачем-то прямо сейчас припёрлась в манеж, несмотря на опухшую морду. Как оказалось через минуту, пришла к своему обеспечиваемому. К протеже на той дуэли, после которой Тэд Энзи и поручил использовать нивелир на одном из занятий.

Двенадцатый номер усилием воли отогнал угрызения совести по поводу глотающей слёзы девчонки. После занял место на углу площадки, благо, как раз была его очередь подавать.

Он подбросил мяч повыше, примериваясь и занося руку для удара, когда сзади, ниже спины, словно вспыхнула искра и тазовые кости словно пронизало молнией.

Сбитый с ног пинком под зад, двенадцатый номер растянулся на деревянном полу. Справа-сзади глухо стукнул об пол упавший мяч.

— Извините, я крайне неловок сегодня, — раздался голос обеспечиваемого Хаас. — Эй, дятел, не лезь к нему! Звоните в медсектор! У него трещина в тазобедренном суставе и защемление нерва в позвонке.

Над площадкой повисла тишина.

Двенадцатый попытался подняться, но боль прострелила его повторно. Слёзы выступили непроизвольно.

— Я не шутил, — серьёзно повторил долбаный прихлебатель Хаас, нависая над головой. — Будешь ёрзать — будет хуже. Позвонок-то треснул. Которым нерв защемило.

— Ты мне что, спину сломал?! — заорал двенадцатый с ужасом, стараясь не шевелиться ниже пояса и поворачивая на голос только шею.

— Так вышло. Извини, я нечаянно. Хотел пошутить. — Этот козёл сейчас явно издевался.

— Это же неслучайно? — тем временем, к протеже Хаас приблизился капитан волейбольной команды. — Соискатель Алекс?

— Угу. В смысле, да, я Алекс. А насчёт случайностей — НУ И ЧТО? Я не прав и не извиняюсь. Что дальше?

— Кажется, кто-то нарывается. — Раздался голос восьмого номера.

Маячащая за спиной соискателя Хаас не оставляла сомнений, откуда дует ветер.

Игроки другой команды с любопытством смотрели и не вмешивались.

Восьмой номер переглянулся с капитаном, после чего они

принялись охватывать новенького с двух сторон, взмахом приказав остальным очистить площадку.

— Без искры! Голый кулак! — громко прошепелявила Хаас в этот момент.

Капитан проорал что-то нечленораздельное, подбадривая себя и замахиваясь. Ловя солнечным сплетением выброшенную вперёд пятку и отлетая спиной на пол.

— Я младший Энзи! — Зачем-то выдал восьмой номер, картинно поднимая кулаки под подбородок.

— Не твой банкет, дядя. Не твой банкет. — Алекс пренебрежительно махнул рукой, обозначая удар в лицо, но вместо этого впечатал всё ту же правую пятку в колено восьмёрки.

Через половину секунды присутствующие наблюдали потерявшего сознание учащегося с торчащей в обратную сторону костью. Из ноги, согнутой против коленного сустава.

Соискатель оглянулся по сторонам и заговорил громче, так, что его было слышно как минимум на соседних площадках:

— У меня есть мнение, что дятел номер двенадцать сегодня действовал не по своему почину! Я не знаю, кто там из вас учится с Хаас, но говорю для всех, скопом: никакой клан вас не защитит, если выяснять отношения придётся со мной! Я не знаю, что вы за говно пацаны, если смотрите, как при вас бьют маленькую девку! Сломанную жопу этого мудака можете считать предупреждением! Отдельное послание тем, кто его настропалил: я не буду ничего доказывать!.. Просто будете доставать своих людей из медсектора! И попутно… Передайте Тэду Энзи! Если он хочет, чтоб его соклановец ходил, пусть вызывает того же врача, который лечил его! Он поймёт!

Присутствующие на первой волейбольной площадке в этот момент увидели самого Тэда Энзи, выбегающего из раздевалки и рысящего сюда.

Видимо, Алекс что-то такое почувствовал, поскольку тут же развернулся в направлении нового участника событий:

— О, привет старым знакомым, — он ехидно и мерзко изобразил улыбку и на одно мгновение прикрыл правый глаз рукой. — Привет, адмирал Нельсон! Так, с меня ещё один должок…

Новенький наклонился над двенадцатым номером и в воздухе коротко мелькнул кулак.

— Сверка завершена, — тем же мерзким голосом оповестил присутствующих Алекс. — Теперь у него тоже челюсть и зубы. Ну, заодно анестезия: он без сознания.

— Ты сейчас очень зря так себя ведёшь. — Внешне спокойно сказал Тэд Энзи, демонстративно закатывая рукава.

В ответ Алекс смачно и с оттяжкой харкнул ему на брюки.

Затем поднял взгляд:

— Кажется, я снова не прав. И снова не извиняюсь. Что дальше?

— Без искр! — истошно заорала в этот момент Хаас, обращаясь почему-то к Тэду.

Скобы на челюсти и пострадавшие днём зубы ей почему-то уже не мешали.

— Или сожгу нарушителя прямо тут! Концентратор на мне, — мстительно продолжала орать она, хлопая себя между выпуклостей груди. — Отношения между ними, — Хаас выстрелила указательным пальцем в сторону Тэда и Алекса, — на этапе арбитражного разбирательства! Если кто применит искру — я буду действовать по уложению!

— Это нечестно! — крикнул кто-то с противоположной стороны волейбольной площадки. — Мелкий здоровее и лучше тренирован без искры! Чем Энзи!

— А вас кто-то из спортзала ссаными тряпками гонит?! — картинно удивился Алекс в ответ, ведя рукой вокруг. — Тем более, Энзи это всё и затеял. Жаль, доказать не могу… Да и сам он — вон какой здоровяк, а я — худой и кашляю, — продолжал кривляться недомерок. — Энзи, а знаешь, что… — соискатель перестал юродствовать на публику и повернулся к более высокому и мощному противнику. — Я тебе повторю при всех. Каждый мудила, которого ты подпишешь против меня или Хаас, будет страдать! И твоего сраного клана не хватит, чтоб защитить хотя б одного долбо… ты понял. Твой клан — говно, Энзи! И ты говно! ВЕСЬ КЛАН ЭНЗИ — ДЕШЁВОЕ ГОВНО, КОТОРОЕ НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ! ТОЛЬКО ПРЯТАТЬСЯ ЗА ЧУЖИМИ СПИНАМИ! Сегодня отпускаю. Можешь идти.

Обеспечиваемого Хаас явно несло, как после наркоты..

Быстро сделав шаг в сторону, он махнул ногой и его ступня сбоку звонко щёлкнула подъёмом по заднице Энзи.

— Свободен. Печать стоит. — Объявил Алекс в полной тишине.

Кажется, на первую волейбольную площадку сейчас смотрели со всего атлетического манежа.

Говорить больше было не о чем.

Энзи молча и решительно сделал длинный шаг вперёд, выбрасывая правую руку в голову противнику.

Глава 25

Вообще-то, Тэд этого недомерка не боялся. У него было время тщательно проанализировать их первую стычку и подумать о сильных и слабых сторонах себя и противника.

Если слушать клановых психологов, такие поражения нельзя оставлять за спиной. От них и до невроза с боязнью недалеко. Пусть использование искры невозможно именно сейчас, по трём причинам, но остаются кулаки и преимущество в росте и весе. Кстати, подраться Тэд тоже был не дурак, с такими-то габаритами. Другое дело, этот новенький перед глазами так и мелькает… быстрый, сволочь.

Ничего. Подловим. Длина рук — это очень мощное преимущество.

Камеры тут работают без звука, но видео выходит отличное. Если всё же использовать искру, этого уже с записи будет не удалить…

На время арбитражного разбирательства, любое использование искры по противоположной стороне автоматически равно признанию вины. Со всеми вытекающими.

Ещё одним моментом был концентратор в руках Хаас. После происшедшего, она сопли жевать не станет, к бабке не ходи. Если саму Анну ещё можно было попытаться пересилить на счёт стихии-антагониста, то её концентратор своей водой передавить точно не удастся. Проще сразу выстрелить себе в голову.

Все эти, и ещё кое-какие, мысли пронеслись в голове Энзи, пока он делал шаг и успокаивался. Попутно бросая вперёд руку, чтоб выманить соперника нырнуть под неё.

Дальше — дело техники. Пусть недомерок сократит дистанцию.

Тактики клана что-то проанализировали не так. Поступив в точности с рекомендациями инструкторов (а они только пару дней тому прорабатывали именно этого противника — на всякий случай), Тэд получил под руку не кулаком, а ногой.

Это долбаный Алекс как-то странно развернулся на пятке, выбрасывая ребро второй стопы прямо под руку Тэда.

Больно. Энзи успел напрячь пресс, пуская толику сил от искры в мышцы, но ощущение всё равно было, как от кувалды.

Да как он сумел так натренироваться?!

Крякнув, клановый здоровяк отшагнул назад, восстанавливая дыхание и собираясь с силами. Автоматически, как на тренировке, он выбросил вперёд уже левую руку — чтоб сбить возможную

атаку.

Именно за эту руку его неожиданно сильно ухватил Алекс, дёргая на себя.

Тэд успел только удивиться необычному течению обычной, в принципе, драки, когда прилетевший по дуге в его лоб локоть поставил точку в их втором с новеньким столкновении.

_____

— Хаасы ведут со счётом четыре-ноль. — Картинно объявил Алекс.

Перед этим как-то хитро дёрнув Тэда на себя за руку и огрев его при этом локтем в лоб.

К удивлению наблюдающих, от короткого (и на вид несильного!) удара здоровяк Энзи рухнул, как подкошенный. Вначале сложившись в коленях, затем завалившись лицом вниз[5].

_____

— Господа, счастливо оставаться, — новенький недомерок, кривляясь, изобразил поклон со снятием шляпы (которую наверняка видел только в художественных видео по сети).

— Зря ты так на клан попёр. — Недобро прищурился капитан второй волейбольной команды, проскальзывая под сеткой и направляясь к новенькому. — Не боишься, что Хаасы от всех не прикроют?

— Хочешь проверить? — Алекс тут же развернулся и пошёл навстречу говорившему. — Сыграем раунд и с тобой?

— Коллектив плюнет — утонешь. — Многозначительно покачался на пятках здоровяк-волейболист, нависая над невзрачным простаком.

— А вы не коллектив. — Упёрся взглядом в собеседника Алекс, для чего ему пришлось задирать голову. — Шошка коллективом не бывает. Я своими глазами видел в столовой, как вы все чехлились. Когда они, — кивок в сторону валяющегося на полу Энзи, — с вас положняк собирали. Знаешь, в одном интересном месте те, кто позволяют так с собой обращаться, вскоре занимают одно оч-ч-ень малопочётное место. Не буду тебе говорить, какое именно — ты всё равно не поймёшь… Вы просто позволяете с собой делать всё, что захочет сильный. Значит, и я с вами буду делать всё, что захочу. Сыграем раунд?

Капитан-два уже оценил прыть и силу удара новичка, потому поступил хитрее. Имея преимущество в росте и силе, он неожиданно быстро сгрёб нахального соискателя в охапку, лишая возможности манёвра.

Упуская при этом ноги. И пропуская акцентированный удар

коленом.

— Пять-ноль. — Объявил недомерок в тишине атлетического манежа и кивнул младшей Хаас в сторону выхода.

_____

— Чай, твоя душенька довольна? — спрашиваю у Анны, когда мы выходим из спорткомплекса.

Не то чтоб меня парило внимание окружающих, но Анна явно не хочет оставаться одна. А в присутствии волейболистов, ей было бы неудобно ждать, пока закончу упражняться я.

— Как ни парадоксально, но полегчало. — Серьёзно отвечает она. — Никогда не думала, что я — такое низменное и мстительное создание. Даже зубы перестали болеть, — признаётся она. — Вот же… СПАСИБО.

— Не за что. Для чего ещё друзья… тем более, ты ж явно из-за меня пострадала.

— Зачем тебе частные детективы? Какая задача? — без перехода выдаёт она. — Спрашиваю потому, что у них есть своя специализация. И если тебе нужно взыскать алименты со скрывающейся супруги, то это будет не тот специалист, который ищет вора, укравшего документы из твоей квартиры.

— Мне надо узнать ровно три вещи. Первая: какой следователь вёл дело об убийстве моей матери? И как его найти?

— Включая домашний адрес? — Хаас пронзительно смотрит на меня, уже что-то выбивая на виртуальной клавиатуре своего комма.

— Да. Второе: что написано в заключении патологоанатома? И кто этот патологоанатом…

— Включая домашний адрес? — повторяется Анна, перебивая меня и продолжая изображать пулемёт на виртуальной клавиатуре.

— Да. Третье: а чем вообще закончилось это дело?! На мои запросы, департамент полиции тупо не отвечает. Юрист корпуса отказался заниматься делом.

— Почему нам не поручил? Когда по квартире задачу ставил? — отстранённо уточняет Хаас, читая пришедший в режиме реального времени ответ.

— Да ну, неудобно… Квартира — тут понятно. Законно, прозрачно и без подводных камней, — поясняю свою логику. — А по этому делу непонятно что может всплыть. Чего я буду вас в разные интересные варианты втягивать…

— Я не напрашиваюсь. Просто уточняю подоплёку. — Так же отрешённо и на ходу поясняет она. — Та-а-ак. Мои говорят, тут нужен не детектив. Тут нужен недавно уволившийся коп, у

которого товарищи ещё имеют доступ к базам. От трёх до пяти тысяч, как пойдёт, — виновато сообщает она, захлопывая виртуальную клавиатуру и обращая внимание на меня. — Впрочем, могу отцу звякнуть. Это будет бесплатно, — она явно на что-то решается.

— Нет, отца просить не надо. Категорически. Попутно есть такой момент… — рассказываю без утайки кое-что, случайно подсмотренное на комме математика из полиции.

— Это что-то федеральное. — Уверенно отвечает Анна. — Потому что они *всегда* используют дэвэбэ, как прикрытие. На территории любого муниципалитета. Я тебе больше скажу. Если ты видишь пометку полицейского дэвэбэ, знай: девяносто из ста, это федералы.

— Херасе… Почему так?

— Они именно с ДВБ много работают в тандеме, имеют личный контакт. — Она задумывается.

— Вот потому отца просить и не надо. — Вставляю в образовавшуюся паузу.

— Почему? — выныривает из размышлений Анна. — У него совсем другой ресурс, клановый. Как раз в этом варианте, я бы с ним как минимум посоветовалась.

— Друзья мы с тобой. А не я и твой клан. Можем найти детективов, чтоб ответить на мои три пункта?

— Сегодня будет ясно. — Говорит Анна без тени сомнения в голосе. — Сами вопросы несложные. Другое дело, всплыть может что-то такое, что тебя и меня не обрадует.

— Let tomorrow take care of itself, — философски пожимаю плечами.

_____

Лютер был у Хайке, когда ему переслали из Корпуса видео с последней дракой сына.

Промотав ролик ускоренно, он грязно выругался. Включив воспроизведение повторно (и замедленно), он обнаружил у себя на плече голову женщины.

— Опять он? — подосадовала фрау Штавдакер, запуская ладони в волосы сенатора. — Сколько ж ещё терпеть…

— Не знаю. — Грустно сказал Энзи-отец, убирая комм на тумбочку. — Сейчас ведь и сделать ничего нельзя: мало ли, как повернётся.

— А что твой предыдущий план? — поинтересовалась Хайке. — Если секрет — можешь не отвечать.

— Да там пока непонятно, — размыто ответил Лютер. — Я пока приостановил заказ. Я думал, Хаасы в деле для галочки.

— А оказалось?

— А оказалось, что они взялись за дело, как за своё. И на Совете Кланов подбирают сторонников, чтоб поднять вопрос концентратора на следующем собрании. — Сенатор старался казаться невозмутимым, но провести подругу у него явно не получалось.

— Понятно. — Вздохнула Хайке. — Ладно. На всё воля Господа. Глядишь, и ему воздастся. — Она не упомянула имени, но они оба друг друга чудесно поняли. — Иди сюда…

_____

Когда зазвонил комм, Чоу хихикнула: она была уверена, что угадает причину вызова.

— Здравствуйте, уважаемый сенатор, — весело поприветствовала она на Всеобщем одного из Энзи, чей номер у неё определился автоматически. — Что случилось на этот раз?

— Мне крайне неловко тревожить вас регулярно, ещё и по одному и тому же поводу. — Сенатор действительно выглядел не особо радужно (несмотря на женскую руку на своём плече). — В этот раз у нас сразу несколько пострадавших. Все находятся в медсекторе Корпуса. Я могу попросить вас осмотреть их как можно скорее? Мне передали, что есть все основания опасаться уже знакомого вам характера травм. По крайней мере, предупреждение звучало именно так, — проговорился, видимо, сенатор (поскольку тут же явно пожалел о последней фразе). — Деньги будут переведены, как обычно! — попытался он переключить фокус беседы на новую тему.

— Сделаю. — Кивнула ЮньВэнь и отключилась.

Она находилась в номере Моше и именно сейчас ей никуда ехать было не нужно. До медсектора можно просто прогуляться пешком.

Перво-наперво, она загрузила автоматическую сводку происшествий на территории Корпуса. И моментально нашла последнюю драку Единички.

Та низенькая девчонка из местных кланов, что всерьёз угрожала ей перед дуэлью, похоже, бродила вместе с Алексом уже на регулярной основе. Её внешний вид, с опухшим лицом и хирургической шиной на челюсти, не оставлял сомнений в причине конфликта на спортплощадке.

С другой стороны, эта Хаас реально помогает Единичке и является, практически, его единственной точкой опоры в местном паучатнике.

ЮньВэнь неожиданно почувствовала что-то типа великодушия. Хм, неужели это Моше так на неё действует?

После того, как избитая подруга появилась в атлетическом манеже, Единичка на записи пошёл раздавать по заслугам всем причастным. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтоб связать одно с другим.

Вмешаться или нет? Чоу задумалась. С одной стороны, можно предупредить этого сенатора на будущее. И намекнуть, что следующий пострадавший из их клана, поднявший руку на Единичку, может и не получить помощи от хань.

Но тогда придётся зайти в намёках и дальше. И говорить сенатору, что вся ассоциация традиционной ханьской медицины послушает не его, а её. Молодую и безвестную врача, приехавшую в Федерацию на время.

Вообще-то, оно так и будет, если она захочет. И её действительно послушается вся ассоциация. Но тогда возникнут другие вопросы: например, а кто она такая? И кого представляет? Если от таких денег отказываются все без исключения врачи-китайцы, живущие хоть и не бедно, но всё же, никак не роскошно.

Увы. Единичке придётся и дальше крутиться самому, приняла решение ЮньВэнь. Тем более, он неплохо справляется. Даже намёков на влияние ханьских кланов ***тут*** *допускать нельзя.*

Потому что от догадки недалеко до следующего вопроса: а насколько же велико это самое ханьское влияние? И на что оно ещё распространяется, кроме ассоциации традиционных китайских врачей?

Глава 26

После известных событий Грег Хаас настроил автоматическую закачку уведомлений с сервера Корпуса: если дочь попадала в медпункт, его тут же об этом автоматически извещали, была такая опция. Имелись определённые опасения по теме, чего уж. Иногда родителям лучше сразу узнавать самое плохое, тогда остаётся резерв по времени для манёвра.

Хотя, в глубине души, ничего серьёзного он не ожидал. Ну не совсем же идиоты на той стороне? Не говоря о войне с женщинами (с них станется), в период арбитража подставляться лишний раз будет не лучшим вариантом ни для Энзи, ни для Штавдакеров. В итоге, по результатам регулярной Ассамблеи, можно и в активах потерять в виде штрафов. Включая некоторые вотчины.

Когда тренькнул именно этот уникальный сигнал, настроенный на Корпус, он бросил все дела и с замиранием сердца впился глазами в экран. Судя по характеру травм, Анне кто-то съездил по зубам. Механически, без искры.

Родительский доступ к капсуле медсектора был автоматическим при условии, что в капсуле находится твоё чадо. Ещё через пару минут Грег знал, что никакой опасности нет; но на душе всё равно было тоскливо. Будь Анна пацаном, он бы слова не сказал. Но девочка, невысокая и такая хрупкая…

Пересилив родительские гнев и злобу, он удалённо активировал одну не совсем законную программу на комме дочери. Вообще-то, само наличие этого программного продукта являлось уголовным преступлением. Теперь, благодаря весьма недешёвой (и никак не простой) модели аппарата Анны, он мог наблюдать происходящее вокруг неё, пусть и в ограниченном радиусе.

К сожалению, в таком режиме комм транслировал преимущественно в инфракрасном диапазоне, от чего вкус происшедшего сглаживался.

Грег не стал, поддавшись интуиции, ни звонить, ни орать, ни требовать. Он решил просто плыть по течению, наблюдая за последующими событиями.

И не прогадал. Сразу из медсектора дочь направилась к новому товарищу, а вот уже в атлетическом манеже развернулась основная часть действа.

Признаться, как отец девочки, Хаас был полностью удовлетворён разрешением инцидента. Положа руку на сердце, он бы и сам не сделал лучше.

Пацан, в отличие от клановых, не заморачивался ни

этикетом, ни оценкой возможных последствий, ни размышлениями о клановых рисках. Вследствие ещё более натянувшихся отношений.

Просто пошёл — и вломил. Вначале — тому, кто стукнул Анну (судя по контексту). Затем — его товарищам, видимо, тоже как-то замазанным. Один из них, младшая ветвь Энзи, вообще был бы серьёзно покалечен, если б не искра и возможности медицины Корпуса.

— Когда нечего терять, видимо, есть в том и свои плюсы. — Задумчиво пробормотал Грег, сохраняя запись последних событий у себя и, исключительно ради удовольствия, запуская программу-конвертер в нормальное изображение.

Если подумать, имеются в нищете и определённые преимущества: физически, сделать во время арбитража ему вряд ли что-то могут. А давить экономически или через бизнес на того, у кого бизнеса нет — нонсенс по определению.

— Прикольно, — задумчиво оценил только что открывшиеся перспективы Хаас-отец.

А на картинке с комма Анны продолжало разворачиваться продолжение приключений.

Видимо, на крики бескланового простака, поносящие всех подряд Энзи, из раздевалки примчался сам Тэд. После предсказуемого обмена любезностями, активная фаза заняла менее десяти секунд.

Хаас-старший впечатлился повторно и сбросил входящий звонок одного из судов (потом можно набрать самому, а сейчас интересно, что будет дальше).

Когда же его дочь удалилась со спортплощадки под «…счёт пять-ноль в пользу Хаас!», Грег, махнув рукой на правила, запаковал три файла и отправил их жене. Направляясь к бару и прикидывая, какую бы бутылку откупорить.

Подобное развлечение выпадает нечасто. Грех не запить такие вкусные впечатления.

Он искренне любил Винни, потому старался не волновать лишний раз супругу (она очень близко к сердцу принимала даже обломанный ноготь дочери. А тут такое!).

Но, уважая свою половину, он не счёл возможным скрывать происшедшее. Тем более, Анна всё равно в деталях опишет подробности во время вечернего ежесуточного созвона с родителями, перед сном.

Так пусть жена всё узнает от мужа первой, плюс поглядит видеоряд.

Жена не разочаровала. И, судя по присланной картинке выпученных глаз, с тремя присланными файлами разобралась

самостоятельно. Первой была программа-распаковщик хитрого изображения. Вторым файлом было непосредственно видео. Третьим — конвертер изображения в нормальное.

Ещё через секунду от жены пришло короткое слово: «Блядь!!!!!..». И серия восклицательных знаков после него.

Судя по отсутствию какого-либо связного текста вообще, Винни всё истолковала правильно.

Во-первых, непоследние в негласной иерархии кланы возят носом мало что не по дерьму. Что автоматически означает потерю ими части влияния (и голосов депутатов!) в муниципалитете. Не сейчас — так в перспективе.

Во-вторых, делает это неодарённый простак, которому они в ответ не могут ничегошеньки сделать по чисто техническим причинам. По крайней мере, в краткосрочной перспективе.

В-третьих, и в-главных, за дочь можно не опасаться. Трения между кланами, одарёнными, их семьями были, есть и будут. На пол, увы, в среде одарённых скидки часто не делают. И Анне лучше приобрести неприятный опыт сейчас, при поддержке верного товарища. В относительно безопасном месте, в шаговой доступности самой качественной медицины.

Чем потом, одной, когда это будет шоком.

Отдельным бонусом шло происхождение Алекса. У парня потенциально не было слабых мест, поскольку он был гол, как сокол. Ни бизнеса, ни семьи, ни внятной перспективы (которой тоже можно неплохо шантажировать, увы).

— А ведь на клошара-то и не надавишь, — сформулировал парадоксальное для себя открытие Хаас-отец сразу после того, как налил на два пальца рому.

Надо будет обязательно поговорить с Винни. С неё станется — может попытаться подтянуть парня поближе.

Этот контакт принадлежит дочери, пусть Анна с ним единолично отношения и строит. Как отец, Грег видел: у дочери это получается гораздо лучше, чем сделали бы они с женой, вместе взятые.

Говоря прагматично: прилюдно наваляли пяти одарённым. Макнули в дерьмо Энзи при всех (даже двоих из Энзи, если совсем точно). Предупредили о регулярности экзекуции, случись что с Анной из аналогичного.

И всё это — абсолютно бесплатно, за три минуты, вообще без каких-либо авансов. Исключительно на текущих отношениях.

Нет, дочь в руководстве явно не нуждается. Сам Грег на её месте предлагал бы деньги. И не факт, что из этого что-то получилось бы.

_____

— Тебе насколько срочно нужны ответы? — уже перед жилыми корпусами уточняет Хаас, которой только что пришло ещё одно сообщение.

— Чем быстрее, тем лучше, — пожимаю плечами. — Не тот вопрос, который можно отложить в долгий ящик.

— Мои сейчас по дороге кое с кем пообщаются. Это займёт время: кабак по пути, всё такое… В ходе разговора, они попробуют навести мосты. — Сообщает диспозицию Анна, поводив своим коммом в воздухе. — Без гарантий, но и не голяк. Контакт в муниципальном следствии, на самом верху. Родственник, — добавляет она. — Обычно он на такие вопросы отвечает. Но тут фишка в том, что ты не свой, не клановый. — Она чуть задумывается. — А с другой стороны, и дело-то плёвое. И вообще, абсолютно законное.

— Пойдём тогда ко мне?! — предлагаю. — Чай, кофе; девчонки наверняка с едой уже что-то порешали.

— Ну пошли, если это удобно, — недолго сомневается Хаас, затем решается. — Только это долго может занять! — предупреждает она, топая ко мне впереди меня же. — Это не забег на скорость! Я своего двоюродного брата грузонула; хэзэ, как он там мужа кузины матери разговорит.

— Это своего родного отца, что ли?! — быстро сопоставляю услышанные степени родства.

— Не-ет, — смеётся Хаас. — Ты чего… у моего деда, отца матери, было шестеро детей. У меня двоюродных по её линии двадцать четыре человека. Потому что у каждого дяди или тёти тоже не по двое детей, а больше.

— Ничего себе вы… к детям с позитивом, — в последний момент сдерживаю слово «плодовитые».

— Одарённые из них далеко не все, увы, — по-своему понимает меня она. — Многие на простаках женятся, искру не по всем линиям получается сохранить.

_____

Когда мы приходим в мой номер, там застаём, кхм, не совсем одетых Жойс и Камилу, загорающих на балконе. Перила они занавесили какой-то простынёй, которой у меня раньше не было. Снизу их невидно.

— Мы поработать, — сообщаю им, высовывая на балкон одну голову и косясь назад, на Хаас.

— Да без проблем, — отмахивается Жойс. — Тут у тебя уютно, мы зависнем на некоторое время. И вид шикарный. И, если кто позвонит, мы с Камилой на территории части.

— Не бухали? — спрашиваю подозрительно.

— Боже упаси. — Вздыхает она. — Пьянству бой. Пока хватает. Нарасслаблялись. Карвальо вон, вообще спит… Как подбитая.

Между ними стоят два термоса, видимо, с чаем и кофе.

— А из чего вы кресла сделали? — они их не просто из чего-то согнули, но ещё и накрыли какой-то мягкой натуральной тканью. Лежать голым телом намного приятнее, чем без прокладки.

— Так у тебя пенка же тут лежала. Уже уложенная в форму. — Блаженно щурится Жойс. — Ты думаешь, ты один такой грамотный?

— У меня одна штука лежала, — лихорадочно вспоминаю, чего я ещё не знаю о запасах в своей комнате. — А у вас по двойному слою, плюс свёрнуто не экономично!

— Не занудствуй, — морщится Жойс, не открывая глаз. — Хочешь — ложись рядом. Я тебе массаж на затылке забацаю… Ты же не думаешь, что боевой сержант, шарящий в логистике, на территории военной части останется без пенки?! Даже если мне её понадобится грузовик?!

— Тупонул, — соглашаюсь. — Это ты у того деда разжилась?

— Нормальный унтер. Да мы и коллеги же. И дверь с балкона в комнату плотно закрой! — доносится от неё, когда я направляюсь к Анне. — Мы поспим часок…

— Интересная жизнь. — Нейтрально говорит Хаас, косясь в сторону балкона, устраиваясь на моём стуле и принимаясь ездить на нём по всей кухне. — Ладно, к делу. Брат обещал ответить в течение пары часов. Можешь дать ещё раз поглядеть свой ролик? А то мне кажется, я что-то упускаю.

_____

Жойс поначалу пыталась честно продолжить спать на балконе. Но Коротышка с этой белобрысой местной о чём-то так активно болтали, что сон как рукой сняло.

Не то чтобы она ревновала, нет. Было бы к кому…

— Но что-то в этом есть неправильное, — решительно сказала она себе на Всеобщем, поднимаясь с импровизированной лежанки и направляясь в комнату.

Это Камиле всё по барабану. Вот она и спит, как убитая. А Жойс по Алексу где-то скучает, когда они не видятся. Можно хоть сейчас пообщаться лишний час, пока вместе. Или и правда, уволиться к чёрту из армии? Впрочем, эта мысль слишком радикальна для текущего антуража. Её надо обдумать в другой обстановке. И Алекс пусть для начала свои сертификаты получит,

да экзамены сдаст.

Выйдя в комнату с балкона, Жойс какое-то время из вредности ходила по помещению раздетой. Считай, у себя, не в гостях. А мужиков, кроме своего, рядом нет.

— Извините. Я могу попросить вас одеться? — набралась наконец наглости белобрысая Хаас через пару минут и серьёзно посмотрела на кафузу.

Сержант только фыркнула, ничего не отвечая. Но сразу после этого на неё просительно уставился и Алекс. Хлопая телячьими глазами. Пришлось вздохнуть и вдеться в штаны и форменную куртку, оставшись, правда, босиком.

Они с Камилой ещё днём заказали сюда доставкой пару замороженных цыплят, специй, кое-чего в довесок. Сейчас Жойс планировала это всё приготовить, чтоб устроить праздник живота (раз алкоголь на неопределённое время откладывается или даже вообще отменяется).

— Подвинься, — она нейтрально хлопнула белобрысую по спине и собственноручно перекатила её вместе со стулом в сторону, освобождая себе путь к плите.

Следующие полчаса Алекс с Хаас упражнялись в прогнозировании расходов на возможные оперативные надобности. При этом, Коротышка изо всех сил старался не проязычиться насчёт овода. А белобрысая, не владея всем объёмом информации, напирала на то, что на разматывание федерального клубка (почему-то — через местный полицейский ДВБ) можно не тратиться.

Жойс ненадолго задумалась. С одной стороны, месть — святое дело. По крайней мере, на её и предков Коротышки родине считается так.

С другой стороны, Карвальо подставлять тоже нельзя: та влезла во всё это исключительно из-за дружбы. Нарушить условия помощи было бы неверным.

В принципе, возможность припрячь местных клановых стоит немало. Приготовив цыплят, Жойс молча поставила одного из них между Хаас и Алексом, а второго унесла на балкон.

— Еда?! — не открывая глаз, весело повела носом просыпающаяся на запах Камила.

— Угу. Держи, твоя курица, — проворчала сержант, присаживаясь по-индейски рядом и разрывая руками зажаренную птичку на две условно равные половинки. — Мать, слушай. Такое дело…

_____

Там же. Через пятнадцать минут.

— … если Коротышка начнёт валить всех причастных тут, в муниципалитете, звоночки всё равно же зазвенят. — Окончила она пояснение. — А так есть нормальная возможность делегировать это клановым. Только надо придумать, как намекнуть им про овода. Чтоб тебя не подставить.

— Фигасе ты втрескалась, — ехидно покачала головой Карвальо. — Вот это тебя засосало, гы-ы.

— Что по теме? — не дала себя сбить с толку темнокожая.

— Скажи от своего имени, — пожала плечами подруга, доедая свою половину цыплёнка и ловко выхватывая крыло с хрустящей корочкой с тарелки Жойс. После чего впилась в него зубами. — Ты же тоже знаешь об оводе, пусть как пользователь. Клановым, чтоб впрячься, не фармакодинамика же нужна. И не его фармакокинетика… А чисто общее понимание, с чем они сталкиваются.

— То есть, ты не против? — Уточнила кафузу, поднимаясь на ноги и всовывая Камиле в руки остатки цыплёнка.

— Фе профиф, — с благодарностью кивнула та, приступая к половинке Жойс.

_____

Как ни парадоксально, но даже этот одноместный номер может вместить совсем немало народу. Я это понимаю тогда, когда с балкона выходит просветлевшая лицом Жойс и обращается ко мне:

— Я сама ей скажу про овода. Ты только не лезь с поправками.

Возмущённо набираю в лёгкие воздуха, но она не даёт мне сказать ничего:

— Наша лечительница не против. Надо только от моего имени всё говорить.

— Ты уверена, что это — лучший вариант? — продолжаю сомневаться.

— Ты скажи спасибо, когда старшие тебе помогают! — она отвешивает мне подзатыльник под взглядом насупившейся Хаас, садится по-турецки на кровати и говорит уже Анне, на Всеобщем. — Слушай, тут такое дело. Наш общий юный знакомый, — Жойс по — хозяйски кладёт ладонь мне на ногу, — не сказал тебе одной детали…

Выслушав эти самые деликатные детали от Жойс, Хаас всерьёз озадачивается. Затем начинает загадочно коситься на меня:

— У меня нет внятного объяснение, почему это всё произошло. ТЫ мне о своей семье точно всё рассказал?

Благодаря чипу, вижу её сомнения и неуверенность.

— Вот отвоюете мою квартиру обратно, сама посмотришь на все мои богатства. — Ворчу. — Я тебе не рассказал только то, что до Квадрата мне последние пару лет постоянно жрать хотелось. Двадцать четыре часа в сутки. И что мой самый любимый сон до последнего времени был — это как мать жарит мясные котлеты. Всё остальное рассказал.

— Не складывается, — растерянно признаётся Хаас, обращаясь ко мне и почему-то игнорируя Жойс. — Я не скажу, что ситуация крайне незнакомая. Нет, ловим и мы федералов регулярно на нарушении Статуса муниципалитета, и наоборот случается… но для таких действий должны быть более чем солидные основания. — Она по инерции избегает употреблять слово «овод». — А я, в твоём приближении, вообще ничего не вижу.

— Аналогично. — Присоединяюсь к ней. — Именно поэтому один израильский товарищ учит: если вы чего-то не знаете, надо спрашивать тех, кто что-то знает.

— А если они не захотят говорить? — наивно хлопает ресницами Хаас, продолжая прокручивать в голове варианты сценариев.

— Тогда есть те, кто умеют спрашивать. — Презрительно роняет Жойс. — И имеют практический опыт получения ответов.

После этих слов она гордо выпрямляет спину и пуговица у неё на груди расходится.

А грудь частично вываливается наружу.

Хаас краснеет.

В балконной двери появляется абсолютно голая Камила, с набитым ртом:

— Я ффас, только фуки помойу! — она действительно поднимает вверх две блестящие от жира ладони. — Извините!.

— Подбери челюсть, — ехидно замечает Жойс Анне, с открытым ртом провожающей голую доктора взглядом.

Глава 27

— Ник, мы к тебе кланяться пришли. Подмогните по профилю? Не за так.

Перед офицером спецотряда полиции стояли двое из абсолютно разных подразделений, что удивляло. За более чем десяток лет службы, он ни разу не видел, чтоб борцы с дурью что-то делали совместно с розыском.

— Обратитесь официально, — запустил пробный шар спец, не сжигая мостов к диалогу. — Мы же люди подневольные. Или вы думаете, что я себе сам обоснование могу выписать? Без команды?

— Вообще-то, я именно так и думаю, — белозубо улыбнулся Мали. — Как зам главного в отряде, ещё и на тумбочке, вполне можешь.

— Особенно если рисков для вас никаких, — поддакнул Кузнечик, которого смешным считали только идиоты. — Отблагодарим по-взрослому, — он серьёзно смотрел на равного по возрасту и званию здоровяка, имевшего совсем иную специализацию.

— А зачем мы вам нужны? Если рисков никаких? — резонно поинтересовался Ник. — Или вы одномоментно два отделения собрались задерживать?

— Нет, одного пацана, — поморщился Наркет.

— Его однажды патруль задерживал. Сказали, больно резкий: только инфрой и справились. — Чуть приврал Мали, поскольку ни с кем из того патруля он не общался.

Просто грамотно поработал с документами в служебной сетке.

— Ещё на судью в суде набросился. Отморозок. — Поёжился Кузнечик. Затем неожиданно признался. — Мне из него сразу информацию давить надо будет. По-горячему. Я, во-первых, не умею.

— Ну да, вы люди интеллигентные, — заржал, расслабляясь, спец.

— Это первый пункт. — Серьёзно продолжил Наркет. — Второй: я не уверен, что у меня получится не оставить следов, если разговор не сложится.

— Не держи меня за идиота, — фыркнул спец. — И не считай других глупее себя.

— К тому же, его может понадобится догнать. Брать надо в здании почтового отделения, где люди. Ну и…

Нимало не смутившись, знакомцы поведали некоторые

обстоятельства, которые в сумме говорили: дело несложное, но действительно не их профиль. Несовершеннолетнего резкого пацана самостоятельно ни розыск, ни наркеты могут чисто не задержать.

А если учесть, что колоть на инфу они его потом собирались без законных представителей, наедине…

— …гораздо лучше всем, если его возьмут под руки и тупо перенесут в другое место те, кто это умеет делать изящно и без следов. — Закончил мысль Мали.

— Ну и, мало ли… чему он в Квадрате за два месяца нахватался, — поёжился Кузнечик.

— Вот вы тормоза, — фыркнул Ник.

И озвучил сумму.

Коллеги переглянулись и неуверенно кивнули.

Он вытянул вперёд руку, ладонью вверх:

— Вы же не думаете, что тут кредитное бюро? Мне ребятам сразу что-то дать надо. Те, кто в свободной смене, оттуда сразу по своим делам пойдут.

На самом деле, заместитель начальника спецотряда прекрасно понимал недосказанное. Если действия обычных полицейских не обжаловал в суде только ленивый (особенно при отсутствии правовых оснований для применения силы — как сейчас), то его подразделение находилось вне правового поля муниципалов. Такая вот коллизия. По факту, спецотряд частично был армией. Соответственно, без федерального военного прокурора им и вопросов никто права не имел задавать. Дай бог здоровья энной поправке к процессуальному кодексу и к закону о массовых беспорядках.

— А на когда вам надо? — уже собраннее спросил он, пересчитывая деньги и прикидывая, кого из своих отправить.

_____

— Что за комм? Айди на казённый похож. — Мали, набирая текст в одной специализированной служебной программе, от нечего делать, спросил Кузнечика.

— Ты у меня спрашиваешь? — удивился наркополицейский. — Кто из нас розыск? Да шут его знает. Может, подрезал где незаблокированный после тюряги? Или спёр у кого. У такого, кому он уже без надобности… — Собеседник красноречиво посмотрел на товарища.

— Так если его комм с федерального трупа, то я тебе без надобности, — съехидничал Мали, не отрываясь от дела.

— Ага. И со снятым с трупа коммом, он в лоб на наш вэцэ попёр. — Хмуро пробормотал Кузнечик. — Давай друг другу мозги

не варить?!

— Да ладно, пошутил я…

_____

Совместный мозговой штурм с Хаас и Жойс, помимо плана действий, формирует какое-то хрупкое подобие взаимопонимания между ними.

До приязни с обеих сторон далеко, я это чувствую даже без чипа. Но и искры между ними, как раньше, уже не мелькают в воздухе.

На каком-то этапе, мой комм разражается странной трелью. Не глядя, тыкаю кнопку активации голограммы.

На четверть комнаты загорается сообщение: «На ваш запрос… муниципальная полиция… материалы дела… твёрдая копия… почтовый участок федеральной почты номер… получение отправления только лично…».

— На ловца и зверь, — почти не удивляется Жойс, начиная без паузы шнуровать ботинки.

— Видимо, на один из твоих запросов ответили, — кивает с другой стороны Хаас.

— Непонятно только, почему почти среди ночи, — удивляюсь я.

— До ночи ещё, как до Парагвая раком, — Жойс поднимается и призывно смотрит на нас. — Чего встали?! Пойдёмте проветримся! Может, там что-то интересное. Как раз же это и обсуждаем…

_____

Круглосуточное отделение федеральной почты.

Звонит колокольчик над дверью. Внутрь входит невысокий парень средних кондиций. Оглядевшись по сторонам, он направляется к единственной работающей в это время стойке выдачи корреспонденции.

Сидящий за стойкой почтовый служащий, прикрыв глаза, покачивается в кресле, как будто дремлет вполглаза.

— Добрый вечер, — парень негромко хлопает ладонью по разделительному прилавку. — У меня уведомление о почтовом отправлении, которое я должен получить лично в руки.

— Номер отправления? — не открывая глаз, уточняет дежурный.

— А тут нет номера, — удивляется парень, разворачивая голограмму.

Моргнув в воздухе, изображение тут же исчезает.

Похоже, что это является каким-то сигналом, поскольку из

подсобки появляются несколько крепких мужчин в чёрной униформе и без слов направляются к единственному работающему прилавку выдачи.

Парень в армейской форме мажет по ним взглядом и быстро делает несколько шагов назад.

Одновременно с этим, колокольчик над дверью звенит повторно и в отделение входят высокая темнокожая сержант одного из колониальных корпусов и девушка лет семнадцати, со знаками различия учащейся Корпуса.

_____

Пацан вёл себя как-то неправильно.

Во-первых, он зачем-то припёрся полноценно экипированным в стиле «милитари», хоть и без знаков различия. Косит под порядочного? Или солидности добирает?

Наблюдавший за залом (сквозь одностороннее стекло отдела сортировки) Мали молча указал взглядом Кузнечику на штатный инъектор, явно болтающийся у объекта в штатном же чехле на правом боку.

Во-вторых, следом за парнем зашли ещё двое вояк, правда, бабы. Одна так и вовсе учащаяся.

— Знаков различия на нём нет, — уверенно прошептал борец с дурью, имеющий опыт сразу двух армейских учебных заведений.

— А эти двое тогда кто? — чуть занервничал Мали.

— Загадка. — Не спешил обнадёживать товарища несостоявшийся армеец. — Может, с ним?

Девочка из Корпуса и высокая темнокожая сержант тем временем встали, как вкопанные, напротив стойки с новыми моделями коммов.

— Дешёвка. — Уронила через секунду сержант.

Тем временем, работающие на подхвате сотрудники спецотряда уже сократили дистанцию с пацаном.

— Пора запускать твоего, — одними губами выдал Кузнечик.

Мали молча пощёлкал тоном карманной радиостанции.

Его молодой сотрудник, выполняющий одновременно роль жертвенного поросёнка и попугая, вышел из другой двери, отрезая пацану дорогу к двери.

— Алекс Алекс? Без определённого рода занятий? Индивидуальный идентификационный номер в реестре налогоплательщиков не значится? — молодой соблюдал процедуру, ибо в зале федеральной почты всегда работает независимая видеофиксация.

Спецы были на расстоянии одного броска, или пары шагов, полукругом охватывая и пацана, и полицейского из отдела Мали.

— Никак нет. — Удивлённо покачал головой недовоенный. — Только имя и совпадает. Прочие данные — это вы сейчас какого-то другого человека называете, не меня.

— Что за хуйня? — Мали и Кузнечик удивлённо посмотрели друг на друга.

— Погнали в зал, — быстро сориентировался Мали. — Я трамбую. Будь рядом, ты в армии шаришь.

Пройдя сквозь отдел сортировки, они вынырнули из-за спин спецов и встали перед пацаном.

— А вы, видимо, начальники этого клоуна? — пацан пренебрежительно кивнул высокому Мали на его же молодого. — Что надо?

— Проехать с нами. — Придержав за рукав товарища, вежливо ответил Мали.

— С хуя? Основания? — ещё больше изумился пацан. — Вы даже личности моей не знаете! Уже молчу, что юрисдикцией не вышли!

— Алекс Алекс? Проживали в своё время по адресу…? — продолжал невозмутимо давить темнокожий, на самом деле лихорадочно перебирая варианты.

— Это не ваше дело, где я проживал. — Уверенно сбрил вопрос парень. — Идите нахер и поспрашивайте адреса у своей бабушки. Строго соблюдая действующее законодательство, а не нарушая его. Ваш дебил, — снова кивок на молодого, — какого-то клошара разыскивает. Он сам только что описывал. А мой айди в системе Корпуса восемь-три-шесть-пять-два-девятнадцать-девятнадцать-девятнадцать. Но вы этого не проверите, поскольку не ваш уровень…

В каждом круглосуточном отделе ценных отправлений Федеральной Почты есть универсальный аудио-видео фиксатор. Он работает автономно, дублирует все прочие камеры и находится в ведении Федерального же Министерства Финансов (что явствует из таблички под ним). Кроме прочего, этот аппарат бронирован, защищён от повреждений и имеет целый ряд недекларируемых дополнительных возможностей. Функциональная специфика.

Пацан, уверенно вещая неожиданные вещи, технично переместился в его кадр. И теперь каждое слово, жест автоматически фиксировались системой другого порядка: камера отдела ценных отправлений пожужжала, сменила фокус и теперь писала всё без исключения, на целом этаже. Тут же транслируя эту запись для сохранения в места, из данного муниципалитета недоступные.

— Ваш дебил сказал, что ***ваш*** *Алекс в системе налогоплательщиков не значится. — Пацан снова ткнул пальцем в*

сторону молодого. — Для начала, я плачу налоги по месту регистрации, в Корпусе. Имею номер федерального налогоплательщика… — пацан продолжал уверенно вещать в специальную камеру.

— Да ладно! Они вечно несут, что угодно когда их задерживают! — затюканный в течение последней минуты молодой полицейский наконец справился с собой, покраснел и подал голос.

Смотрел он при этом почему-то на Мали.

— Эй, ебланы, полегче. — Раздался женский голос со стороны. — Звони своим. — Темнокожая сержант колониального корпуса кивнула второй девчонке.

Каким-то образом бесшумно изготовившись и удерживая абсолютно недетский штатный ствол в направлении живота Мали.

Зам начальника розыска переглянулся с Кузнечиком. Тот отсемафорил мимикой, что не имеет рационального объяснения происходящему.

Мали глянул в сторону спецов. Старший из них уверенно кивнул и трое из пятерых принялись активировать искры.

— ПАПА! НА МЕНЯ НАПАЛИ! — раздался в этот момент истеричный крик самой молодой девки, обряженной в форму.

А на её руке загорелся огонь не ниже седьмого ранга.

— Девочка, ты кто? — с запозданием поинтересовался старший из спецов.

— Моя фамилия Хаас! Всем оставаться на местах до прибытия службы безопасности клана! Каждый неподчинившийся…

В этот момент у молодого не выдержали нервы и он неосторожно дёрнулся в сторону оперативной кобуры подмышкой.

С рук назвавшейся фамилией Хаас сорвался шар плазмы, срезая полицейскому руку и врезаясь в его корпус.

Дикий крик наполнил помещение одновременно с запахом палёного мяса.

— СПОКОЙНО! — старший из спецов поднял пустые ладони.

Активированные искры его сослуживцев тут же погасли.

Комм девки в это время транслировал голограмму средних лет мужика, отключившего звук со своей стороны и будто бы бесшумно отдававшего какие-то распоряжения тем, кто отсутствовал в кадре.

— Блядь, это же Хаас, — учившийся на юридическом факультете Мали опознал в изображении мужика представителя одного из ключевых юридических кланов муниципалитета.

— Так она и сказала, что Хаас, — непонимающе прошептал

углом рта Кузнечик.

— Мы окажем помощь? — подал тем временем голос старший из спецов, указывая глазами на покалеченного сотрудника.

И сделал короткий шаг вперёд.

Оглушительно бахнул выстрел. Пол перед его ногами брызнул каменной крошкой, а пуля ушла в рикошет в стену.

— Стой где стоишь. — Темнокожая сержант, убрав себе за спину и пацана, и девку, одной рукой продолжала светить стволом.

А второй, не глядя, набирала номер на виртуальной клавиатуре.

Глава 28

Соединение, установившееся с её связного устройства в виде голограммы, показало всем присутствующим обычное рабочее место армейского дежурного офицера.

— Você fala português? — едва скользнув взглядом по такому же черномазому, как она сама, бухнула сержант на тарабарском.

Не отводя при этом ствола от полицейских.

— … castellano, — с оживающим интересом во взгляде ответил тот. (кастильяно)

— Nenhuma diferença… (без разницы) — дальше разговор между двумя чёрными напоминал встречную пулемётную перестрелку.

— Представители комендатуры уже в пути. — Объявила голограмма темнокожего армейского лейтенанта на Всеобщем полицейским после того, как вояка окончил болтать с черномазой на своём. — Просьба оставаться на местах.

— Я обеспечу, — тоже на Всеобщем прокомментировала сержант и разорвала соединение.

В рядах полицейских тут же возникло дополнительное шатание.

Пятеро в чёрных униформах, переглядываясь между собой, явно о чём-то общались мимикой и знаками. Не надо быть гением, чтоб уловить витавший в воздухе посыл: что-то пошло не так.

Один из них, тревожно указав взглядом себе под ноги, вопросительно раскрывает глаза, глядя на старшего.

— Так. Дайте я ему всё же помощь окажу?! — спохватывается главный присутствующий спец, обращаясь к девке-сержанту.

— Не нужна ему твоя помощь, — мгновенно отзывается вместо неё ставший камнем преткновения пацан, выглядывая из-за чужой спины. — Шок у него средний, не тяжёлый. Сосуды закупорены тромбами: там под три тысячи градусов в плазме было… Кровотечения нет. Чем ты ему помогать собрался, массажем?!

— Стойте, как стоите! — нервно подгавкнула младшая девчонка, что была в форме Корпуса.

— Так, идите нахуй. — Явно на что-то решился старший из спецов, говоря это себе за спину. — Я на такое не подписывался. Мы тут случайно, никаких претензий не имеем! — Продолжил он, обращаясь почему-то уже к негритянке-сержанту. — Давайте как-то уладим всё до приезда начальства?! Мы не при делах,

заглянули к знакомым коллегам. — Он технично ткнул большим пальцем себе за спину, в сторону Мали и Кузнечика.

— Никто никуда не пойдёт! — снова раздался голос девки-малолетки из-за спины длинной черномазой. — Пока служба безопасности Хаас не отпустит!

— Девочка, мы серьёзные взрослые люди, — нарочито мягким голосом, вежливо и медленно начал было самый старший в чёрном. — Давай не зарабатывать проблем друг другу?

— Уложение о местном самоуправлении. От имени семьи Хаас, вы официально задержаны до выяснения. — Твердо перебила малявка. — Я Анна Хаас. На мне боевой концентратор. — Зачем-то добавила она, закусывая нижнюю губу.

А дальше в помещении образовался форменный бардак.

Два микроавтобуса с надписями «HAAS» на бортах, заблокировав входные двери (они же — ворота для погрузчиков), мгновенно выплёвывают из своих недр полтора десятка человек. От сотрудников спецотряда полиции эти отличаются только клановыми бирками, впрочем, на точно такой же чёрной форме.

Ещё через четверть минуты, подпирая сзади уже клановый транспорт, с визгом покрышек тормозит мини-вэн с маркировкой военной полиции. Из него выгружается половина отделения, вооружённая автоматическим длинноствольным оружием.

Перед входом создаётся небольшая сутолока, видимая сквозь панорамное стекло. Но служивые быстро объясняются между собой и входят внутрь двумя группами. Рассыпаясь в разные стороны от входа.

— Блядь, что делать будем? — вполголоса прошептал Мали. — Как с твоими вояками договариваться? При такой кодле? Надо что-то решать до того, как приедут прокурорские.

_____

— Официально напоминаю. Для задержания федерального военнослужащего, вам были необходимы следующие документы… Они у вас есть? — немолодой офицер в форме военной юстиции выяснял отношения с высокопоставленным представителем департамента полиции уже десять минут.

Заварившие эту бучу копы, плюс комендантские армейцы, плюс СБ одного из кланов наблюдали за разговором, переводя взгляд друг на друга.

В глазах комендачей плескалось любопытство. Частные эсбэшники излучали скуку. Полицейские же, судя по выражениям лиц, проклинали всё на свете и молились всем богам одновременно.

— Такие накладки случаются, — вяло отбивался полицейский

полковник. — Иногда, реализуя оперативную информацию, приходится действовать с некоторыми нарушениями по документам. Потому что время — деньги. В том плане, что обстановка молниеносно меняется! — суетливо поправляется он. — Имела место совместная операция двух отделов…

— Ты меня дурачком считаешь? — взвивается в воздух армейский прокурорский, переходя на ты и перебивая собеседника. — Я тебя спрашиваю: ДА? Или НЕТ?! ЕСТЬ ДОКУМЕНТЫ?! ИЛИ У ВАС ИХ НЕТ?! Хули ты меня своей беллетристикой грузишь?!

— Я сейчас не готов ответить с места, — продолжал елозить хвостом по воде коп из департамента. — Возможно, документы оформлялись по альтернативной процедуре…

— ДА? Или НЕТ?! — армейский прокурорский налился нездоровым багрянцем, снова перебивая собеседника. — ДА, блядь, или НЕТ?!! Ты, с-сука, одно простое слово умеешь сказать?! ДА?! Или НЕТ?!

— Нам необходимо обсудить сложившуюся ситуацию в иной атмосфере. — Неожиданно родил ещё одну сложную конструкцию высокий полицейский чин.

— Задержаны. — Уронил представитель военной юстиции, выматерившись затем, прекращая прения и разворачиваясь спиной. — Везу в изолятор гарнизона. Забирать пойдёте у прокурора. Судебное разбирательство — по готовности.

Затем он молча кивнул вооружённым армейцам на группу полицейских (в штатском и не только). И, обматерив ещё раз уже полицейского полковника, направился к своей машине.

———

Дознаватель от офиса городского прокурора молча работал за своим мобильным терминалом. Вообще-то, сюда его пустили исключительно в виде исключения, и только потому, что федералам звонил сам мэр.

С недавних пор, со времён конституционной реформы, существование каждой такой агломерации определялось компромиссом между двумя высшими лицами: от федералов заруливал назначавшийся из столицы глава федеральной администрации. От местного самоуправления раз в четыре года избирали мэра.

Несмотря на громоздкость системы, она была сильна именно противовесами, когда перевес одной из сторон автоматически купировался влиянием второй.

Данный случай был огромным исключением из всего, что было раньше. Совместная операция двух достаточно серьёзных

подразделений (и не последних чинов) муниципальной полиции, с одной стороны.

Против несовершеннолетнего, имеющего на момент инцидента статус федерального военнослужащего. Не подкреплённая никакими документами полиции.

На закуску, со второй стороны, против своих же полицейских, внутри муниципалитета на ровном месте взвился юридический клан Хаас. Мобилизовав солидную часть своих ресурсов и вломившись к мэру одновременно с начальником департамента полиции.

Это всё равно как танковый батальон в момент наступления, в полном составе, объявит об изменении своего статуса. И изготовится в сторону собственного штаба дивизии.

Сотрудник муниципальной прокуратуры, под нажимом мэра, был допущен исключительно чтобы муниципалы могли сохранить лицо. Если это было возможным. Возможно, на этапе досудебного расследования есть что-то такое, из-за чего за проштрафившихся копов нужно вступаться всем местным самоуправлением.

Это и должен был выяснить местный чиновник от юстиции.

Предыдущий коп, высокий чернокожий криминальный полицейский Мали, поначалу отказался общаться без адвоката.

— Без проблем, — спокойно кивнул в ответ заместитель городского прокурора. — Мне дали буквально пару часов с тобой поболтать. Потом будешь требовать адвоката уже в федеральном спецсуде.

Африканец по-прежнему молчал.

— План такой. Если у вас были уважительные обстоятельства, о которых вы не могли сообщить федералам, — прокурорский открыто намекал на возможный конфликт интересов, — ты говоришь сейчас об этом мне. Я докладываю своему боссу, он ориентирует мэра. Дальше за вас будет просить уже сам мэр.

В ответ Мали лишь фыркнул.

— Не ахти какая гарантия, согласен. Но есть деталь, ты просто не в курсе. Федеральный глава администрации пока нашему мэру ни в чём не отказывал, — приоткрыл часть мозаики представитель юстиции. — Если у вас были реальные основания по пацану, давай вместе защищать не букву, а дух закона муниципалитета.

Черномазый громко заржал.

— Несовершеннолетний. Вы затевали процессуальные действия против несовершеннолетнего. Вы известили его законного представителя? — спокойно продолжал общаться заместитель прокурора.

— А у него его нет. — Наконец сказал что-то конструктивное коп.

— Есть. Это семья Хаас. Оно просто на этапе отражения в муниципальном реестре, надо было базы обновить.

Мали с размаху припечатал себе ладонью в лоб.

— Вы были в курсе того, что он федеральный военнослужащий?.. Вы же завели дело, как полагается? Тем более, операция была совместная, между отделами?.. Вы же пытались зарегистрировать его в офисе прокурора, поскольку несовершеннолетний? Есть логи на рабочем месте?.. Вы пытались получить санкцию спецсуда на все процессуальные действия?..

_____

Кузнечик сидел на стуле без спинки.

— Предлагаю сделку, — выдал практически экс-полицейский после пятнадцати минут общения со служащим муниципальной прокуратуры.

— С чего такая смена курса? — слегка удивился представитель юстиции.

— Полицейские в Квадрате долго не живут. С тех пор, как убрали отдельные блоки для бывших копов и все теперь сидят вместе. — Вздохнул борец с дурью.

— А ваш друг Мали молчит. Я на него потратил почти час. К этапу сделки в нашей коммуникации мы так и не подошли. — Зачем-то подначил копа исполняющий сейчас функции дознавателя заместитель прокурора.

Бывший выпускником юридического, учившийся и защищавшийся у кое-кого из Хаасов. Которые, по традиции, дружно занимали до двадцати процентов преподавательских мест на кафедре уголовного процесса.

— У меня предложение сделки к Хаасам. — Чуть подкорректировал курс Кузнечик. — Мне есть что им рассказать. Да я, собственно, и расскажу. Только снимите с меня их претензии.

— Как насчёт покушения на незаконное задержание федерального военнослужащего? — ещё сильнее продолжил удивляться прокурорский.

— А если Хаасы впишутся, всё само образуется. — С непоколебимой уверенностью заявил коп. — Я просто уверен.

_____

Через десять минут, там же. Разговор по защищённой линии.

— …Вы согласны снять обвинения с одного из них?

— Подождите, спрошу у дочери. Это её вопрос… ДА. При условии передачи его личного дела, с его согласия, в службу безопасности клана.

— Договорились. Он согласен[6].

_____

Почтовое отделение в считанные минуты превращается в поле противостояния сразу нескольких организаций.

Первыми приезжают спасать Анну её клановые. Сразу за ними тормозит поддержка Жойс от местных военных, после чего моя подруга моментально расслабляется.

— Можно выдохнуть. — Говорит она, когда гренадёрского вида ребята с автоматами наперевес вместе с Хаасами оккупируют почти всё помещение. — Скажи Анне, чтоб не нервничала. Не знаю, как её люди, а наши нас в обиду теперь точно не дадут.

— Ты будешь смеяться. Но она и не думала нервничать. — Сообщаю Жойс, благо, нас никто не понимает.

— Да ну? — она прячет пистолет, после чего молча хлопает по подставленной ладони здоровенного темнокожего тоже сержанта, но уже с буквами MP на форме. — А на вид, так буквально в истерике была. Ну или в шаге о неё.

— Жойс, если Хаас орёт родному отцу на Всеобщем, это значит только одно: спектакль рассчитан на присутствующих. — Просвещаю её. — Я же был у них дома. Видел, как они общаются. Поверь, в семье они говорят на родном языке, а не на чужих. По крайней мере, родного отца на помощь на Всеобщем она точно звать не стала бы.

Жойс лупит по вытянутым ладоням ещё двух или трёх темнокожих армейских полицейских, после чего мы даём Анне увлечь нас поближе к клановому микроавтобусу.

А ещё через сорок пять минут мы втроём сидим у Хаасов и пьём чай с булочками.

К его чести, отец Анны не устраивает разбирательств с ней в нашем присутствии. Он обозначает, что самовольная отлучка из Корпуса — не лучшее решение, но после этого моментально переключается на случившееся.

Вскоре к нам присоединяется и мать Анны, сообщая, что волноваться не о чем: всё то, что может касаться меня и моей семьи, из муниципальной полиции они вытащат в течение следующих суток.

— Эпизод резонансный, — поясняет Грег, оканчивая мысль жены. — Совпадение одно на миллион. Грех не воспользоваться. Алекс, пока ничего не буду говорить; но лично для тебя всё

складывается более чем неплохо.

Ещё через какое-то время Грегу звонит какой-то чин юстиции (не понимаю в той форме), а я на заднем плане вижу одного из полицейских, пытавшихся подкатить ко мне на почте.

— Обычное дело, — поясняет мне Анна, комментируя разворачивающийся перед нами разговор отца. — Родители на это и рассчитывали. Полицейские друг друга всегда сдают наперегонки, при малейшем нажиме. Это все адвокаты и прокуроры знают. В отличие, кстати, от врачей! — задумчиво добавляет Хаас, как будто что-то вспоминая. — Тех вообще невозможно расколоть, говорят. Вот медики коллег по цеху защищают, будто родных детей.

_____

Зал специализированного суда. Помещение для заседаний.

— … ваше имя и звание, пожалуйста!

— Сержант Кайшета, Жойс. Первый Колониальный Корпус!

— Поясните, пожалуйста, ваш выстрел в помещении федеральной почты?

— Я плохо знать Всеобщий! Могу не мочь объяснить! Можно переводчик?!

— Она нормально говорила! — подаёт со своего места голос темнокожий полицейский. — В здании почты она вполне нормально говорила и понимала!

— Суд может доказать, что человек не владеет языком, — чуть снисходительно поясняет ему кто-то из судейских. — Но владение языком в суде не доказывается. Нет исчисляемого критерия минимальной суммы знаний. Плюс, вы — лицо заинтересованное.

Там же, через минуту.

Высокая темнокожая сержант очень экспрессивно обращается к судье, жестикулируя и демонстрируя чудеса мимики. Её слова синхронно переводит скучающий молодой человек, являющийся одним из рядовых сотрудников канцелярии и владеющий родным языком сержанта:

— Когда на любого военнослужащего колониального корпуса, либо на его близких, нападают любые муниципалы, есть чёткая инструкция касательно порядка ответа. Действия любого федерального военнослужащего, оказавшегося свидетелем, чётко регламентированы следующими её параграфами…

— А как вы поняли, что речь идёт о нападении на Алекса Алекса?

— Я его девушка. Мы живём вместе. Мне не нужно, чтоб он

открывал рот, для того, чтоб понять, о чём он думает. — Сержант красноречиво играет бровями, не отрываясь взглядом от судьи. — Мне достаточно видеть его лицо и глаза. Либо просто слышать его голос, неважно, на каком языке он говорит. Кроме того, агрессивность действий муниципалов лично у меня сомнения не вызывала. Я ветеран следующих компаний… И я умею отличать намерения противника до того, как начинается стрельба.

— Вас не смущает, что он младше вас?

— Не относится к компетенции разбирательства, Ваша Честь. Но я отвечу. Алекс происходит со мной из одних мест. У нас возраст сексуального согласия равен двенадцати годам для мальчиков, и тринадцати — для девочек. Он давно вышел из этого возраста и отдаёт себе полный отчёт в своих действиях со мной. Кстати… Прошу внести в протокол моего опроса тот факт, что я стреляла исключительно затем, чтоб предупредить муниципалов не дёргаться.

— Вы так хорошо владеете пистолетом? — на лице судьи впервые за время заседания проступает подобие живого интереса.

— После Лубанги, в Первом Колониальном все хорошо стреляют. Кто остался в живых… Из чего угодно, включая пистолеты. Если хотите, могу попасть в левый глаз портрету за вашей спиной прямо сейчас, с этого места. Тут метров двадцать. Это можно будет считать практической проверкой, правду ли я говорю. А ваши муниципалы стояли намного ближе.

— НЕ НАДО! Принимается… Вы не считаете свои на почте действия чрезмерными?

— Никак нет. Нападение на федерального военнослужащего равно нападению на Федерацию. Я никогда не давала повода считать, что могу плохо выполнять свой служебный долг. Или не понимать, в чём он заключается. Особенно когда надо стрелять. Или когда я вижу один из вариантов откровенной и видимой агрессии, необоснованной, в адрес федерального военнослужащего. Армия очень хорошо знает, что делать, когда муниципальная полиция сепаратистов…

— СТОП! БЛАГОДАРЮ! Сержант Кайшета, суд вопросов в ваш адрес больше не имеет! Вы свободны…

_____

После судебного заседания, на котором федералы, муниципалы и Хаасы (от моего имени) выступают в роли команд «каждый за себя», мы с Жойс направляемся в Корпус.

Анна остаётся у родителей, обещая быть утром. Кроме всего прочего, должно что-то проясниться от длинного полицейского, похожего на богомола: прямо в суде Хаасы берут его на поруки,

освобождают из-под стражи и увозят куда-то к себе.

В Корпусе обнаруживаем Камилу, изображающую морскую звезду на кровати.

— Пошли на балкон, — обнимает меня за плечо Жойс, подталкивая вперёд. — Там и пенки на двоих, и укрыться найдём. И Карвальо не разбудим тряской кровати.

Глава 29

— Алекс, что у вас случилось ночью? — кажется, у Бака входит в плохую привычку пользоваться какой-то фишкой удалённого контроля.

Мой комм вначале вибрировал рядом со мной на балконе, но я не стал отвечать, ибо полседьмого утра. И рядом Жойс.

Тогда через четверть минуты на вызов за меня отвечают автоматически и удалённо, а ещё через секунду я имею счастье лицезреть голограмму Бака, вежливо таращащуюся на меня и деликатно не глядящую в сторону Жойс.

— У вас всё в порядке? Вы где? — развивает наступление мой куратор.

Хорошо, благодаря чипу я просыпаюсь быстро.

— У себя на балконе. Всё в порядке. Ночью был у Хаас, потом сразу сюда. А вот перед этим…

Сжато пересказываю историю с вызовом меня на федеральную почту, через электронное уведомление из полиции. Которое в почтовом отделении испаряется из моего комма само собой, словно утренний туман. А вместо него меня ожидает отделение муниципалов.

— Я не понял, что вы на балконе, — вздыхает Бак. — Интерьер странный… Что за история с вызовом комендантских и дежурного нашей прокуратуры?

— Понятия не имею. Жойс поговорила с темнокожим лейтенантом, дежурным непонятно где. У него ещё в эмблемах… — добавляю по памяти деталей, проснувшись окончательно. — После этого военная полиция прибыла одновременно с Хаас, буквально минут десять. А потом какой-то тип в возрасте, лет под пятьдесят, муниципального полковника носом по дерьму возил.

— Гхм. Пятьдесят — ещё не возраст! — Зачем-то резко возражает Бак. — Тем более, если пятидесяти ещё нет! Понятно… На каком этапе сейчас ваш вопрос у муниципалов?

— Понятия не имею, — отвечаю с чистой совестью. — подписал ещё пару бумаг для Хаас, передоверяя и права, и обязанности, ибо несовершеннолетний. Они сказали, дальше они сами.

В принципе, есть подвисший вопрос с криминальным кейсом по моей матери, но не думаю, что это вообще интересует Бака.

— Разрешите вопрос? — меня словно чёрт под руку толкает. — А вы с шести утра нами занимаетесь? Или вас из-за

меня разбудили?

Куратор удивлённо смотрит на меня, как на внезапно ожившую мумию. Потом бормочет что-то типа «Mind your own business». Затем напоминает о сегодняшнем расписании моих персональных тестов и отключается.

— Зря ты так. — Подаёт голос Жойс, не открывая глаз. — Нормальный мужик этот твой подпол. Зря не ценишь.

— Почему не ценю? Очень даже ценю, — возражаю в ответ.

Но она меня, кажется, не слушает. Потому что, повернувшись на другой бок, ворчит:

— А с другой стороны, если работать с малолетками, наверное, как он и надо… Хры-ы-ы-ы…

Из номера выхожу, аккуратно прикрывая за собой дверь и стараясь не шуметь.

_____

— … напоминаю! Использование *любых* внешних устройств и каналов связи во время тестирования автоматически расценивается как попытка обмана! Уличённые немедленно удаляются из аудитории! С последующими штрафными баллами за пересдачу!

Послушав Хаас (и, частично, Бака), я решил не копить список экзаменационных предметов.

Если по какой-либо дисциплине соискатель готов к экзамену, он может её сдавать в установленные для этого дни. Правда, исключительно с восьми утра.

Языки, кстати, тут идут в одном блоке с культурой и литературой. Хаас настоятельно рекомендовала начать с «родного» Portuguese, чтоб пристреляться:

— Бывает, что человек отлично знает язык! — Горячилась Анна. — Но или запись какая-нибудь порченная попадётся на аудировании! Или диктор бормочет, как с х#ем во рту; не поймёшь ни слова! — она явно имела ввиду что-то из своего опыта. — Или лексика окажется из диалекта, которого не знаешь! Ещё и устаревшего… И пойди угадай, что журавль — это, оказывается, колодец! Бл… А язык, если что, вообще твой родной! И идёшь потом на пересдачу, как дебил. Стыдоба.

Проникнувшись экспрессией её совета, плюс послушав Алекса и Бака по теме, я решил в самом деле потренироваться.

Оказалось, на жонг-гуо и на арабский надо записываться по особой процедуре. А вот языки, использующиеся в колониях, можно сдавать чуть не каждые два дня (кстати, на них и стоимость повторного теста копеечная, если вдруг пересдавать решишь).

Заняв в восемь утра своё место в нужной группе, добросовестно слушаю весь стандартный набор указаний и предостережений, которые исторгает высокая и худая старуха в очках.

Как оказалось, с Portuguese я тут один. Тест вообще обезличен и состоит из смешных, как по мне, блоков.

Вначале заполняешь пропуски в тексте, на своё усмотрение. Правописание не учитывается, только лексика и грамматика. Вторым этапом идёт восприятие текста на слух. Третья часть — собственное говорение в диалоговом режиме, с роботом из компа.

— Проверяться ваши работы будут не мной, и не тут! — продолжает вещать грозная бабуля. — Ваши ответы, в режиме реального времени, транслируются и записываются в исключительно вашу электронную карточку Центра единого тестирования Института сухопутных войск! Оцениваться работы будут там же, в столице! Потому все разговоры со мной смысла не имеют: я здесь не более чем наблюдатель за вашей дисциплиной.

— Да она и всех колониальных языков не знает, — бормочет кто-то позади меня.

— Минус один! — грозно рявкает старуха и что-то отбивает на виртуальной клавиатуре.

Подавший голос парень моментально ойкает и замолкает. А Алекс по внутренней связи указывает мне на маленькую голографическую цифру 500, горящую в углу моего стола.

— *У того парня уже 499,* — сообщает сосед — *Не вертись! Прикольно тут у вас! Как в молодости,* — виртуальный смайлик перед моими глазами расплывается в улыбке.

— ВОПРОСЫ? — явно процедуры ради спрашивает напоследок экзаменатор.

Поднимаю руку и, дождавшись ответа, спрашиваю (Бак отдельно отмечал этот момент, как значимый):

— Соискатель Алекс. Два вопроса. Первый: мой язык разделён в директории на пару праязыков, в результате взаимодействия которых он образован. Если я выберу что-то одно, тест можно не сдавать: грамматика и синтаксис…

Она нетерпеливым кивком останавливает меня:

— Понятно. Что за язык?

— El Portunhol.

— Я не специалист, — бабуля моментально меняет выражения лица с раздражённого на задумчивое. — Вы сверялись с центром тестирования? Вы уверены, чт это уже канонический язык, а не суржик?

Вместо ответа, зажигаю подготовленную голограмму на весь стол: новая книга одного парагвайского автора плюс её анонсы в

коммерческом галанете.

— Книга — лауреат премии прошлого года, — называю одну из пяти крупнейших федеральных литературных премий. — Но вы правы в том, что единой литературной нормы не существует. Хотя сам язык уже давно есть, лет пятьсот как. Я из Порто-Муртиньо, у нас на нём все говорят. Чистого испанского или португальского в регионе вообще не услышите. Куратор сказал: вы можете через ваши настройки нажать одновременно и «кастильяно», и «португез». Тогда я смогу нормально сдаваться: если мой ответ будет совпадать хотя бы с одной из языковых норм, он автоматически будет приниматься за правильный.

— Вам же в этом случае на аудировании может текст с любой части мира выпасть! — моментально что-то сопоставляет она. — И как вы будете ангольский диалект пытаться на слух с первого понять?!

— Как раз ангольский — вообще без проблем. — Бормочу. — Я с португалоговорящей стороны реки. Не с испанской. И это у меня не второй язык, а вроде родного. А африканские заимствования из тамошних языков отчеркну и вынесу в отдельный список… Второй вопрос. Вы только что упомянули недопустимость использования внешних устройств. Я предварительно читал условия. С имплантированным чипом могу работать? Вроде, об этом надо тоже заранее предупреждать?

Пока я излагаю второй вопрос, на моём рабочем столе уже активируются обе точки, El Español и Língua Portuguesa.

— При оценке работы имеет значение, в том числе, скорость окончания тестса. А если ваш чип окажется когда-нибудь заблокированным? Скажем, в боевой обстановке? — задумчиво отвечает она. — Не хотелось бы на вас давить, — чуть мягче продолжает она, несмотря на холодный и пронзительный взгляд. — Но в реальной обстановке случаются разные оказии.

— У меня А-седьмой чип. Он из организма не экстрадируется и не перезагружается, я потому и предупредил. Если мой чип окажется когда-нибудь заблокированным, значит, языки мне уже без надобности. Значит, я своё уже отболтал…

— Минутку, — от её мягкого тона не остаётся и следа.

Она с чем-то сверяется на своём терминале, удивлённо поднимает глаза на меня, потом снова смотрит на экран:

— Я не вникла до конца. Прошу извинить. Да, в вашем случае наличие чипа на итоговую отметку не влияет вообще. Вы действительно не сможете без него функционировать. Личный вопрос: как он к вам попал? Кто позволил устанавливать такое несовершеннолетнему?!

Полдесятка таких же тестирующихся, как я, только что ушами

в воздухе не стригут.

— Валялся в больнице без сознания. Врач намёл что-то матери. Она подписала бумаги. В тот же вечер её сбила машина. Очнулся через месяц, чип обратно не извлекается. — коротко излагаю историю, как могу тихо.

Как на зло, акустика в помещении отличная.

— Благодарю. — Сухо кивает экзаменатор и предлагает всем начать работу.

_____

Дежурная преподаватель кабинета языкового тестирования не любила вставать рано. Сегодня, как на зло, была её очередь.

Один из учащихся (кстати, оказавшийся соискателем) вначале заявился на достаточно экзотический вариант теста. Честно говоря, это особо не приветствовалось. Но и не возбранялось: реальность такова, что армия должна быть в состоянии функционировать во всех местах и в любой обстановке.

Если по факту есть несколько миллионов людей, для которых этот суржик выделился в свой язык — значит, так тому и быть. Цинично говоря, этот экзамен сдаётся не с целью контроля литературной нормы. Задачи военных обычно совсем другие.

Попутно, оказалось, что она зря не проверила заблаговременно директорию с медицинскими подробностями. Пацан оказался с чипом, тип которого она не уточнила.

Вообще-то, она умела быть и очень жёсткой. Хорошо, что именно сейчас решила вначале до конца прояснить детали, а не решительно размахивать саблей.

Через секунду она убедилась: ей говорят правду. Медсектор абсолютно официально подтверждал наличие именно А-СЕДЬМОГО у этого пацана.

Детали о слиянии отсутствовали, так как чип числился снятым с производства и выведенным из применения. Его участие в работе организма классификации не подлежало.

Безукоризненно вежливо извинившись перед соискателем, преподаватель добросовестно отметила эту подробность в графе примечаний. Те коллеги, которые будут принимать у него экзамены по своим предметам после неё, уже будут автоматически предупреждены: такой чип действительно не деактивируется. Только вместе с головой пацана.

_____

Заседание малого совета кланов не было похоже на обычный суд. Если бы не каменное лицо одного из присутствующих (руки которого были скованы за спиной наручниками), то происходящее и

вовсе сошло бы за неформальное собрание акционеров какой-нибудь региональной компании средней руки.

Из обычной канвы выбивались только двое подростков, в дебатах участия не принимавшие. Они болтали явно о чём-то своём позади сектора стола, отведённого Хаасам.

— У меня очень короткая претензия. Кто будет отвечать? — Грег Хаас, вопреки обычному имиджу разбитного гуляки, сейчас выглядел тем, кем периодически и являлся: клановой акулой, способной постоять за свои интересы.

— А в чём практическая суть претензий? — предсказуемо попытался заболтать ключевой вопрос сегодняшней встречи сенатор Энзи. — Ваш дуэлянт не пострадал. В итоге… Справедливость восторжествовала. Концентратор, кстати по итогам матча вообще перешёл вашей стороне…

— Кому что, а лысенькому — расчёсочку. — Сказал в этот момент экс-дуэлянт Анне, дочери Грега.

Как на зло, все разговоры в этот момент стихли. Прозвучавшее было услышано каждым из присутствующих.

— Вы это о чём сейчас, молодой человек? — Лютер Энзи, пытаясь сделать хорошую мину при плохой игре, в лоб обратился к пацану.

Формально это не запрещалось. Но и нормальным тоже не было, поскольку являлось завуалированным оскорблением Хаасам (общаться с дуэлянтом во время арбитража через голову обеспечивающих — дурной тон).

— Что за клоунада? — громким шёпотом спросил пацан в форме Корпуса у девчонки, игнорируя вопрос сенатора. — Он это мне? Или сам с собой? Ты же говорила, что ко мне кроме вас никто не может обращаться в этом зале?

Пара представителей нейтральных кланов хмыкнули, скрывая улыбки.

— Ты прав. Общаться нельзя. — Якобы шёпотом, спокойно ответила напарнику Анна Хаас.

Проигнорированный Лютер чуть покраснел, но далее обострять не стал.

— А знаешь, Лютер, я бы тебе даже похлопал. — Неожиданно улыбается Хаас-старший в ответ на явно некорректный демарш противника. — Но дело вот в чём. Вердикт арбитра — «виновен». Я понимаю твоё нежелание терять опору в виде Честеров, которые вам служили верой и правдой не одно поколение. Но сейчас вопрос стоит, как казнить. А не, как ты говоришь, «в чём моя претензия».

— А мы примем любое ваше решение. — Сенатор привстаёт, упирается ладонями в стол и с вызовом смотрит на юриста. — Я за честные выборы, за честный арбитраж и за справедливое

воздаяние. Ты думал, я буду упираться и юлить?!

Грег Хаас удивлённо и вопросительно поднимает бровь, с тревогой косясь на дочь.

Арбитр Ральф подложил не то чтобы свинью, так, поросёнка. Он не явился сегодня на совет, прислав вместо себя по всем правилам оформленное заключение.

Само по себе, это было бы не страшно. Если бы не тот факт, что функция исполнителя приговора повисала в воздухе.

Расчёт Энзи, в принципе, был прост и понятен. Приводить в исполнение решение арбитра должен либо он сам, либо обеспечивающий пострадавшей от чита стороны. В принципе, допускается приложение руки самого дуэлянта. Но последние прецеденты настолько редки, что их можно и не считать.

Не явившись, но вынося вердикт, Ральф хитро занимал два стула одной задницей: и с Хаасами не ссорился (против справедливости же не пошёл!). И виновного своей рукой не наказывал.

А Анна была кем угодно, только не палачом. Хаас-старший знал свою дочь много лучше всего окружающего мира. Оттого теперь боялся. Как отец боялся.

С одной стороны, альянс Энзи со Штавдакерами надо останавливать любой ценой. Хайке вон, вообще пришла вместо мужа, не скрываясь и откровенно прижимаясь к Лютеру. Если не пресечь поползновения в этот раз, бог знает, куда их заведёт безнаказанность в дальнейшем.

С другой стороны, совет кланов — сам по себе сплошной символизм. И исполнить решение арбитра сейчас должна сама Анна. Либо — вся эта затея с разбирательством будет пузырём и пшиком. Поскольку виновники уйдут от ответственности, а Хаасы выступят в роли базарных клоунов, с которыми дальше можно не считаться.

Правда, если мыслить цинично и прагматично, Хаасы всё равно в плюсах: концентратор. Именно этими мыслями себя успокаивал Грег, косясь на дочь и лихорадочно думая, что бы сейчас такое сказать Лютеру.

Делать из Анны экзекутора своими руками было невыносимо. Какая же ты тварь, Ральф.

Девочка. Она просто маленькая девочка.

Его дочь тем временем, не представляя разыгрывающейся в голове отца драмы, что-то бодро наворачивала в уши своему обеспечиваемому. Не стесняясь, указывая пальцами на присутствующих за столом и, кажется, даже матерясь вполголоса.

— Грег, разрешите? — из поисков выхода Хааса вырвал вопрос

Алекса. — В чём проблема?

Хаас замялся, но ровно на минутку:

— Техническая заминка. — Кивнул он своему протеже. — Арбитр отсутствует, а…

Дальше договорить не вышло.

Товарищ его дочери плавно перетёк в положение «стоя», сделал два шага в направлении пожилого представителя Честеров и, полошив руки тому на шею и затылок, коротким движением свернул мужчине шею.

Тело представителя младшей ветви клана Энзи завалилось на бок со стула, выбило ногой конвульсивную дробь по мраморному полу помещения и затихло.

В помещении запахло нечистотами.

— Извините, я тут впервые. Всё правильно? — Алекс с глупой улыбкой преданно уставился на сенатора Энзи. — Надеюсь, я не поторопился.

— Всё в пределах допустимого, — чуть заторможено прокомментировал Грег Хаас, не ожидавший такого поворота событий (но весьма ему обрадовавшийся).

— Уф-ф, слава богу. — Пацан явно валял дурака, но ясно это было только двоим Хаасам. — Кстати! А почему он обгадился из обеих дырок? Виктор Штавдакер, когда я ему шею свернул, вроде только обоссался на полигоне. Впрочем, я тогда не соображал, могу и напутать…

В следующую секунду Хайке Штавдакер, издав нечленораздельный вой, опрокинула назад своё кресло, вскакивая на ноги.

В воздухе запахло озоном, как всегда перед мощным кастом.

Анна Хаас, среагировав с похвальной быстротой, неожиданно сильно дёрнула своего отца за руку. Сбивая родителя с ног и роняя его под стол, служивший какой-никакой защитой. Дальше она ничего сделать не смогла.

Алекс, мелькнув в воздухе пятнистой молнией формы Корпуса, коротко врезал кулаком по зубам матери Виктора, добавляя уже падающему назад телу пяткой в солнечное сплетение.

Женщина потеряла сознание ещё стоя, заплелась ногами в шаге назад и, споткнувшись о собственный стул, звонко приложилась затылком о мрамор пола.

— Ты!.. Ты!.. — Казалось, Лютера Энзи сейчас хватит удар.

— Уймись. Могу и тебя пощекотать, — идиотски гыгыкнул экс-дуэлянт. — Ай, сгорел сарай, гори курятник…

Кулак мелькнул в воздухе повторно. Сенатор Энзи, под гробовое и удивлённое молчание присутствующих, присоединился к Хайке Штавдакер.

— Кажется, кое-кто сегодня приобрёл определённое количество недоброжелателей. — Проговорил сидевший напротив представитель одного из нейтральных кланов.

— Зубов бояться, в рот не давать, — возразил протеже Хаасов. — Когда они меня чуть не исполнили, считая за дурака, мне надо было бояться меньше? А сейчас, можно подумать, они стали думать обо мне ещё хуже?

— Логично. — Неожиданно поддержала невоспитанного друга Анна Хаас. — Глупо пытаться не испортить отношения с теми, кто тебя собирался убить. Жаль, батя этого не понимает. Ой… — было не понятно, девочка мастерски сыграла или это действительно был редкий и откровенный крик души.

— Ко мне есть претензии? — Алекс весело обвёл взглядом присутствующих.

— Вы не боитесь? — спросил кто-то из младших Честеров, даже не маскируя плескавшуюся в глазах ярость.

— Посеешь ветер, пожнёшь бурю. — Серьёзно ответил Алекс. — Или, как говорят ближневосточные товарищи: на всё воля Аллаха. Если Он со мной, мне не важно, кто против меня.

_____

Там же. Через пару минут.

Хаасы моментально покинули заседания, забирая с собой и своего эпатажного пацана.

— Интересно, этот… фрукт и правда религиозный фанатик? — ни к кому не обращаясь, медленно проговорил один из нейтралов. — Или эффектно придуривается?

— А какая разница? Человек, который ведёт себя так, с головой явно не дружит. Там уже неважно, на какой почве он псих. На религиозной ли, или просто перегрелся в детстве… — ответил ему сосед по столу.

— А он ничего табуированного не сделал, — не согласился светловолосый парень помоложе. — Формально, ему только Энзи за зуб предъявлять могут. В полиции. — Последнее слово чуть разрядило атмосферу и несколько человек засмеялись. — Я не скажу, что прямо восхищён. — Продолжил говоривший. — Но, положа руку на сердце: он же в своём праве?!

Глава 30

— Пап, мы пройдёмся сами, пешком? — обращается к отцу Анна после того, как втроём покидаем место окончательного разбирательства по вопросам дуэли.

— Да я, в принципе, непротив. — Чуть растерянно отвечает Грег, явно не желая отпускать сейчас дочь куда-либо одну. — Но тут же далеко идти?

На самом деле, идти тут всего пару-тройку километров. Там по территории самого Корпуса шагать чуть ли не дольше, с учётом необходимости огибать многие места буквой «Г».

— Вы не переживайте, — пытаюсь его успокоить, как могу. — Нам с вашей дочерью правда есть о чём поговорить наедине.

Блин, прозвучало двусмысленно. Что подтверждает задорное ржание Алекса во внутреннем пространстве:

— Гений! Именно это и надо говорить отцу, чтоб успокоить его. Хы-хы-ы…

— Пап, на мне концентратор! — Хаас непонимающе смотрит на своего родителя. — И мы в городе. Считай, в центре агломерации.

— Если вы считаете, что нам следует поберечься, просто скажите. — Добавляю вслед за ней. — Даже если это что-то такое, о чём вы не можете рассказать в деталях.

— Да нет, ничего определённого. — Признаётся Грег. — Видимо, просто перенервничал там, — он указывает большим пальцем себе за спину.

— Мы вообще пойдём через Пассаж, — принимаю решение. — Заодно перекусим и поболтаем. В Пассаже уж точно можно гулять, как дома.

— Да! — подхватывает Анна и её глаза загораются нездоровым блеском голодного человека.

— Комм не выключай, — со вздохом решается её отец и уходит в сторону парковки.

_____

— Спасибо. — Говорит Анна в Пассаже, где мы приземляемся на фудкорте и заказываем себе по половине меню из трёх ресторанов, расположенных рядом. — Я, блин, не знала, что с ним делать. С Честером-старшим. И отпускать нельзя, и своей рукой… В общем, могла протормозить, — закругляет она неудобную мысль.

— Да не за что. Мне, в сущности, это было только выгодно, —

признаюсь. — А всякими психологическими изысканиями или рефлексиями я не страдаю. Он же не мог не знать о концентраторе на своём обеспечиваемом?

— НЕТ, — уверенно качает головой она. — По определению нет. Начать с того, что… — ты совсем меня не слушаешь! — через пару минут она хлопает раскрытой ладонью меня по лбу.

— Вполуха слушал. Тебе же всё равно надо выговориться, — хихикаю под влиянием Алекса. — А суть твоей речи понятна: ты сейчас пару минут объясняла и аргументировала, почему тот старик и так был не жилец.

— А о чём думаешь ты? — Хаас сердито надувается и отодвигает от себя тарелку с недоеденным гарниром.

— Хотел тебя кое о чём попросить. Лично. Чтоб никто не знал. Вот думаю, как к тебе подкатить поделикатнее.

— Законное? — безошибочно ловит суть вопроса она.

— И да, и нет. Сейчас — абсолютно законное. Если дойдёт до применения, то не факт. Примерно как езда на машине: пока учишься водить с инструктором, всё в порядке. Как только преднамеренно и целенаправленно собьёшь недоброжелателя на дороге, уже не совсем законно.

— Инструктор в любом случае за тебя не отвечает. — Уверенно фыркает Анна. — Вопрос твой в чём?

— Мне нужна отдельно стоящая, огороженная территория, с капитальным забором. На заборе будет устанавливаться блок ТСН, который смонтирую я сам. Желательно наличие более-менее капитального помещения на территории, — загибаю пальцы. — В идеале — один-единственный подъездной путь, также контролируемый владельцем этой территории. На подъездах.

— Тебе усадьба в лесу нужна. — Моментально отзывается Хаас. — Или дом в открытом поле, но с забором.

— Открытое поле менее желательно. Хотя-я, там можно организовать мониторинг этими маленькими вертолётиками Моше, — рассуждаю вслух.

— Почему не поискать аренду? — она, видимо, уже изучила меня и догадывается, что этот вариант рассматривался.

— Не обсуждается. Аренда — не вариант. Если только это не аренда у тебя, чтоб кроме тебя никто не знал. И это… мне понадобится твоя помощь. Лично, на той территории.

— Моя помощь всегда с тобой, но сходу такого дома придумать не могу. Знаешь, — она задумчиво смотрит на меня, — я могу поговорить с соседями. У них была какая-то изба и десяток акров на Северных Территориях. Но это же полсотни миль по пробкам? Та трасса всегда забита.

— Что за постройка? — ухватываюсь за единственный

вариант, поскольку иных пока не предвидится.

— Когда ещё разрешена была охота в нашем муниципалитете, это было что-то типа охотничьего дома. Этакая база на стыке ландшафтов, где и лес, и вода, и болото. И даже кусочек степи есть, но там сейчас поля и распахано.

— А вокруг избы что?

— Ничего. Лес, трава, река эта вонючая… Камыши и болото ещё.

— Идеально! Когда сможешь поговорить?!

Кажется, энтузиазм и что-то ещё написаны у меня на лбу слишком явно. Потому что в следующее мгновение она морщится, словно от зубной боли:

— Оу, оу, полегче! Я так понимаю, чужих ты туда пускать не собираешься?

— Вообще никого. Только ты и я.

— Блядь, Алекс, звучит двусмысленно. — Она смотрит на меня, как на идиота.

Вытащив свой комм, она продолжает насмешливо полировать взглядом мою переносицу и не спешит кому-либо звонить:

— Как часто мы туда будем наведываться? Если твой план сработает?

— Ежедневно. Час-полтора в сутки, минимум. Строго после захода солнца. — Не отвожу взгляда и транслирую максимальную серьёзность. — В идеале — вообще в ночное время.

— И на чём мы будем туда мотаться по ночам? — иронизирует Анна. — А ещё лучше, оттуда обратно в Корпус? И, попутно; допустим, я договорюсь о транспорте… Что будем говорить водителю из гаража отца? Или водителям соседей? Когда мы по три часа там, вдвоём…

— А вот водителю ничего говорить не надо. И водителя не надо. Где находится эта изба?..

_____

Моше с удовольствием смотрел очередной выпуск многосерийного ситкома, к которому пристрастился пару лет назад неожиданно для себя[7].

Об этой своей ипостаси он никому не рассказывал и высмеял бы (а то и чего посерьёзнее) любого, кто поднял бы саму тему.

Но себе он признался давно и всерьёз: этот сериал — самое тёплое и приятное, что случалось с ним за примерно тридцать лет его биографии. Набор вполне возможных бытовых ситуаций, игра актёров и абсолютная реальность фабулы подкупили его много месяцев назад.

Иногда он с ужасом думал: а как он будет жить, когда этот

медиа-проект окончится? Ведь всё в этом несовершенном мире рано или поздно подходит к логическому завершению.

Слава богу, пока до конца истории было далеко и капитан Фельзенштейн с удовольствием предавался своему любимому занятию (ещё, конечно, в списке приятного числились женщины. Но у сериала, в отличие от них, не было претензий, истерик, планов и обязательств. А если ты пропускал одну серию, её всегда можно поглядеть в записи).

_____

Когда в двери раздался настойчивый стук, он вздохнул и свернул голограмму видео: ни к чему Алексу, да и кому-то ещё, знать об этой его слабости.

То, что это был Алекс, он услышал ещё по его шагам в коридоре. А то, что с ним был кто-то ещё, было понятно по женскому голосу, говорившему на незнакомом языке.

— Привет. — Сосед по общежитию замер на пороге, не проходя внутрь.

За его спиной маячила та самая высокая сержант, которая жила с ним.

— У меня нет никого, проходите, — Фельзенштейн посторонился, пропуская гостей.

— Какую полезную нагрузку тянет твой второй по величине аппарат? — спросил Алекс внутри, напряжённо глядя на израильтянина.

— Сто тридцать в килограммах. Есть варианты недогруза топлива, можно выиграть ещё чуток. — Добросовестно ответил Моше.

Кажется, намечалось что-то интересное.

— Скорость? Дальность?

— Крейсерская тоже сто тридцать. Двадцать четыре часа автономки. — Пожал плечами Фельзенштейн.

— А ночью оно летает? — задала абсолютно идиотский вопрос темнокожая из местной армии.

— Да. — Снисходительно процедил израильтянин, не уходя в детали.

С другой стороны, эта дочь экваториальных джунглей не виновата, что образование с трудом пробивает себе дорогу в её родных местах.

— Как ты относишься к тому, чтоб твоя машина какое-то время поработала в роли такси? — В лоб рубанул Алекс.

— Я так понимаю, о моей работе таксистом не должен знать никто? — посмеялся Фельзенштейн.

— Точно.

— Проблема только в топливе. Жрёт он немного, но, при регулярном использовании, малая бочка должна быть неснижаемым остатком. — Выдал свои условия капитан. — Я не могу ставить под угрозу проект на вашем полигоне, если буду прокатывать ночью выдаваемое вашим складом. — Пояснил он напрягшемуся было Алексу. — Смазочное у меня всё с запасом, а вот керосина с собой не брал. — Кажется, они даже не поняли его иронии в этом месте. — Плюс, по расходу можно определить, как часто и далеко мы летали, — снизошёл он до некоторых деталей. — А ты, как я понимаю, именно этого и планируешь избежать.

— Горючка вообще не проблема, — нетерпеливо поморщилась темнокожая, придерживая своего парня за руку и подаваясь вперёд. — Я тебе хоть весь склад залью. Что он у тебя жрёт?..

———

— … вы имели мои мозги, изображали беременных тараканов и важных лиц. А сейчас я с удовольствием отвяжусь НА ВАС! Потому что сегодня начинается МОЁ ВРЕМЯ! ВОПРОСЫ?! — здоровяк-майор весело покачался на носках ботинок перед строем.

Он где-то получал удовольствие от своей работы в Корпусе. Пора тестирования была его любимым периодом. Смешно, но в таком интеллектуальном заведении допуском к тестам по разным заумным наукам стояла его физподготовка.

Бледные немощи из одарённых, выросшие в городе, сейчас полной мерой хлебнут лиха. Пытаясь вписаться в кое-какие интересные показатели. Курсы меняются, годы идут, а в Корпусе всё остаётся по-прежнему: более половины учащихся не сдаёт более половины нормативов с первого раза.

— … Соискатель Алекс! РАЗРЕШИТЕ?! — с вопросом, как офицер и думал, предсказуемо вылез тот самый человечек Бака.

Который крайний раз в одиночку штурмовал полосу без «гаврилы». Небезуспешно, надо признать.

— ВСЕМ РАЗОЙТИСЬ! Алекс — ко мне. — Проявил ожидаемую предусмотрительность многоопытный офицер.

С этого станется задать такой вопрос, что при всех на него отвечать будет крайне некомильфо.

— Что нужно, чтоб вы поставили мне автомат? — Зарядил в лобовую без преамбул пацан.

А майор неожиданно для себя задумался.

— Ваши нормативы я перекрываю с запасом, — неверно истолковал заминку экзаменатора Алекс. — Просто у вас половина ваших будущих экзекуций — групповуха. И ждать, пока они, — презрительный кивок за спину, — добегут десять миль…

Майор оживился от образности сравнения и, представив кое-что, весело гыкнул вслух. Чистая правда: процесс сверки физической мощи учащихся с нормативами во многом выполняется в расчёте на группы.

Другое дело, что у соискателя была своя программа, чуть отличавшаяся.

— У вас программа рассчитана почти на пять суток. Хочу успеть кое-что там, где я слабее их. — Пацан чуть сгущал краски, всего лишь на пять учебных дней. Но по сути, кажется, говорил откровенно, снова указывая на клановых учащихся за своей спиной. — У меня нет проблем с физухой. А с образованием и с мозгами такие проблемы есть. Это время я хотел с пользой потратить на нужное. А не ждать на финише, пока эти, — ещё один кивок назад, — доползут до него.

— Кроме очевидного, есть деликатные тесты по прикладным возможностям организма. — Майор сейчас откровенно развлекался.

Почему-то именно такие моменты он любил больше всего. Что не всегда совпадало с последующими впечатлениями его учащихся.

— А я готов прямо сейчас. Я спрашивал старшие курсы… — Пацан скинул со спины малый рюкзак.

Извлёк из него силикатный кирпич и протянул его майору.

Выпускник десантного училища сходу сообразил, куда дует ветер, но виду не подал. Повертев кусок рукотворного камня в руках, офицер попробовал его на излом и вернул соискателю:

— Норма. НЕ мороженый.

Дальше майор ожидал приглашения к ближайшему упору.

Протеже Бака снова его чуток удивил. Подбросив белый брусок в воздух, он огрел его в полёте кулаком.

Предусмотрительно работая под углом сто двадцать градусов к тому месту, где стоял экзаменатор. Чтоб пыль, крошки и песок, полетевшие в разные стороны, не попали на майора.

— Считается. — Абсолютно нечитаемо кивнул преподаватель. — Только кулаком?

— Почему? — обиделся соискатель. — Ещё локоть, колено, пятка обе проекции. Голова.

— Локоть, колено, пятка — и правые, и левые? — уточнил майор для галочки. — Обе ударные?

Как ни парадоксально, но не надо быть изощрённым в науке, чтоб даже на вид отличить простого человека от того, который в воздухе разбивает собственной головой силикатный кирпич. Брошенный ему в ту самую голову.

Баковский молча кивнул.

Майор только вздохнул. Именно он по пацану видел абсолютно чётко: всё сказанное — правда.

Но вот донести подобные массивы несложной, в общем-то, информации до клановых учащихся у него получалось далеко не всегда.

— Здесь мне даже вы не соперник. — Снова по-своему истолковал эмоции преподавателя соискатель. — У вас перекос в массу, а у меня в скорость. При равной поражающей, — он хлопнул правым сжатым кулаком в свою левую раскрытую ладонь, — я быстрее. Вначале выведу из строя ваши руки, — пацан продолжал пытаться оказать давление в свою пользу.

— Ну, взятие на приём в ближнем никто ещё не отменял, — из принципа хрюкнул в ответ преподаватель, — а тут уже масса рулит. Но это не суть…

Сказать по чести, майор последнее время пытался найти общий язык с Баком. Специально не лез и не унижался, но при случае разговор поддерживал. Пока до идиллии в отношениях было далеко, но пару файлов Бак ему всё же показал. Из тех, которые видео, и к которым допуск только у куратора.

Именно этому пацану автомат по физподготовке можно поставить и так, без экзекуций и групповух.

Цинично говоря, кивнул сам себе майор, его задача тут — это не Баку или их кафедре что-то доказывать. И не под своих прогибаться, в разных интересных межкорпоративных играх.

Его задача — выпускать из своих рук как можно больше толкового человеческого материала. Несмотря на чистоплюя и рохлю Бака, именно этот соискатель был нормальным материалом, на пять баллов. Другое дело, а Бака ли в том заслуга. Или пацан бы и сам…

В некоторых моментах, этот соискатель с одинаковыми именем и фамилией был нормальным даже по меркам учебного заведения, из которого выпускался в своё время сам майор.

Иногда на него, как на преподавателя, нападало чувство долга. В эти моменты он был до неприличия объективен. Пацан был опасен, как единица личного состава, даже по меркам действующей армии. Это если говорить исключительно оп аспекте физической и функциональной подготовки.

Во всяком случае, лично он бы такого противника точно опасался. Автомат ему можно ставить смело. В данном случае, это полностью объективная оценка.

А пять суток, вон, пусть и правда лучше потратит на эти свои дурацкие науки. Глядишь, будет в Корпусе на одного нормального человека больше. Который не пытается убрать голову с пути летящего в лоб кирпича.

Как там говорил классик? «Если абитуриент разбивает голой рукой…»[8]

Так тут даже не рукой. Тут ***каждой*** *рукой, и каждой ногой. Не говоря про голову.*

КОНЕЦ 3 части

notes

Примечания

1

«Заплатить будет дешевле, чем ловить» — Хаас вспоминает хрестоматийную байку. Кажется, в 70х годах 20 века, на слёте негосударственных служб безопасности, американцы задали вопрос англичанам: почему вы не ловите те два-три процента от оборота, что теряете на регулярных кражах? Которые происходят в ваших дорогих магазинах?

Там вроде за меховые изделия с большими ценниками расплачивались в основном чеками. И два процента чеков в среднем за год были подделкой.

Англичане ответили американцам: при тогдашних коммуникациях, эффективная система ловли этих двух процентов будет стоить в деньгах столько-то (регулярные расходы периода на поддержание Системы в работоспособном состоянии: кадры, оборудование, тогдашние каналы связи и т. д.).

А ущерб от фальшивых чеков за год набегает на сумму, которая в два или три раза меньше.

Получается, не ловить ровно в два раза выгоднее, чем ловить.

2

ГГ на занятии столкнулся с полным аналогом нашего штурмового щита ЗАБОР-М, он же «гаврила». Полцентнера.

3

В том мире нет онлайн переводчиков и электронных словарей. Ни в каком виде.

4

Чистейшей воды вымысел и авторский произвол. Ничего общего с реальностью. Об этом сказано ещё в аннотации.

5

В предыдущей книге был тренажёр вин-чун. Стоит примерно в этом же зале. ГГ использовал именно «липкие руки».

6

Андрей Загорцев, автор «ОСОБОЙ ОФИЦЕРСКОЙ», пишет: вернулся в отпуск с достаточно серьёзной должности КТОФ после зимы 1995 (есть в его рассказах). Его, уже старшего лейтенанта понятно какой структуры, от военкомата с полицией приехали принудительно доставлять на комиссию, как уклониста.

Смешной рассказ.

Даже в нашей реальной жизни бывает и не такое.

Когда я уже учился на 1 м курсе, ко мне лично приезжал точно такой же наряд (сержант полиции и не помню кто из военкомата). Я случайно был дома. Ездил на их жёлтом бобике разбираться к военкому; хорошо, догадался документы в карман положить перед выходом.

В общем, местные из муниципалитета реально могут быть не в курсе, если ты по документам где-то выше уровнем учишься, у федералов.

7

Моше присел на аналог «ДВА С ПОЛОВИНОЙ ЧЕЛОВЕКА» в своём мире. (TWO AND A HALF MEN)

8

Экзаменатор вспоминает изречение, приписывавшееся Василию Филипповичу Маргелову. Не дословно:

«Если абитуриент ломает кулаком армейский табурет с одного удара, таких в училище принимать! Неважно, что там у него по русскому языку…»